

Воронежский государственный университет
Факультет международных отношений

Кафедра международных отношений и регионоведения

Научное общество факультета международных отношений

М.В. Кирчанов

Imagining England:

национализм, идентичность, память

Воронеж
2008

УДК 820 (091) / 94 (410)
ББК 63.3 (4 Вел) / 83.34 (4 Вел)
К 436

Рецензенты: *И.В. Крючков* (проф., д.и.н., Ставропольский государственный университет), *Д. В. Офицеров-Бельский* (доц., к.и.н., Пермский государственный университет)

Печатается по решению Ученого Совета факультета международных отношений Воронежского государственного университета – план научных публикаций 2008 года.

Издается в авторской редакции.

Кирчанов М.В.

К 436 *Imagining England: национализм, идентичность, память*
/ М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений,
Воронежский государственный университет, 2008. – 204 с.

В центре настоящего издания, которое представляет собой сборник оригинальных, ранее неопубликованных статей, проблемы национализма и идентичности в истории Англии. Автор анализирует различные идентичностные дискурсы и проекты, которые нашли свое отражение в истории английской политики и литературы. Для студентов и аспирантов, изучающих политические науки, литературу и историю, а так же для всех интересующихся историей Англии.

УДК 820 (091) / 94 (410)
ББК 63.3 (4 Вел) / 83.34 (4 Вел)
К 436

© М.В. Кирчанов, 2008

© Воронежский государственный университет, 2008

© Факультет международных отношений, 2008

На первой странице обложки – иллюстрации из «Книги мучеников» Дж. Фокса: казнь епископа Ридли и отца Лэтимэра, проповедь Лэтимэра перед королем Эдвардом Шестым. На четвертой странице – иллюстрации из «Элегии, написанной на сельском кладбище» Т. Грэя (Elegy written in the country church-yard with versions in the Greek, Latin, Italian and French languages. – L., MDCCCXXXIX)

Содержание

Предисловие: английский национализм как исследовательская проблема	7
Дискурсы идентичности англосаксонской Англии: «Церковная история народа англов» Беды Достопочтенного	21
Реформирующаяся нация: дискурсы развития английской идентичности в XVI столетии	33
Весенние проповеди 1549 года: властвующая Церковь и король в роли слушателя	44
Английская пьеса елизаветинской эпохи в контексте развития национализма и идентичности	56
Королевская тема в «высокой культуре» начала XVII столетия	66
Оппозиционная и недовольная нация: дискурсы развития политической английской идентичности в 1600 – 1630-е годы	76
Страшащаяся и боящаяся нация: англичане XVI – XVII столетий в ожидании Апокалипсиса	85
My God, My King... религиозная идентичность в английской литературе первой четверти XVII века	95
Революционная нация: дискурсы развития английской идентичности в 1640-е годы	103
Английское безумие: маргинальные идентичностные дискурсы эпохи «Великого Мятежа»	113
Республиканская нация: метаморфозы политической идентичности в конце 1640-х – 1650-е годы	129

Верующая нация: дискурсы английской идентичности XVI и XVII столетий	138
Дискурсы идентичности и поэтический нарратив: на пути к рождению национальных мифов	148
Wild West Wind, thou breath of Autumn's being...: во-ображая нацию географически (литература и идентичность XVII – XVIII столетий)	157
Падение и чужие: интеллектуальные рефлексии носителей «высокой культуры» во второй половине XVIII столетия	166
Альтернативная нация: маргинальные дискурсы английской идентичности конца XVIII – начала XIX веков	173
На окраинах империи: дискурсы колониальной идентичности в произведениях Вильяма Сомэрсэта Моэма	186
Ориентализм light: дискурсы Востока в современной английской женской прозе	195

ПРЕДИСЛОВИЕ: АНГЛИЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА

В этой книге, которую автор несколько нетрадиционно для российской гуманитарной традиции, но более традиционно для западного исследовательского дискурса¹ назвал «Imagining England: национализм, идентичность, память», речь идет, как можно понять из самого названия, об Англии, точнее – развитии идентичностей и национализма в Англии, начиная со времен Беды Достопочтенного и завершая началом XX столетия.

Итак, эта книга о национализме, английском национализме.

Когда автор писал это небольшое предисловие, то он уже слышал голоса скептиков, патетически вопрошающих, зачем в провинциальном университете, столь отдаленном от Англии, писать книгу про английский национализм? Конечно, можно ответить, что это не Ваше дело, если не нравится, напишите сами, или вспомнить слова одного ныне покойного коллеги, который утверждал, что всякими западными народами заниматься не надо в виду их испорченности католицизмом и протестантизмом, равно как не надо изучать Древнюю Грецию с Древним Римом. Пусть сами греки и римляне (желательно – древние) изучают... И хотя сейчас я вспоминаю этот эпизод как недоразумение, но подобное отношение, как мне кажется, не очень толерантно.

Поэтому, следует сделать несколько вводных замечаний. Итак, повторюсь – в этой книге речь идет о национализме. В исследовательской литературе единого мнения относительно опре-

¹ См. например: Boyes G. *The Imagined Village: Culture, Ideology and the English Folk Revival* / G. Boyes. – Manchester, 1993; Inden R. *Imagining India* / R. Inden. – Oxford, 1994; Wurgaft E. *The Imperial Imagination: Magic and Myth in Kipling's India* / E. Wurgaft. – Middletown, 1983. (курсив мой – Авт.) Список подобных названий можно продолжить.

деления этого явления не существует. Исследователи сходятся в том, что националистический дискурс является чрезвычайно широким, подвижным, охватывающим различные сферы политической и культурной жизни. Всех исследователей национализма условно можно разделить на две большие группы – модернистов и примордиалистов².

Первые полагают, что нация и национализм – продукты развития Европы и Запада (к которому они относят и две Америки – Северную, англо-саксоно-французскую, и Южную, испано-португалоязычную) исключительно в Новое Время. Иными словами, в период Средних Веков, по мнению сторонников модернизма, наций не существовало. Редкий модернист утруждает себя экскурсом в Средневековье, когда ведет речь о том или ином европейском национализме. Вторые, наоборот, уверены, что некоторые национальные атрибуты и характеристики присущи человеческим сообществам изначально. Поэтому, нация – внеисторична, примордиальна, контрсовременна. Вот почему, редкий примордиалист, упоминая националистическое движение в периферийных регионах Европы (например, баскский национализм) не поставит модернистов перед фактом, что баски существуют уже не одно столетие и в данном случае логика некоторых исследователей-модернистов (уверенных, что баски в процессе модернизации были обречены проиграть в конкуренции со своими более развитыми романскими соседями, как это, например, произошло с полабскими славянами, ассимилированными немцами, или немцами, ассимилированными в некоторых регионах поляками, или австрийцами, которые влились в словенский контекст) сталкивается с непреодолимыми препятствиями.

² Автор не останавливается подробно на теоретических школах в изучении национализма, предполагая и надеясь, что возможные читатели уже знакомы с основными теоретическими концептами. Обзор основных теорий национализма см.: Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках / В.В. Коротеева. – М., 1999; Малахов В.С. Национализм как политическая идеология / В.С. Малахов. – М., 2005; Сидорина Т.Ю., Полянников Т.Л. Национализм. Теории и политическая история / Т.Ю. Сидорина, Т.Л. Полянников. – М., 2006; Кирчанов М.В. Национализм: политика, международные отношения, регионализация / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008 (в печати).

В рамках этих двух доминирующих парадигм, выделяется несколько школ изучения проблем, связанных с нацией, национализмом и идентичностями. Эти направления следующие:

1) собственно **примордиализм** является одной из старейших, но наименее востребованных в научном сообществе теорий национализма. Согласно этой точке зрения, нации изначальноны и в неизменном виде существовали всегда. Эта концепция популярна среди историков-ортодоксов, противников междисциплинарного синтеза и диалога, сторонников чистой, сугубо событийной, истории. Примордиальные концепции характерны для самих националистов, с другой стороны, примордиальные парадигмы широко изучаются в рамках идеологизма, интеллектуального институционализма и нарративных теорий национализма.

2) **примордиальный институционализм** представляет собой совокупность слабо оформленных «теорий», методологически расположенных на грани классического примордиализма и различных модернистских теорий. Сторонники этой концепции, как и классические примордиалисты, признают изначальность нации (и в ряде случаев – национализма), но пытаются синтезировать примордиалистскую традицию с западным исследовательским инструментарием. Примордиальный институционализм – попытка доказать, что нация – изначальный феномен, для которой характерен изначальный национализм и стремление оформить и закрепить свое существование в виде политических и социальных институтов. Примордиальный институционализм представляет собой политическую историю, написанную с национальных позиций.

3) **социоэкономический модернизм** представленный исследованиями Тома Нэйрна³ и Майкла Хечтэра⁴, предлагает видеть в национализме явление современной истории, возникшее в результате появления новых социальных, политических и экономических факторов, которыми были капитализм, региональные особенности и диспропорции в развитии регионов.

4) **социокультурный модернизм**, согласно которому, в лице его крупнейшего теоретика Эрнэста Гэллнэра⁵, национализм воз-

³ Nairn T. The Break-up of Britain. Crisis and Neo-Nationalism / T. Nairn. – L., 1977; Nairn T. Faces of Nationalism / T. Nairn. – L., 1997.

⁴ Hechter M. Internal Colonialism: the Celtic Fringe in British National Development, 1936 – 1966 / M. Hechter. – L., 1975.

⁵ Gellner E. Nations and Nationalism / E. Gellner. – L., 1983.

никает как неизбежное последствие модернизации. Местные интеллектуалы создают «высокую культуру» и, как результат, нацию, которая поддерживает индустриализацию, порождающую, в свою очередь, политическую идеологию национализма.

5) **политический модернизм**, представителями которого являются Джон Брейли⁶, Энтони Гиддэнс⁷ и Майкл Манн⁸, предлагает понимать под национализмом как сознательный политический проект, который призван построить политическую нацию и, как результат, национальное государство, или, наоборот, стремится разрушить политическое единство одного государства и привести к институционализации другого, оппозиционного, национализма в виде новой политической нации и нового национального государства.

6) **национально-политический р(и/е)вайвализм**, представленный исследованиями Мирослава Хроха⁹, склонен интерпретировать историю национализма как историю постепенного revival'a традиционных крестьянских сообществ, как бунт против доминирующей и этнически чуждой «высокой культуры», как процесс постепенной трансформации традиционной культуры в культуру политическую, которая стремится к институционализации национального движения сначала в виде политических партий и движений, а затем – национального государства.

7) **идеологизм**, представленный Эли Кедури¹⁰, предлагает понимать под национализмом, в первую очередь, идеологию, идеологический концепт, основная историческая и политическая роль которого состоит в идеологическом обосновании разрушения многонациональных империй и утверждения национальных государств.

⁶ Breuilly J. Nationalism and the State / J. Breuilly. – Manchester, 1993.

⁷ Giddens A. The Nation-State and Violence / A. Giddens. – Camb., 1985.

⁸ Mann M. The Sources of Social Power / M. Mann. – Camb., 1993; Mann M. A Political Theory of Nationalism and its Expresses / M. Mann // Nations and Nationalism / ed. S. Periwal. – Budapest, 1995.

⁹ Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe / M. Hroch. – Camb., 1985.

¹⁰ Kedourie E. Nationalism / E. Kedourie. – L., 1960; Nationalism in Asia and Africa / ed. E. Kedourie. – L., 1971.

8) **конструктивизм (или этносимволизм)**, видными представителями которого являются Эрик Хобсбаум¹¹ и Энтони Смит¹², понимает под национализм – явление современной (в смысле – новой) истории, которое изначально имело социально (и уже вторично – религиозно, культурно и т.д.) маркированный характер и значительное число дискурсов – в политике, культуре, идеологии, литературе, международных отношениях.

9) **интеллектуальный конструктивизм** – теория, автором которой признан Бенедикт Андерсон¹³ и, согласно которой, национализм принадлежит к числу современных феноменов, имеет ангажированный (социально, политически, религиозно, культурно) маркированный характер и значительное число проявлений-дискурсов (в политике, культуре, идеологии, литературе, международных отношениях), но формируется благодаря усилиям националистов-интеллектуалов, носителей «высокой культуры», которые совершенно сознательно и намеренно «воображают» нацию.

10) **нарративная теория национализма**, возникшая благодаря исследованиям американских и канадских специалистов по восточно-европейским литературам, представлена исследованиями Джорджа Грабовыча¹⁴, Тараса Кознарського¹⁵, Максима Тарнавського¹⁶, Олега Ильницького¹⁷. Ее сторонники предлагают

¹¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – СПб., 1998.

¹² Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит. – М., 2004; Сміт Е. Національна ідентичність / Е. Сміт. – Київ, 1994; Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія / Е. Сміт. – Київ, 2004; Сміт Е. Нації і націоналізм і глобальну епоху / У. Сміт. – Київ, 2006.

¹³ Anderson B. Imagined Communities / B. Anderson. – NY., 1983; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001; Андерсон Б. Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму / Б. Андерсон. – Київ, 2001.

¹⁴ Грабович Г. Поет як міфотворець / Г. Грабович. – Київ, 1996; Грабович Г. До історії української літератури: Дослідження, есе, полеміка / Г. Грабович. – Київ, 1997.

¹⁵ Кознарський Т. Із суржикіади / Т. Кознарський // Жолдак Б. Бог буває. Drive Stories / Б. Жолдак. – К., 1999.

¹⁶ Тарнавський М. Між розумом та ірреальністю: Проза Валер'яна Підмогильного / М. Тарнавський. – Київ, 2004.

анализировать различные националистические дискурсы через различные авторские и коллективные нарративы (narratives), отталкиваясь от анализа литературных произведений как не просто памятников литературы, а как памятников националистической мысли, как «чистых» текстов.

11) **«имперские» теории национализма** представлены в исследованиях американского автора А. Мотыля¹⁸ и его российского коллеги А. Миллера, являясь совокупностью теоретических и методологических подходов к истории национализма, в рамках которых предлагается изучать национализм в имперском контексте, как имперский, так и антиимперский национализм. В настоящее время имеет массу точек соприкосновения с национально-политическим ривайвализмом и интеллектуальным конструктивизмом.

12) **постколониализм (ориентализм)**, основы которого заложил Эдвард Саид¹⁹, а на восточно-европейскую почву переложил Мырослав Шкандрий²⁰, склонен синтезировать элементы модернизма, конструктивизма, интеллектуального конструктивизма, анализируя национализм в категориях интеллектуальной истории, истории отношений центра и периферии, колонии и метрополии, бывшей колонии и бывшей метрополии, угнетателя и угнетаемого / угнетателя и угнетенного, истории взаимных представлений.

13) **дискурсивная теория национализма**, виднейшими представителями которой следует признать Джэффри Эли²¹, Крэйга Калхуна²² и Роналда Суни²³, полагает, что национализм следует анализировать не в контексте общих и локальных осо-

¹⁷ Ільницький О. Український футуризм (1914 - 1930) / О. Ільницький. – Львів, 2003

¹⁸ Motyl A. *Revolutions, Nations, Empires* / A. Motyl. – NY., 1999.

¹⁹ Said E. *Orientalism* / E. Said. – L., 1978; Саїд Е. Орієнталізм. Західні концепції Сходу / Е. Саїд. – Київ, 2001; Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. Саид. – СПб., 2006.

²⁰ Shkandrij M. *Russia and Ukraine. Literature and the Discourse of Empire from Napoleonic to Postcolonial Times* / M. Shkandrij. – Montreal – L. – Ithaca, 2001; Шкандрій М. В обіймах імперії. Російська і українська література новітньої доби / М. Шкандрій. – Київ, 2004.

²¹ Eley G. *Reshaping of German Right* / G. Eley. – Oxford, 1980.

²² Калхун К. *Национализм* / К. Калхун. – М., 2006.

²³ *Becoming National. A Reader* / eds. G. Eley, R. Suny. – NY., 1996.

бенностей различных национализмов, а уделять внимание конкретным формам и проявлениям националистического дискурса.

14) **гендерная теория национализма.** Вероятно, корректнее эту совокупность теоретических подходов называть *гендерными теориями национализма*. Эти концепции возникли в англо-американской политической науке (Силвия Уолби²⁴, Синтия Кокберн²⁵), но в настоящее время получили оригинальное прочтение и в восточно-европейском (Соломия Павличко²⁶, В. Агеева²⁷, Т. Гундорова²⁸) исследовательском дискурсе. Национализм анализируется в категориях гендера, гендерной идентичности, отношений между полами как отношений между рабом и господином. Имеет ряд точек соприкосновения с интеллектуальным конструктивизмом и постколониализмом.

На момент начала работы над этой книгой автор успел осознать себя как убежденный модернист-конструктивист²⁹. Вероятно, среди исследователей наций и национализма модернисты составляют большинство. В этом контексте показательны слова британского исследователя Энтони Смита относительно того, что

²⁴ Уолби С. Женщина и нация / С. Уолби // Нации и национализм. — М., 2002. — С. 303 — 331.

²⁵ Cockburn C. The Space Between Us. Negotiating Gender and National Identities in Conflict / C. Cockburn. — L. — NY., 1998; Кокберн С. Пространство между нами. Особенности гендерных и национальных идентичностей в конфликтах / С. Кокберн. — М., 2002.

²⁶ Павличко С. Фемінізм / С. Павличко. — Київ, 2002; Павличко С. Націоналізм, сексуальність, орієнталізм: складний світ Агатангела Кримського / С. Павличко. — Київ, 2000.

²⁷ Агеева В. Поетеса здаму століття. Творчість Лесі Українки в постмодерній інтерпретації / В. Агеева. — Київ, 1999; Агеева В. Жіночий простір. Феміністичний дискурс українського модернізму / В. Агеева. — Київ, 2003.

²⁸ Гундорова Т. Femina Melancholica. Стат'я і культура в гендерній утопії Ольги Кобилянської / Т. Гундорова. — Київ, 2002.

²⁹ В 2006 году автор защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «История развития латышского национального движения в XIX — начале XX века», где попытался переложить на национальную латышскую историю схемы националистических штудий, заложенные Э. Геллнером, М. Хрохом, Б. Андерсоном и другими исследователями-модернистами.

«ныне существует общепринятая “история национализма” и ясно, что она модернистская»³⁰. Во время работы над текстом автор едва не превратился в законченного примордиалиста. Английский национализм – национализм сложный для изучения. И хотя эта работа – не первая публикация автора, посвященная национализму, в период работы над книгой я испытывал некоторые трудности, пытаюсь, вероятно, автоматически перенести на изучение идентичностей и национализма в Англии те методологические подходы, которые, как мне кажется, я вполне успешно использовал при изучении восточноевропейских и балканских национализмов. Английский национализм явно не укладывался в «прокрустово ложе» модернизма. Поэтому, в последующих разделах термины «нация», «национализм», «идентичность» применяются к различным явлениям в английской истории, начиная с XVI столетия.

С каких методологических позиций (из вероятных четырнадцати вышеупомянутых) следует в такой ситуации изучать английский национализм и идентичности? От комментария относительно возможности применения в изучении наций и национализма в Англии методов примордиализма и примордиального институционализма, автор отказывается, считая себя не столь компетентным в истории Англии и в силу того, что ему, как неангличанину, сложно судить об изначальности и внеисторичности английской нации. Социоэкономический и социокультурный модернизм может оказаться весьма продуктивным в контексте изучения трансформаций традиционных идентичностей в рамках модернизации.

Политический модернизм представляет немалый интерес в контексте изучения интеллектуальной активности английских элит. Ривайвализм таит немалый потенциал в случае обращения к протестным и маргинальным движениям в Англии, но в этом случае мы имеем дело с почти исключительно политическими националистическими проектами и альтернативными, социально или религиозно детерминированными, идентичностями. Этно-символизм может оказаться полезным при изучении различных дискурсов (политические, культурных, идеологических, литературных) истории национализма в Англии. Нарративная теория интересна в контексте методов описания и изучения упомянутых выше дискурсов. Имперская теория вполне применима при изу-

³⁰ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія / Е. Сміт. – Київ, 2004. – С. 83.

чении истории Британской Империи, в контексте анализа различных идентичностных проектов. В этой книге, насколько возможно, автор пытался сочетать и интегрировать основные положения большинства из упомянутых теорий национализма.

Кроме этого следует принимать во внимание и то, что под национализмом в России и на Западе понимаются, как правило, радикально различные явления. Что нередко понимают под понятием «национализм» в России? В России национализм нередко смешивают с национальной нетерпимостью, великодержавным шовинизмом. Иными словами, те, кто выступают против иностранцев или людей с другим цветом кожи – националисты... Подход простой в виду того, что почти не требует объяснений и анализа. Боюсь, что все далеко не так просто. Трудно назвать подростка, который на стене рисует свастику или пишет слова обидные для представителей другой нации, разбавляя их ненормативной лексикой, националистом. Вероятно, нельзя назвать националистом и журналиста или политика, который через СМИ отрицает существование одной из соседних наций. Эти люди, скорее всего, являются политическими маргиналами и экстремистами. Политический экстремизм – почти всегда удел маргиналов.

На Западе под национализмом понимают совершенно иные понятия, явления и проблемы. Национализм – это и желание писать на родном языке, и стремление открыто подчеркивать принадлежность к тому или иному сообществу. Для западного интеллектуала и исследователя национализм является чрезвычайно широким понятием, границы которого определить крайне сложно или вообще невозможно. В такой ситуации, Вильям Шекспир – не просто великий английский драматург, но и великий английский националист, Реформация – явление национального типа, почти национальное движение, Английская революция – националистическая революция, во время которой конкурировали различные идентичности... Именно о некоторых из этих аспектов английской истории речь пойдет в настоящей книге.

Эта книга – не история английского национализма. В этой книге речь идет только об отдельных дискурсах развития английского национализма и идентичности. Эта книга состоит из нескольких отдельных очерков, которые можно читать с самого начала, один за другими, или произвольно, выборочно (поэтому, автор отказался от написания классического научного введения и заключения). Каждому из них автор стремился придать черты за-

конченного исследования. С другой стороны, автор отказался от того, чтобы написать разделы, посвященные фигурам (например, В. Шекспиру, Джону Милтону³¹ и некоторым другим), которые достаточно исследованы в отечественной науке.

Работ об английском национализме в России немного, точнее – их почти нет. В 2005 году вышла книга «Национальная идея в Западной Европе в Новое Время», где раздел, посвященный Англии, написан Е.А. Макаровой³². Текст Е.А. Макаровой – самая значительная, но не самая удачная попытка³³ рассказать русскоязычному читателю о проблемах нации и национализма в английской истории. По субъективному мнению автора, раздел вызывает больше критических замечаний и соображений, нежели создает позитивное впечатление. Текст, посвященный национальной идее в Англии, почти не затрагивая теоретические исследования о национализме (изучение любого национализма требует несколько ссылок на теоретические работы, хотя бы как дань уважения мощной англо-американской научной традиции в изучении национализма) фактически представляет собой еще одно изложение английской истории Нового Времени, где в отличие от традиционной, социально-экономической и политической концепции, иначе расставлены акценты.

В самой Англии, что неудивительно, и на Западе в целом, работ об английском национализме в самых разных его проявлениях выходит гораздо больше. Можно выделить несколько направ-

³¹ Автор отдает себе отчет в том, что написание английских имен и фамилий в ряде случаев отличается от принятого в отечественной научной традиции.

³² Макарова Е.А. Национальная мысль и национальное сознание в Англии / Е.В. Макарова // Национальная идея в Западной Европе в Новое время / ред. В.С. Бондарчук. – М., 2005. – С. 11 – 124.

³³ Упомяну и некоторые другие интересные работы, посвященные проблемам национализма в Англии (Никитин М.Д. Черная Африка и британские колонизаторы: столкновение цивилизаций / М.Д. Никитин. – Саратов, 2005; Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового Времени / ред. Л.П. Репина. – М., 2003; История и память. Историческая культура Европы до начала Нового Времени / ред. Л.П. Репина. – М., 2006), не останавливаясь на их анализе в виду того, что настоящая книга не является монографией в классическом виде, а представляет собой собрание текстов автора о национализме и идентичности.

лений и течений в изучении английского национализма. Первое течение представлено, например, работами Дж. Ньюмэна³⁴, Р. Коллза³⁵, Л. Брокклисса, В. Иствуда³⁶, которые пытаются написать общие, «большие» истории английского национализма, синтезировав достижения, как английской национальной историографии, так и различных школ, занимающихся изучением национализма. Второе течение представлено более частными исследованиями, выполненными в контексте интеллектуального конструктивизма. Сторонники этого течения, в частности – Р. Индэн³⁷ и Э. Варгэфт³⁸ – пытаются использовать концептуальные идеи Б. Андерсона для изучения специфики различных английских идентичностных проектов и дискурсов проявления национализма в политике и воображении.

Третье течение, к которому можно условно отнести Д. Мэтлэсса³⁹, Дж. Бойза⁴⁰, С. Дэниэлза⁴¹, представлено исследованиями, в центре которых развитие воображаемой географии в Англии в контексте соотношения различных социальных культур и идентичностных типов, дихотомии «высокая культура – низкая культура», развития идентичностей и английского национализма. В рамках четвертого, условно выделяемого течения, доминирует изучение различных политических идентичностей, что характерно для исследований А. Гранта, К. Стринджера⁴², Э. Хастингса⁴³. Следующее, пятое течение, представлено интересными исследованиями, посвященными генезису современного национализма –

³⁴ Newman G. The Rise of English Nationalism / G. Newman. – L., 1987.

³⁵ Colls R. Identity of England / R. Colls. – Oxford, 2002.

³⁶ A Union of Multiple Identities / eds. L. Brockliss, D. Eastwood. - Manchester, 1999.

³⁷ Inden R. Imagining India / R. Inden. – Oxford, 1994.

³⁸ Wurgaft E. The Imperial Imagination: Magic and Myth in Kipling's India / E. Wurgaft. – Middletown, 1983.

³⁹ Matless D. Landscape and Englishness / D. Matless. – L., 1998.

⁴⁰ Boyes G. The Imagined Village: Culture, Ideology and the English Folk Revival / G. Boyes. – Manchester, 1993.

⁴¹ Daniels S. Fields of Vision: Landscape Imagery and National Identity in England and the United States / S. Daniels. – Cambridge, 1993.

⁴² Uniting the Kingdom? The Making of British History / eds. A. Grant, K. Stringer. – L., 1995.

⁴³ Hastings A. The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism / A. Hastings. – Cambridge, 1997.

различным домодерным идентичностям⁴⁴. Работы шестой группы – это исследования, в центре которых различные идентичностные проекты, которые развивались в рамках, как «высокой», так и «низкой» культуры. Этой проблематике, в частности, посвящены монографии Дж. Кэри⁴⁵, Ф. Лнвайн⁴⁶, Д. Кэннэдайн⁴⁷.

Автор, работая над этими очерками, пытался придать им междисциплинарный характер, что привело к некоторым «затруднениям» в период работы над текстом, а именно: 1) многие события, описанные в книге, хронологически отдалены от современности – поэтому, настоящая работа историческая или политологическая; 2) в книге проанализированы источники, которым, вероятно, легче найти место в «Истории английской литературы» – как это соотносится со специализацией кафедры⁴⁸ в сфере политических наук; 3) речь идет в основном о текстах, а сама книга представляет собой анализ нарративных источников – не отрывает ли это текст от более широкого политического и исторического событийного контекста. Эти вопросы может задать историк или политолог – сторонник ортодоксальной описательно-нормативной историографии или традиционной политологии с ее интересом к анализу процессов и процедур, а не широкого политического контекста. Что бы расставить акценты, попытаюсь ответить на эти вопросы, которые, вероятно, могут возникнуть у будущих читателей этой книги.

Первое, относительно принадлежности книги к исторической и / или политической науке. Однозначно ответить на этот вопрос не возможно. Книга задумывалась и писалась автором как изначально междисциплинарная. С другой стороны, читатель «испорченный» отечественными учебниками по политологии и некоторыми специализированными работами, претендующими на обобщающий характер, может и не заметить политологический контент в этой книге. Слабыми сторонами некоторых отечест-

⁴⁴ Kidd C. *British Identities before Nationalism* / C. Kidd. – Cambridge, 1999.

⁴⁵ Carey J. *The Intellectuals and the Masses* / J. Carey. – L., 1992.

⁴⁶ Levine Ph. *The Amateur and the Professional: Antiquarians, Historians and Archaeologists in Victorian England* / Ph. Levine. – Cambridge, 1986.

⁴⁷ Cannadine D. *The Decline and Fall of the British Aristocracy* / D. Cannadine. – New Haven, 1990.

⁴⁸ Кафедры международных отношений и регионоведения ВГУ, на которой выполнена настоящая работа.

венных работ по политическим наукам нередко является стремление авторов охватить максимальное число проблем и исключительная интерпретация их в контексте современности, что, вероятно, унаследовано российской политической наукой от советского обществоведения / обществознания.

Принятие такой позиции означало бы признание того, что существует гигантский интеллектуальный разрыв между событиями XX столетия и тем, что было раньше. Между тем, многие политические институты, механизмы и процедуры возникли в предшествующие XX веку эпохи. Кроме этого не следует забывать, что за многими политическими процессами стоят люди – носители определенных политических идентичностей, которое возникли гораздо раньше, чем появилась политическая наука. Иными словами, автор пытался проанализировать различные дискурсы большого политического бэк-граунда в английском контексте.

Второе, относительно литературных источников. Может показаться, что литературные тексты – исключительно удел исследований и интереса литературоведов, историков и исследователей литературы. Автор настоящей книги с этой точкой зрения согласиться не может. Литературные тексты являются важными нарративными источниками не только для профессиональных исследователей истории литературы, но и для политологов. Действительно, где проходит граница сферы политического? В 1995 году Ю.Л. Бессмертный, анализируя постмодернистские подходы в гуманитарных науках, указывал на то, что некоторые западные авторы склонны интерпретировать прошлое (историческое, политическое и культурное) как «некий текст». Именно поэтому, Ю.Л. Бессмертный указывал на необходимость «научиться читать его правильно»⁴⁹. Автор этой книги, конечно, не претендует на то, что его выводы абсолютно правильны, тем не менее – он попытался сосредоточить свое внимание именно на текстах.

Нередко литературный текст четко соотносится с теми или иными политическими трендами в рамках существования и функционирования политического режима. Какую роль подобные тексты играют при написании политологических исследований?

⁴⁹ Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории / Ю.Л. Бессмертный // Одиссей. Человек в истории 1995. Представления о власти / ред. Ю.Л. Бессмертный. – М., 1995. – С. 6 – 7.

В России – минимальную, на Западе – одну из важнейших. Российская и западная политологии базируются на различных методологических основах, что проявляется в частности в игнорировании литературного текста в качестве источника и в его широком применении западными авторами. В ряде случаев литература – это канал для выражения оппозиционных и / или протестных идей и настроений. В таком случае обращение к литературным источникам может сыграть позитивную роль в расширении наших представлений относительно интеллектуальной обусловленности, большого культурного и интеллектуального бэк-граунда политических процессов.

Третье, о текстах, предстающих в отрыве от контекста. В этой ситуации сам автор может задать возможным критикам вопрос относительно необходимости широкого контекста в подобных исследованиях. Чем тогда оно будет отличаться от других похожих работ? Не открывает ли сосредоточенность на отдельных источниках, на микроисторическом анализе (хотя среди разделов этой книги нет текстов, выполненных в традициях классических микроисторических исследований) новые перспективы для изучения текстов не просто как литературных произведений, а именно как текстов, которые содержат возможность выхода на различные дискурсы существования и функционирования общества – на политические, интеллектуальные, культурные. Вероятно, отечественной политологии (где интерес к текстам заметен только на уровне истории политической мысли и политологии как науки) не хватает именно текстуального и нарративного анализа. В последующих разделах автор попытается показать, что различные тексты (от политических памфлетов, указов и распоряжений до литературных произведений), относящиеся к «высокой» и «низкой» культуре, не менее важны в изучении политических процессов, чем сами процессы.

Все ошибки и неточности в тексте исключительно на совести автора. Автор надеется, что эта работы будет способствовать росту интереса к истории Англии и появлению новых работ, выполненных в русле националистических штудий или интеллектуальной истории.

ДИСКУРСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ АНГЛОСАКСОНСКОЙ АНГЛИИ: «ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ НАРОДА АНГЛОВ» БЕДЫ ДОСТОПОЧТЕННОГО

Исследователь средневековой истории, в том числе – и английской, как правило, имеет дело с источниками двух типов. Первый тип – источники, написанные представителями т.н. высокой или ученой культуры – монахами, проповедниками, рыцарями, то есть теми, кого мы можем назвать представителями доминирующих социальных классов. Второй тип – источники, которые своим появлением обязаны носителям народной культуры – крестьянам, горожанам, ремесленникам. Перед исследователем может встать выбор, источники какой группы использовать, изучая, например, различные дискурсы средневековой английской идентичности.

Период Раннего Средневековья – время богатое событиями, но не источниками, исходящими с нижних ступеней социальной лестницы средневекового общества. Один из важнейших источников по ранней английской истории – «Церковная история народа англов» («*Historia ecclesiastica gentis anglorum*»), автором которой является Беда Достопочтенный⁵⁰. В исследовательской литературе труд Беды используется, как правило, в качестве источника по событийной истории. С другой стороны, попытки интерпретации текста в контексте интеллектуальной истории, развития идентичности почти отсутствуют.

⁵⁰ См.: Эрлихман В.В. Отец английской истории / В.В. Эрлихман // Беда Достопочтенный, Церковная история народа англов / Беда Достопочтенный. – СПб., 2001. – С.322 – 337.

В этой главе мы попытаемся взглянуть на тексты Беды⁵¹ под несколько нетрадиционным для традиционной нормативной историографии углом зрения. Переводчик «Церковной истории» на русский язык В.В. Эрлихман подчеркивает, что «возможности переосмысления (текста Беды – Авт.) далеко не исчерпаны»⁵². Для начала следует сказать несколько слов о самом Бедо⁵³. О его жизни до современного времени дошло не так много информации и сведений. Известно, что Беда родился в 673 году⁵⁴ на землях, которые принадлежали монастырю Уирмут. Скорее всего, его отец был свободным общинником, который со временем попал в зависимость от монастыря. В возрасте семи лет Беда был отдан для обучения в монастырь. Вся последующая судьба Беды оказалась связана с Церковью. Беда написал несколько сочинений, среди самых известных – «Церковная история народа англос». В историю самой Католической Церкви Беда вошел как «достопочтенный» (*Venerabilis*) и «учитель церкви» (*magister ecclesiae*).

Обратимся непосредственно к самому известному из текстов Беды – «Церковной истории народа англос».

Текст Беды демонстрирует несколько идентичностных дискурсов автора. Значительное внимание в своем тексте Беда уделил событиям, которые происходили на территориях Британских островов, особенно – в той их части, что была населена англами. История, описанная Бедой, это – преимущественно событийная история, которая изобилует датами (при этом не всегда верными) и именами монахов, епископов, королей, святых⁵⁵.

⁵¹ Существует несколько переводов «Церковной истории народа англос» на английский язык. См., например, переводы Б. Колгрэва (*Bede, Ecclesiastical History of the English People / Bede / translated by B. Colgrave. – Oxford, 1969*) и Л. Ширли-Прайз (*Bede, Ecclesiastical History of the English People / Bede / translated by L. Sherley-Prise. – L., 1955*).

⁵² Эрлихман В.В. Отец английской истории. – С. 335.

⁵³ О Бедо см.: Hunter Blair P. *The Age of Bede / P. Hunter Blair. – Oxford, 1970*; Hunter Blair P. *Venerabilis Bede / P. Hunter Blair. – Durham, 1979*; Thompson A. *Bede, his Life, Times, and Writings / A. Thompson. – Oxford, 1935*; Wallace-Hadrill J.M. *Bede's Ecclesiastical History / J. Wallace-Hadrill. – Oxford, 1988*.

⁵⁴ Беда умер в 735 году.

⁵⁵ Современную интерпретацию событий, описанных Бедой, см.: Глебов А.Г. *Англия в раннее Средневековье / А.Г. Глебов. – Воронеж, 1998*.

Впрочем, сам Беда своей принадлежности к Церкви и соответственно церковного характера своего текста вовсе не скрывал, отмечая, что его книга является именно «...церковной историей Британии и в особенности народа англов, взятая из древних писаний... а составил ее с Божьей помощью Беда, служитель Христа и священник монастыря блаженных апостолов Петра и Павла в Виремуде и Ингирве...»⁵⁶.

Сама история как такова не имела для Беды никакого значения, если бы не несколько фактов – пришествие Христа, распространение христианства и принятие новой веры племенами англов и саксов. В такой ситуации вся дохристианская история для Беды была лишь прелюдией к истории англов-христиан. Беда стремился вписать историю англов в церковный контекст, отсюда и название его труда – «Церковная история народа англов». Беда обладал богатым географическим воображением, о чем свидетельствует само начало «Церковной истории»: «...Британия – это остров среди океана, называвшейся прежде Альбионом. Он расположен на значительном расстоянии к северо-западу от Германии, Галлии и Испании, которые являются крупнейшими частями Европы... к югу лежит Бельгийская Галлия... с другого края, где начинается бескрайний океан, находятся Оркадские острова...»⁵⁷.

Примечательно, что Британия в целом оценивалась Бедой не иначе как «наш остров»⁵⁸. Беда утвердил своеобразный географический нарратив, намеренно локализовав Британские острова и расположенные на их территории англо-саксонские королевства в пространстве. Перечисление Британии среди других земель, в то время малоизвестных, но в значительной степени воображенных и воображаемых было призвано подчеркнуть равный с ними статус.

С другой стороны, это географическое воображение Беды имело и другое измерение. Он неустанно собирал и записывал сведения о чудесах, которые происходили в землях англов. Поэтому, текст Беды – не просто источник по исторической геогра-

⁵⁶ Беда Достопочтенный, Церковная история народа англов / Беда Достопочтенный. – СПб., 2001. – С. 192. Далее по тексту цитаты из «Истории» даются в переводе В.В. Эрлихмана.

⁵⁷ Беда Достопочтенный, Церковная история народа англов. – С. 10.

⁵⁸ Беда Достопочтенный, Церковная история народа англов. – С. 193.

фии. Мы можем по нему судить о географическом воображении Беды и его современников, о восприятии ими пространства.

Беда предпочитал описывать места, связанные с историей Церкви и различными чудесами. Когда речь идет, например, о гибели короля Освальда в месте Мазерфельт, Беда приводит несколько историй связанных с чудесами и исцелениями, например – одной девушки из племени англов: «...посадив девушку в повозку, они отвезли ее туда и положили в том самом месте, немного погодя она заснула, а, проснувшись, обнаружила, что полностью исцелилась от своего недуга...»⁵⁹.

В такой ситуации воображаемая география Англии получилась в значительной степени религиозно маркированной, интегрированной в контекст истории именно Католической Церкви. Вероятно, именно Беду можно считать отцом и основоположником британской воображаемой географии, как автора, который был среди тех, кто пытался очертить границы англо-саксонского мира в пространственном измерении. Нанеся Британию на ментальные карты раннесредневековой Европы, Беда населил ее различными народами. По утверждению Беды, на момент написания истории на Британских островах существовали «...языки англов, бриттов, скоттов и пиктов, а так же латынь, объединяющая их все посредством письменности...»⁶⁰.

Столь радикальное отделение англов от всех остальных, вероятно, подчеркивает, с одной стороны, принадлежность Беды именно к англам, а, с другой, свидетельствует о том, что англы отличались высокой степенью консолидации, видимо, обладая некоторыми элементами самосознания и идентичности, что позволяло им отделять себя от своих ближайших соседей. Беда писал свою «Церковную историю» на латыни, уделив значительное внимание римскому периоду в истории Британии («...Британия была недоступна для римлян и неизвестна до Гая Юлия Цезаря... в год от основания Рима 798-й император Клавдий отправился в поход на Британию, которая находилась в волнении...»⁶¹), что было неслучайно в виду того, что он стремился подчеркнуть некую преемственность между англо-саксонскими королевствами и некогда существовавшей Римской Империей.

⁵⁹ Там же. – С. 83.

⁶⁰ Там же. – С. 11.

⁶¹ Там же. – С. 12.

Беда стремился изобразить и преподнести различные англосаксонские королевства в качестве наследников и правопреемников Рима, благо ландшафт не претерпел к тому времени значительных изменений: «...римляне заселили весь остров к югу от вала... об их пребывании до сих пор свидетельствуют построенные ими города, маяки, мосты и дороги...»⁶². Кроме этого Беда, широко и активно оперируя римскими сюжетами, стремился подчеркнуть приверженность англов римским традициям, доказав тем самым, что им среди других племен надлежит занимать особое место: «...в год от воплощения Господа 407-й Константин, простой солдат самого низкого звания, был вознесен в Британии безо всяких заслуг... захватив власть, он переправился в Галлию и там не раз заключал сомнительные соглашения с варварами, чем нанес немалый вред государству...»⁶³.

Иными словами, в градации «варварство – культура», которой придерживался Беда, англы, как наследники римской политической традиции, относились им к разряду «культурных» наций. Что касается отличных от англов племен, то Беда в своей градации располагает их ближе к варварству («...пикты и скотты опустошили всю дальнюю северную часть острова, изгнав оттуда жителей... враги крючьями стаскивали малодушных защитников и валили их на землю... бритты бросили свои крепости... враги последовали за ними и учинили кровопролитие страшнее всех прежних, они разрывали несчастных на куски, как дикие звери ягнят...»⁶⁴), способствуя тем самым формированию стереотипных образов соседей, в первую очередь – кельтов, как варваров и необразованных дикарей.

Кроме этого, Беда был склонен позиционировать англов как наследников римской культуры и учености. В такой ситуации среди других племен англы, по мнению Беды, были наиболее культурными в то время, когда другие казались ему варварами. В этом контексте в частности показательна судьба епископа Агильберта, который по происхождению был галлом, но в течение длительного времени проповедовал в землях англов. Беда указывает на то, что он много лет жил среди англов, но так и не выучил их язык, по причине чего «...король, который знал лишь язык сак-

⁶² Там же. – С. 18.

⁶³ Там же. – С. 18.

⁶⁴ Там же. – С. 19.

сов, устал от его варварской речи и пригласил в королевство нового епископа...»⁶⁵.

Идентичность Беда вписана его усилиями в церковный контекст. Значительную роль в рамках такой идентичности играл комплекс нарративов, связанных с ранними английскими святыми⁶⁶, историей христианства, «...верующие во Христа отстроили церкви и воздвигли базилики в память о святых мучениках, они открыли их повсюду в знак победы, и праздновали святые дни, и возносили молитвы в чистоте сердца и голоса...»⁶⁷. Англия в тексте Беда из языческого острова постепенно трансформируется в новый Рим и новый Иерусалим одновременно, в новый центр христианства: «...остров Британия наполнился славой о деяниях и чудесах апостольских епископов, они целыми днями учили слову Божьему не только в храмах, но и на улицах и в полях, так что ревностные и верные католики укреплялись в своей вере, а уклонившиеся возвращались на правильный путь...»⁶⁸.

Беда усиленно культивировал образ англов как христианской общности, наделяя их различными воображаемыми добродетелями в отличие от их соседей и предшественников-бриттов, которым он приписывал различные грехи и прегрешения. Англам⁶⁹, напротив, Беда приписывал мудрость и различные добродетели, усиленно культивируя их позитивный и сугубо положительный образ: «...в год от воплощения Господа 449-й народ англов или саксов приплыл в Англию на трех кораблях и получил место для поселения в восточной части острова, будто бы собираясь защищать страну, хотя их истинным намерением было завоевать ее...»⁷⁰. Стремясь оправдать завоевание острова англами и родственными им племенами, Беда пишет о вине бриттов, которые, с

⁶⁵ Там же. — С. 60.

⁶⁶ См.: Brown P. The Cult of Saints / P. Brown. — L., 1981; Jones C.W. Saints' Lives and Chronicles in Early England / C.W. Jones. — NY., 1947.

⁶⁷ Беда Достопочтенный, Церковная история народа англов. — С. 16.

⁶⁸ Там же. — С. 23.

⁶⁹ Об англо-саксонской Англии см.: Laing L., Laing J. Anglo-Saxon England / L. Laing, J. Laing. — L., 1979; Stenton F. Anglo-Saxon England / F. Stenton. — L., 1965; Whitelock D. The Beginnings of English Society / D. Whitelock. — L., 1959.

⁷⁰ Беда Достопочтенный, Церковная история народа англов. — С. 21.

одной стороны, сами призвали англов, а, с другой, погрязли в грехах.

В трактовке дальнейших событий в тексте «Церковной истории» англй превращаются в бич Божий против язычников, а само завоевание интерпретируется как проявление божественной воли: «...народы (англй, саксы и юты – Авт.) хлынули на остров, и вот число пришельцев возросло настолько, что они начали наводить ужас на призвавших их местных жителей... огонь, зажженный руками язычников, стал мщением Божиим тому, погрязшему в грехе народу, подобно огню халдейскому, что сжег стены и дома Иерусалима...»⁷¹.

Для Беды было характерно обращение к воображаемой библейской географии, чем он стремился подчеркнуть особую избранность англов: «...в то время королевством Нортумбрийским правил сильнейший и славнейший король Эдильфрид, который теснил бриттов сильнее, чем все прочие правители англов. Поистине, его можно сравнить с Саулом, царем Израиля...»⁷². Оценивая поражения бриттов как наказания за их грехи, крещение англов Беда описывал в совершенно иных категориях. Бритты были для него племенем, опустившимся до грехопадения, от которого, по его мнению, англй не могли перенять веру.

Поэтому, Беда настаивал, что католицизм пришел к англам непосредственно от Рима: «...их (проповедников – Авт.) вдохновляла не демонская, а Божья сила, и они несли, как знамя, серебряный крест и образ Господа Спасителя, запечатленный на доске, они пели гимны и возносили молитвы Господу о собственном своем спасении и о спасении тех, к кому они пришли...»⁷³. Иными словами, получив от бриттов только землю, пространство, ландшафт Британских островов, обращением в истинную веру англй обязаны римским священникам.

Важнейший этап, символический акт рождения, в истории англов, по мнению Беды, крещение⁷⁴. Беда полагал, что сначала немногие принимали крещение («...некоторые, проникнувшись их простотой и безгрешной жизнью и убедительностью их уче-

⁷¹ Там же. – С. 22.

⁷² Там же. – С. 43.

⁷³ Там же. – С. 29.

⁷⁴ О христианизации англов см.: Mayr-Harting H. The Coming of Christianity to Anglo-Saxon England / H. Mayr-Harting. – Oxford, 1990.

ния, уверовали и приняли крещение...»⁷⁵), после чего обращение постепенно стало носить массовый характер, будучи как бы санкционированным верховной властью после крещения короля («...наконец и сам король уверовал и был крещен, привлеченный чистейшей жизнью святых и их сладкозвучными обещаниями, истинность которых они доказали, сотворив многие чудеса. С каждым днем все больше людей стекалось слушать Слово, оставляя языческие обряды ради святой Христовой Церкви...»⁷⁶).

Значительное место в «Церковной истории» Беда занимают нарративы, связанные с королевской властью. Описывая деяния королей англов, Беда акцентировал внимание на их политической мудрости и решимости: «...в числе добрых дел его (короля Эдильберта – Авт.), сотворенных им для своего народа, было то, что он составил с помощью советников кодекс законов по римскому образцу, законы эти написаны на языке англов и до сих пор соблюдаются ими...»⁷⁷. Подобные моменты не единичны в тексте Беда.

Относительно короля Эдвина, он, например, писал, что «...говорят, что в те времена в Британии – вернее в той ее части, которой владел король Эдвин, царил такой мир, что женщина с грудным младенцем на руках могла пройти весь остров от моря до моря без всякого вреда для себя... этот король так заботился о благе своего народа...»⁷⁸. Что касается одного из королей восточных саксов, Себби, то Беда дает ему следующую характеристику, называя при этом «воином Небесного царства»⁷⁹: «...королевством восточных саксов правил преданный Богу муж по имени Себби... он отдавался делам веры, постоянным молитвам и святым радостям... и предпочел жизнь в монастыре всему богатству и достоинству своего положения...»⁸⁰.

Вокруг некоторых королей англов, о которых писал Беда, его усилиями был создан религиозный ареол. В частности это относится к королю западных саксов Кэadwalле. По словам Беда, Кэadwalла «...оставил трон из любви к Господу и отправился в Рим

⁷⁵ Беда Достопочтенный, Церковная история народа англов. – С. 30.

⁷⁶ Там же. – С. 30.

⁷⁷ Там же. – С. 53 – 54.

⁷⁸ Там же. – С. 67.

⁷⁹ Там же. – С. 124.

⁸⁰ Там же. – С. 123.

для стяжания вечного Царства, он жаждал особой чести быть омытым в источнике крещения у порога блаженных апостолов, поскольку узнал, что одно лишь крещение способно помочь людскому роду сподобиться для небесной жизни... он надеялся, что сразу после крещения он освободится от уз плоти и воспарит к вечной радости; с Божьей помощью все так и случилось...»⁸¹.

Формирование комплекса королевских нарративов в тексте Беды связано и с культивированием нарратива об избранности некоторых королей англов, что проявлялось, например, в чудесах, творимых после их смерти: «...Освальд, христианнейший король Нортумбрии, правил десять лет... Освальд был убит в великой битве с языческим народом мерсийцев... его великая вера в Бога и духовное рвение выразились после смерти во многих чудесах. В том месте, где он был убит язычниками, до сего дня исцеляются больные люди и животные...»⁸².

Беда соединил в своем тексте идею светской власти короля с особыми религиозными функциями, и хотя речь непосредственно о короле как главе церкви в «Истории» Беды не идет, тем не менее, мы можем констатировать, что некоторые предпосылки для реализации этой идеи в дальнейшем были заложены еще в текстах Беды Достопочтенного. Выполняя политический заказ, он культивировал положительный и сугубо позитивный образ власти, способствуя формированию не только политической лояльности, но и, вероятно, некоторых элементов идентичности, в первую очередь политической, основанной на консолидации вокруг фигуры короля.

С другой стороны Беда фиксировал проявления и не столь благопристойного поведения королей. Описывая события 676 года, Беда, например, отмечал, что «...король мерсийцев Эдильред опустошил Кент во главе грозного войска, разоряя церкви и монастыри без всякого уважения к вере и без страха Божьего...»⁸³. Постоянно сравнивая политику правителей англов, Беда явно сочувствовал королям христианам, верующим, осуждая отступников и язычников. Таким образом, Беда разрабатывал и закладывал основы некоторых сценариев функционирования королевской власти.

⁸¹ Там же. — С. 159.

⁸² Там же. — С. 82.

⁸³ Там же. — С. 125.

Описанная выше религиозная оппозиция бриттов, скоттов и англов неоднократно подчеркивалось Бедой. В то время, когда англы, по его словам, пребывали в лоне правильной Церкви и с должным рвением исполняли все обряды, их соседи, наоборот, не проявляли в делах веры ни малейшего усердия. В связи с этим Беда писал, что один из первых английских епископов Лаврентий «...не только управлял паствой новой церкви, состоявшей из англов, но и распространил свою заботу на древних жителей Британии и на скоттов ...»⁸⁴. И поэтому, по словам Беды, англы, как истинные католики, не могли не только «вкушать пищу» вместе со скоттами и бриттами, но и находится «даже в одном помещении с ними»⁸⁵.

Беда достаточно четко в своем тексте разграничивал нравственные и идентичностные категории, связанные с язычеством и христианством. Характеризуя, например, правление короля-язычника Эдбальда, Беда писал: «...он не только отказался принять веру Христову, но и впал в блудодеяние, неслыханное даже у язычников, поскольку женился на вдове своего отца... но король-отступник не избежал бича кары Божьей в наказание за свои грехи, ибо случались у него частые приступы безумия, и он был одержим нечистым духом...»⁸⁶. В то время, когда язычество рассматривалось им как грех и заблуждение, обращение в веру Христову казалось не только путем к спасению, но и способствовало формированию позитивного образа того или иного сообщества.

Язычество играло у Беды роль негативной и неправильной идентичности, хотя об особенностях языческой веры у англов Беда почти ничего не пишет. Христианство, наоборот, было системообразующим элементом правильной идентичности. Именно поэтому акты перехода из язычества в христианство рассматривались Бедой как важнейшие моменты и события в истории англов. Комментируя, например, крещение жителей Нортумбрии, Беда писал: «...велики были стремление нортумбрийцев к вере и их жажда спасения, что Паулин тридцать шесть дней проповедовал и крестил приходящих к нему...»⁸⁷.

⁸⁴ Там же. — С. 52.

⁸⁵ Там же. — С. 52.

⁸⁶ Там же. — С. 54.

⁸⁷ Там же. — С. 66.

Подводя итоги этого небольшого исследования текста «Церковной истории народа англов» остановимся на нескольких аспектах. Несмотря на то, что текст «Истории» был написан на латыни, он несет в себе элементы не романской, римской или романзированной, а именно варварской культуры. Обращение англа к латыни, как языку текста, было весьма показательным. Оно подчеркивало то, что созидательная функция от романоязычного населения перешла к тем группам, к которым носители романских языков относились как к варварам. В этом контексте «История» имела принципиальное значение для утверждения новых идентичностей, которые формировались в результате трансформации идентичностей варваров, создавших свою государственность на руинах провинций бывшей Римской Империи.

В самом тексте можно выделить несколько взаимосвязанных пластов. Первый пласт – исторический. Примечательно, что Беда активно описывал историю, которая предшествовала христианизации англов. События, которые последовали после принятия христианства англами и саксами, вероятно, не представляли для Беды сколь бы то ни было значительного интереса. Сложно судить, какие Беда имел представления о времени и истории, но не исключено, что он полагал, что после христианизации ход истории замедлится или остановится вовсе, что было связано с доминированием религиозного, традиционного по своей природе сознания, и возможной верой Беды в скорый Страшный Суд.

Второй пласт анализируемого текста – религиозный. Беда, будучи монахом, имел явно религиозную идентичность. Отсюда – его стремление вписать событийную историю англов в церковный контекст. В этом отношении история для Беды является лишь совокупностью событий, которые предшествуют принятию англами и саксами христианства. Крещение – высшая точка истории. После крещения история теряет всякий смысл. Поэтому, сюжеты, связанные с деятельностью королей англов, после христианизации разворачиваются исключительно в контексте их отношения к Церкви и их роли в развитии и укреплении католицизма на землях, населенных англами.

Третий аспект – политический. Как бы ни были интересны для Беды церковные дела, он был вынужден касаться проблем светской власти. Вероятно, Беду можно считать одним из первых идеологов усиления королевской власти. Беда далек от формирования особой политической доктрины обоснования власти короля. Она для него легитимна исключительно в тех случаях, когда

король проводит свою политику не как язычник, а как добрый и праведный христианин.

Текст «Церковной истории» показывает, что англосаксонские королевства представляли собой динамично развивавшиеся политические образования, хотя об определенных тенденциях централизации судить сложно. С другой стороны, текст явно отражает то, что идентичность англов активно трансформировалась от языческой в сторону христианской со значительными тенденциями к консолидации. Этот процесс был замедлен скандинавскими вторжениями на Британские острова, которые начались в IX веке.

РЕФОРМИРУЮЩАЯ НАЦИЯ: ДИСКУРСЫ РАЗВИТИЯ АНГЛИЙСКОЙ ИДЕН- ТИЧНОСТИ В XVI СТОЛЕТИИ

В историографии посвященной Новой истории практически никогда не затихал спор относительно ее начала. Какие события мы можем считать, знаменующими начало радикальных социальных, политических, культурных и экономических перемен, приведших к завершению эпохи феодализма и началу Нового Времени. В исторической литературе высказывались разнообразные точки зрения от начала Великих географических открытий до начала Великой французской буржуазной революции. Оба эти события имеют, вне всякого сомнения, мировое историческое значение.

С другой стороны, политические, социальные и экономические процессы в Европе нередко имели интеллектуальные, идейные, религиозные доминанты, которые сложились в результате Реформации. Реформационное движение, которое не было подавлено, а было успешно институционализировано, началось в германских землях, будучи связанным с деятельностью Мартина Лютера. Реформация ставила под сомнение авторитет Католической Церкви, способствуя усилению светской власти, закладывая тем самым предпосылки для появления политических (пусть нередко и элитарных) наций в Европе. Реформация не стала исключительно немецким движением, относительно быстро перекинувшись и на другие регионы, в том числе – и Англию⁸⁸.

⁸⁸ Тексты, относящиеся к истории Реформации (в частности – Акт о церковных налогах 1529 года, Акт об ограничении выплаты аннатов 1532 года, Акт о подчинении духовенства 1534 года, Акт о Супрематии 1534 года и некоторые другие) в Англии доступны на русском языке. См.: Английская реформация (документы и материалы) / ред. Ю.М. Сапрыкин. – М., 1990.

В настоящем разделе мы остановимся на некоторых проблемах нации изменяющей и созидающей, проанализировав роль Реформации в контексте процессов консолидации, формирования новых политических идентичностей и лояльностей в Англии.

Реформация в Англии началась в 30-е годы XVI века, задумываясь как изначально политический и преимущественно политический проект. Инициатором перемен стал английский король Хенри VIII Тюдор. Недовольство политикой Рима в отношении церковных дел в Англии проявилось в середине XIV века⁸⁹. В 1351 году в Первом статуте «De Provisiribus» декларировалось, что политика Рима не соответствует интересам королей Англии, так как папы «...раздают бенефиции за деньги иностранцам по причине чего английские сокровища вывозятся из страны, королевство беднеет, англичане не могут занимать церковные должности...»⁹⁰. Первый статут «De Praemunire» декларировал, что подобная тактика Рима ведет к «ущербу для всей нации»⁹¹. Само слово «нация», вероятно, впервые в этом случае было использовано в политическом смысле применительно к Англии как государству в целом.

Первые серьезные шаги к политической консолидации путем ослабления Церкви и, как результат, преимущественно религиозной идентичности были предприняты в конце 1520-х годов с принятием Акта о церковных налогах, в котором утверждалось, что «...парламент запрещает членам клира владеть несколькими бенефициями одновременно или жить не на месте служения... парламент постановляет, что никто с 1 апреля 1530 года не получал от римского двора и не приводил в исполнение диспенсаций и лицензий на подобные нарушения. Все такие хартии в силу этого статута не должны иметь никакого значения, а виновные... должны выплатить штраф в размере двадцати фунтов стерлингов...»⁹². Вероятно с этого акта в Англии начался процесс постепенного утверждения примата национального, английского, права над римским церковным.

⁸⁹ О религии в контексте политических, культурных и идентичностных процессов см.: Cross C. Church and People 1450 – 1660 / C. Cross. – L., 1976.

⁹⁰ Documents illustrative of English Church History / eds. G. Gee, W. Hardy. – NY., 1966. – P. 112. Далее: Documents illustrative...

⁹¹ Documents illustrative... – P. 103.

⁹² См.: Statutes of the Realm. – L., 1810. – Vol. III.

Подобная политика диктовалась нередко экономическими соображениями. В Акте 1532 года декларировалось, что «...значительные суммы денег ежедневно выходят за пределы королевства, что ведет к его разорению... длительное время деньги выплачивались папе... каждый назначенный епископом или архиепископом должен был платить деньги в форме анна-тов... эти выплаты с каждым годом растут...»⁹³. В сентябре 1530 года антиримская направленности английской политики стала более очевидной, что выразилось в новом акте парламента, который запрещал «...приобретать в Риме какие-либо хартии, пользоваться ими, приводить в исполнение, распространять... если эти хартии могут нанести ущерб авторитету... и королевским прерогативам в Англии, или могут воспрепятствовать благородным и добродетельным действиям короля в будущем...»⁹⁴.

Акт утверждал монарха в качестве национального лидера, который в праве и обязан «заботиться о благосостоянии государства»⁹⁵. Король обретал статус центральной фигуры, вокруг которой формировалась новая политическая идентичность и лояльность, основанная на идее преданности именно Англии и английским интересам, консолидированным воплощением которых являлся монарх. В период борьбы за утверждение и сохранение результатов Реформации ее сторонники проявили готовность пересмотреть свои более ранние позиции относительно королевской власти. Если власть Хенри VIII как проанглийского и английско-го политика их вполне устраивала, то политика Марии Тюдор казалась им не соответствовавшей интересам Англии.

Именно поэтому Джон Понет⁹⁶ высказал идею о необходимости некоторого ограничения королевской власти, указывая, что «...даже если народ передал своему правителю право издавать законы, правитель не может их нарушать или отменять по своему усмотрению... еще в меньшей степени может делать это правитель, которому народ не передавал власти... короли не должны... требовать себе абсолютной власти...»⁹⁷.

⁹³ Documents illustrative... – P. 179.

⁹⁴ Burnet G. History of the Reformation of the Church of England / G. Burnet / ed. N. Pocock. – Oxford, 1865. – Vol. I. – P. 73.

⁹⁵ Documents illustrative... – P. 184.

⁹⁶ Ponet J. A Short Treatise of Politic Power and of the True Obedience Which Subjects Owe to Kings / J. Ponet. – L., 1642.

⁹⁷ Hudson W. John Ponet, Advocate of limited monarchy / W. Hudson. – Chicago, 1942. Далее: Hudson W. John Ponet...

С другой стороны, политика Марии явно не вписывалась в те концепты, которые культивировали сторонники Реформации: «...король не должен поддаваться идолопоклонству, не должен упоминать имя Господне всуе...»⁹⁸. Джон Нокс был более радикален, чем Джон Понет и открыто указывал на недопустимость женского правления (что видно уже из названий некоторых его работ⁹⁹), как режима противного национальным интересам и самой природе англичан: «...допустить женщину к управлению или власти над королевством противно природе, оскорбительно для Бога... это деяние противоречит порядку... это – извращение доброго порядка, нарушение справедливости... Бог своей волею творца лишил женщину власти... советы женщины – глупость, справедливость – безумие... природа приписывает женщинам быть слабыми, немощными и глупыми... женщина была создана, чтобы подчиняться мужчине и служить ему, а не для того, чтобы управлять и повелевать...»¹⁰⁰.

Будучи не интегрируемой в пределы новой протестантской английской политической идентичности и лояльности, власть Марии, которая предприняла шаги, направленные на восстановление роли и значения Католической Церкви, в глазах английских протестантов выглядела по меньшей мере антианглийской. Английские сторонники Реформации в период полемики с католиками явно тяготели к светскому, нежели религиозному, политическому спектру: «...Господь вовсе не желает, чтобы все люди всегда и везде повиновались воле своих правителей... пусть люди тысячу раз умрут, чем согласятся сделать что-либо дурное...»¹⁰¹.

В такой ситуации английские протестанты вводили в политический лексикон категорию ответственности монарха перед страной и народами, оставляя за собой право в случае несоответствия политики монарха национальным интересам его отстранение от власти: «...дурной правитель нарушает законы и порядки или искажает их так, чтобы они служили его желаниям... такие правители не выполняют своего предназначения... такого дурно-

⁹⁸ Hudson W. John Ponet...

⁹⁹ Речь идет о сочинении «Трубный глас против чудовищного правления женщины». См.: Knox J. The Works / J. Knox / ed. D. Laing. – L., 1934.

¹⁰⁰ Нокс Дж. Трубный глас против чудовищного правления женщины / Дж. Нокс // Английская реформация (документы и материалы) / ред. Ю.М. Сапрыкин. – М., 1990. – С. 55.

¹⁰¹ Hudson W. John Ponet...

го правителя люди называют тираном... если правитель грабит своих подданных, то он – вор и как вор его следует наказывать...»¹⁰². Английские протестанты полагали, что политика Марии Тюдор не соответствует национальным интересам Англии, как в политической, так и в религиозной сфере: «...если правитель намерен отдать свою страну и свой народ во власть чужеземцев, то он предатель и его, как предателя, следует покарать...»¹⁰³.

Стремясь доказать антианглийский характер политики Марии Тюдор, английские протестанты активно критиковали политику сближения с католическими странами, где, по словам Дж. Нокса, доминирует все неанглийское и антианглийское, а именно: «...другой язык, другие обычаи, другие законы...»¹⁰⁴. Образы католической Франции и Испании активно использовались для культивирования и поддержания образа английской Англии как оплота свободы и истинного христианства. Джон Нокс, в частности, утверждал, что испанские и французские католики «...не признают Бога, воюют со сторонниками Иисуса Христа, ненавидят любую добродетель...»¹⁰⁵.

Подобный политический протест против монарха стал возможен в результате значительного роста национального самосознания, который имел место в период Реформации. В свою очередь, этот рост не был возможен без одного события – перевода Библии на английский язык. Как полагает Кр. Хилл, король Хенри инициировал перевод дабы «гарантировать политическую независимость Англии»¹⁰⁶. Библия сыграла значительную роль в том процессе, который Кр. Хилл определил как «формирование английского национализма»¹⁰⁷.

Перевод Библии оказал значительное влияние на то, как в Англии трансформировалась идентичность. Идентичность базируется на чувстве принадлежности, которое в традиционных обществах культивируется через устную традицию и народную

¹⁰² Hudson W. John Ponet...

¹⁰³ Hudson W. John Ponet...

¹⁰⁴ Нокс Дж. Трубный глас против чудовищного правления женщины. – С. 56.

¹⁰⁵ Нокс Дж. Трубный глас против чудовищного правления женщины. – С. 57.

¹⁰⁶ См. подробнее: Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века / Кр. Хилл. – М., 1998. – С. 20.

¹⁰⁷ Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века. – С. 21.

культуру, а в современном – посредством изданного и распространенного текста. Если раннее идентичности были уникальны и в значительной степени детерминированы локальными особенностями, то печатный станок придал идентичности категорию серийности, унифицировав ее.

Перевод на английский язык основного христианского текста (хотя подобные попытки имели место и раньше, но приводили к более ограниченным результатам) резко поднял статус английского языка. Перевод Библии стимулировал англичан изучать грамоту. Первые изданные версии Библии стоили 3 фунта в то время, как стоимость рукописных несанкционированных переводов могла достигать до пятидесяти фунтов¹⁰⁸. Печатный станок наравне с религиозным протестом оказался одним из мощнейших факторов, которые способствовали развитию и укреплению английской идентичности. Комментируя появление английской версии Библии, Кр. Хилл полагает, что «...переведенная на английский язык Библия стала неременным атрибутом жизни в Англии – фундаментом монархической власти, независимости протестантской Англии... ее огромное значение сделало ее ареной борьбы... английского национализма против римского католицизма...»¹⁰⁹.

Испанские нарративы активно использовались для культивирования образа врага. Джон Нокс настаивал, что испанцы не являются истинно христианским народом, а представляют собой... потомков евреев и, поэтому, виновны в смерти Иисуса Христа: «...ненавистные испанцы прямо заявили, что для поругания Иисуса Христа, которого их предки распяли, а испанцы есть иудеи ибо об этом свидетельствует история и сами они в это верят... сегодня воюют против всех истинных сторонников святого Евангелия...»¹¹⁰. Уподобление политических противников убийцам Христа было далеко не случайно. Подобный прием был призван подчеркнуть, с одной стороны, истинность и праведность английского христианства, а, с другой, вывести политическое противостояние между Англией и Испанией на нравственный уровень – уровень противоборства добра и зла. В такой ситуации испанцам

¹⁰⁸ Zaret D. The Heavenly Contract: Ideology and Organization in Pre-Revolutionary Puritanism / D. Zaret. – Chicago, 1985. – P. 35.

¹⁰⁹ Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века. – С. 18.

¹¹⁰ Нокс Дж. Трубный глас против чудовищного правления женщины. – С. 61.

(и французам, которые так же были католиками), разумеется, приписывались самые негативные качества.

В отношении Франции английские авторы так же культивировали образ антихристианского королевства: «...французский король и его чумные прелаты хотят жестоко и безжалостно воевать против божьей истины...»¹¹¹. Религиозный нарратив активно использовался противниками Марии для обоснования своих политических целей, направленных на формирование новых политических элит, которые в перспективе могли стать основой политической английской нации.

Реформируя Церковь, король делал свою власть более светской, что в перспективе могло оказать влияние и на процессы развития идентичности в сторону усиления светских интеллектуальных и идеологических трендов и тенденций. В период Реформации в политическом языке Англии оказался востребован антиримский нарратив, который активно использовался местными политиками. Например, Архиепископ Кэнтэрбэрийский Томас Крэнмэр в 1534 году гневно критиковал Рим как источник негативной политической идентичности, как государство, которое не способно предложить другим позитивный политический проект: «...римский двор разрушил много древних установлений... те, что остались, он использует в своих корыстных интересах... власть папы не является установлением бога... римские папы стали жадными и порочными, они заняты мирской жизнью, забыв проповеди Иисуса...»¹¹².

Примечательно, что на раннем этапе Реформация в Англии носила умеренный характер¹¹³. Церковь как таковая не отрицалась: «...парламент отмечает, что король Англии и все его подданные, как духовные, так и светские признают себя послушными, верными, смиренными чадами Бога и Святой Церкви, как и народы всех христианских государств...»¹¹⁴. Реформация была призвана превратить церковь на территории Англии в более анг-

¹¹¹ Нокс Дж. Трубный глас против чудовищного правления женщины. – С. 61.

¹¹² Cranmer Th. Miscellaneous Writings and Letters / Th. Cranmer / ed. E. Coxe. – Cambridge, 1846. – P. 77.

¹¹³ См. подробнее: Исаенко А.В. Английская королевская реформация в XVI веке / А.В. Исаенко. – Орджоникидзе, 1980; Исаенко А.В. Пуританская реформация в Англии / А.В. Исаенко. – Орджоникидзе, 1982.

¹¹⁴ Documents illustrative... – P. 185.

лийскую институцию. Акт о супрематии, принятый в 1534 году, был призван провести англизацию Церкви. Король был окончательно провозглашен и признан главой Церкви, которая меняла свое название на *Ecclesia Anglicana*¹¹⁵, чем акцентировалась ее именно английская принадлежность¹¹⁶.

Король, позиции которого по сравнению с более ранним периодом в значительной степени упрочились¹¹⁷, в результате Реформации стал системообразующим фактором английской государственности. В «Тридцати девяти статьях», принятых в 1571 году, подчеркивалось, что: «...Королевское Величество имеет верховную власть в английском государстве и других своих областях, ему принадлежит верховное управление всеми сословиями в государстве...»¹¹⁸. Это, вероятно, подчеркивает функционирование и существование английской политической нации как элитарного проекта.

К 1570-м годам реформация в Англии была осознана как особый местный национальный, не европейский континентальный, проект. В «Предостережении парламенту» 1572 года декларировалось, что реформация была призвана, с одной стороны, восстановить «истинную религию», а, с другой, «реформировать божью церковь»¹¹⁹. Таким образом, политизация, начатая в рамках Реформации, носила хотя и национальный, но в значительной степени ограниченный и нередко поверхностный характер.

С другой стороны, английские политики поставили под сомнение право папы римского формировать и определять границы

¹¹⁵ Documents illustrative... – P. 243.

¹¹⁶ Об Англиканской Церкви, в том числе – и ее ранней истории, связанной с Реформацией, институционализацией и религиозной полемикой см.: Делицынъ Н. Очеркъ історіи англиканской церкви / Н. Делицынъ. – СПб., 1860; Козинъ И. Вероученіе, учрежденія и обряды англиканской церкви / И. Козин. – СПб., 1868; Михайловскій В.М. Англиканская церковь и ея отношеніе к православію / В.М. Михайловскій. – СПб., 1864.

¹¹⁷ Об усилении королевской власти в Англии на данном этапе см.: Соколовъ В.А. Реформація въ Англіи / В.А. Соколовъ. – М., 1888; Савинъ А.Н. Англійская секуляризація / А.Н. Савин. – М., 1906; Каменецкий А.Б. Формирование абсолютистской идеологии в Англии и ее особенности / А.Б. Каменецкий // Вопросы истории. – 1969. – № 8.

¹¹⁸ См.: Beveridge W. The Doctrine of the Church of England / W. Beveridge. – Oxford, 1840.

¹¹⁹ Complaint and Reform in England. – NY., 1968. – P. 234.

религиозной католической идентичности. Фигура папы была исключена из правового поля Англии, будучи поставленной вне закона: «...если папа наложит отлучение на страну и короля... не следует это принимать во внимание... епископам и духовным лицам запрещается приводить решения папы по этому вопросу в исполнение или публиковать и распространять их...»¹²⁰. В 1534 году были запрещены и сношения английских священников с Римом¹²¹. Противники папы полагали, что они сами в праве сформировать новую идентичность – как и раньше христианскую, но в значительной мере более светскую, что проявлялось в усилении нарративов в политическом языке того времени, связанных с Англией и всем английским.

Реформация в Англии стала одним из мощнейших интеллектуальных стимулов в деле формирования обновленной воображаемой политической английской географии. Идеологи и теоретики английского реформационного движения в своей полемике с католиками акцентировали внимание на том, что Англия исторически всегда развивалась как независимая страна. В частности, в одном из Актов 1533 года декларировалось, что «...история свидетельствует... Англия была и теперь есть самостоятельное полноправное королевство...»¹²². Подобная антипапская риторика была популярна и в период контрреформации между 1553 и 1558 годами, когда английские протестанты были вынуждены противостоять попыткам реставрации Католической Церкви на территории Англии.

Одним из лидеров реформационного движения, которое фактически стало к тому времени английским и проанглийским, был Джон Понет. В своем «Кратком трактате о политической власти» он крайне негативно отзывался о роли Рима в английских делах, полагая, что папа приносит больше вреда, чем пользы: «...о власти папы мы не будем вести речь, ибо в этом нет никакой необходимости... все люди, даже неразумные дети и женщины, в состоянии понять, что власть папы достойна только насмешки...»¹²³. В документах 1530-х годов внимание акцентировалось на независимом статусе Англии. Например, один из актов 1534 года утверждал, что «...Англия не имеет над собой никакой дру-

¹²⁰ Documents illustrative... – P. 187.

¹²¹ Documents illustrative... – P. 195.

¹²² Documents illustrative... – P. 193.

¹²³ Hudson W. John Ponet...

гой власти кроме власти Бога и короля и не должна подчиняться никакому иностранному государю...»¹²⁴.

В такой ситуации отношения между Римом и Англией должны были развиваться уже вне схемы «центр – периферия». Рим для английских политиков перестал играть роль религиозного центра. Церковь, подчиненная государству, лишилась права заниматься внешнеполитической деятельностью, в частности – поддерживать контакты с Римом. Эти полномочия были переданы королю (соответствующий статут был издан в 1532 году), что подчеркивает увеличение его роли, демонстрируя усиление тенденций, направленных на формирование светской политической нации в Англии.

Подводя итоги, отметим несколько проблем, связанных с феноменом реформирующей нации.

Первое, Реформация принесла в Англию идею нации, хотя подобные, национальные, настроения существовали и в более ранний период. Кристофер Хилл определил этот тип нации как протестантский¹²⁵. Реформация существенно повлияла на их развитие, привела к их широкой востребованности и институционализации. Идея нация была воспринята в первую очередь как идея политическая, идея общности, основанной на власти английского монарха и поддержанная политической элитой. Английская нация возникла изначально именно как политическая в силу того, что у истоков движения, которое привело к ее появлению стояли представители именно политической элиты. Именно этот фактор в значительной степени на раннем этапе истории существования английской нации существенно повлиял на ее характер. Иными словами, английская политическая нация эпохи Реформации – проект английских политических элит.

Второе, Реформация была не просто религиозным, но и политическим движением. Не исключено, что именно религиозный фактор использовался как повод для институционализации новой политической идентичности, предпосылки для чего в Англии сложились в более ранний период. Реформация положила начало английской гражданской нации в политическом измерении. То, что первым гражданином оказался король в то время, когда границы прав других не были четко очерчены – проблемы другого плана. Но именно инициатива монарха, направленная на усиление собственной власти, дала мощный импульс политическому

¹²⁴ Documents illustrative... – P. 209.

¹²⁵ Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века. – С. 22.

гражданскому сознанию подданных, в результате чего наследники Хенри VIII были вынуждены столкнуться с оппозиционными движениями, оспаривавшими авторитет королевской власти.

Третье, Реформация стала мощнейшим импульсом для развития политического географического воображения в Англии. Жители Англии уже до этого замечали, что их страна является островом, но конфронтация с Францией и Испанией, католической континентальной Европе, привели к тому, что эта обособленность начала осознаваться не просто географически, но и политически. Сложились предпосылки для развития идеи об Англии как христианском острове, единственном оплоте истинной и праведной Церкви. Эта идея нашла отклик у наиболее радикально настроенных сторонников Реформации, пуритан, которые предприняли попытку реализовать свои идеи спустя несколько десятилетий, в период Английской революции – на смену реформирующей нации пришли новые нации – оппозиционная и революционная.

ВЕСЕННИЕ ПРОПОВЕДИ 1549 ГОДА: ВЛАСТВУЮЩАЯ ЦЕРКОВЬ И КОРОЛЬ В РОЛИ СЛУШАТЕЛЯ

В некоторых разделах этой книги¹²⁶ мы уже констатировали, что Реформация сыграла значительную роль в развитии национальной идентичности в Англии, выступив как один из мощнейших интеллектуальных стимулов в деле формирования новой английской идентичности и политической нации. Реформация, которая уничтожила доминирующие позиции Католической Церкви, заменив их господством Англиканской Церкви, не была явлением исключительно религиозного плана. Сама замена одной церковной организации другой имела и некоторый светский, секулярный, эффект, которому в частности способствовало подчинение Церкви государству.

Вероятно, именно после Реформации английская культурная и интеллектуальная жизнь развивалась в условиях существования дихотомии светских и религиозных стимулов для носителей «высокой» и «низкой» культур. Достаточно сложно проследить, к влиянию каких факторов англичане того времени были более восприимчивы. Скорее всего, в Англии доминировала особая религиозная, библейская, культура. Формирование этой культуры началось в период Реформации, а сама такая культура доминировала на протяжении XVII века.

Значительная роль в ее формировании принадлежит Англиканской Церкви. Церковь была не просто государственно ориен-

¹²⁶ См.: «Реформирующаяся нация: дискурсы развития английской идентичности в XVI столетии», «Оппозиционная и недовольная нация: дискурсы развития политической английской идентичности в 1600 – 1630-е годы» и «Страшащаяся и боящаяся нация: англичане XVI – XVII столетий в ожидании Апокалипсиса».

тированной и подчиненной институцией, Церкви принадлежали значительные роли в социализации англичан. Социализация англичан, носителей «высокой» и «низкой» культур, протекала различными путями. Носители «низкой культуры», крестьяне и горожане, нередко социализировались самостоятельно, или их социализация могла отличаться значительной степенью свободы и независимости от церковных властей.

Это было вызвано... переводом Библии на английский язык и широким распространением английского текста. Добавим сюда грамотность, умение читать и желание читать, крайне незначительный книжный рынок XVII столетия и мы получим мощнейший инструмент социализации – Библию. Социализация носителей «высокой культуры», вероятно, протекала и развивалась несколько иначе, хотя и в этом случае Библия была незаменима. За социализацию представителей королевской семьи несли ответственность высшие иерархи Англиканской Церкви.

И в этом деле на помощь к ним приходил институт проповеди. Одним из крупнейших теоретиков раннего англиканизма был Хью Лэтимэр. О Хью Лэтимэре мы знаем не так много, как хотелось бы. Точная дата его рождения нам неизвестна. Мы знаем несколько основных фактов из его биографии: он получил степень бакалавра и магистра (где – точно неизвестно), в 1523 году он переходит из католицизма в протестантизм. В 1530 году состоялось его знакомство с королем Хенри VIII, что стало началом его стремительной карьеры. Вероятно, эта встреча была не первой в жизни Лэтимэра встречей с английским монархом.

В одной из проповедей в качестве примера им приводился эпизод из собственной жизни, который характеризует социальный статус его родителей как невысокий: «...my father was a yeoman, and had no lands of his own, only he had a farm of three or four pound by year at the uttermost, and hereupon he tilled so much as kept half a dozen men... He was able, and did find the king a harness, with himself and his horse, while he came to the place that he should receive the king's wages. I can remember that I buckled his harness when he went unto Blackheath field. He kept me to school, or else I had not been able to have preached before the king's majesty now...»¹²⁷.

¹²⁷ Latimer H. The First Sermon preached before King Edward, March 8, 1549 / H. Latimer // Latimer H. Sermons / H. Latimer. – NY., 1906.

Вероятно, эта случайная встреча стала катализатором для изменений социального статуса Хью Лэтимэра. С 1534 года Хью Лэтимэр оказался среди ближайших советников короля по вопросам религии и церкви. В 1535 году он становится епископом Ворчэстэра. О дальнейших событиях мы знаем не очень много. Известно, что в 1546 году Хью Лэтимэр находился в лондонском Тауэре и, вероятно, не по собственной воле. Но смерть короля дала ему свободу, и Хью Лэтимэр стал одним из проповедников при дворе нового английского монарха. В 1553 году Лэтимэр снова оказывается в заключении, а в 1555 году Лэтимэр и некоторые другие сторонники и теоретики Реформации Церкви были сожжены. Перед смертью Хью Лэтимэр сказал: «...в этот день мы будем гореть негасимой свечей, освящая доброту Бога в отношении Англии...» («...we shall this day light such a candle by God's grace in England as shall never be put out...»).

О политических взглядах Хью Лэтимэра судить не так просто. В нашем распоряжении – тексты его проповедей, которые создают образ скорее деятеля церкви, а не светского политика. Вероятно, Хью Лэтимэр был среди тех английских политиков, носителей «высокой культуры», деятельность которых в период Реформации заложила основы для формирования политической нации в Англии. Обратимся непосредственно к работам Хью Лэтимэра. Сохранилось несколько текстов проповедей, произнесенных Хью Лэтимэром перед королем Эдвардом VI (которому тогда было только двенадцать лет) в марте 1549 года.

Именно на анализе этих текстов в контексте социализации и различных идентичностных дискурсов, в них содержащихся, мы остановимся в настоящем разделе.

Первую проповедь Хью Лэтимэр произнес перед Эдвардом 8 марта 1549 года. Проповеди Хью Лэтимэра, вероятно, играли двойную роль. С одной стороны, он стремился наставлять своих слушателей в вопросах веры и религии, патетически восклицая: «...faith, faith, faith; we are undone for lack of faith. Christ nameth faith here, faith is all together...»¹²⁸. С другой стороны, политическое содержание текстов проповедей так же не вызывает сомнения. Лэтимэр отдавал себе отчет в том, перед кем выступает со своими проповедями: ему внимали представители той группы,

¹²⁸ Latimer H. The Fourth Sermon preached before King Edward, March 29th, 1549 / H. Latimer // Latimer H. Sermons / H. Latimer. – NY., 1906.

которую он сам обозначал как «most noble audience»¹²⁹ или «right honourable audience»¹³⁰ или «most honourable audience»¹³¹.

Иными словами, Хью Лэтимэр, вероятно, в то время сам носитель «высокой культуры»¹³² обращался к другим носителям подобной культурной идентичности. Лэтимэр полагал, что на английском короле лежат значительные религиозные функции: «...temporal sword resteth in the hands of kings, magistrates, and rulers, under him; whereunto all subjects, as well the clergy as the laity, be subject, and punishable for any offence contrary to the same book. The spiritual sword is in the hands of the ministers and preachers; whereunto all kings, magistrates, and rulers, ought to be obedient...»¹³³.

Лэтимэр исходил из своей уверенности, что король должен быть центральной фигурой, как в политической, так и религиозной жизни Англии, определяя «мечом» и «словом» границы и пределы английского политического и религиозного дискурса. Лэтимэр в тексте своих проповедей стремился доказать, что король является фигурой ниспосланной специально для англичан Богом: «...it hath pleased God to grant us a natural liege king and lord of our own nation; an Englishman; one of our own religion. God hath given him unto us, and he is a most precious treasure; and yet many of us do desire a stranger to be king over us...»¹³⁴, указывая, вместе с тем и на то, что король, как всякий добрый христианин, должен испытывать перед Господом чувство страха: «a king ought to fear God»¹³⁵.

¹²⁹ Latimer H. The First Sermon preached before King Edward, March 8, 1549...

¹³⁰ Latimer H. The Second Sermon of Master Hugh Latimer, which he preached before the King's Majesty, within his Grace's Palace at Westminster, the fifteenth day of March, 1549 / H. Latimer // Latimer H. Sermons / H. Latimer. – NY., 1906.

¹³¹ Latimer H. The Fourth Sermon preached before King Edward, March 29th, 1549...

¹³² Latimer H. The First Sermon preached before King Edward, March 8, 1549...

¹³³ Latimer H. The First Sermon preached before King Edward, March 8, 1549...

¹³⁴ Latimer H. The First Sermon preached before King Edward, March 8, 1549...

¹³⁵ Latimer H. The Second Sermon of Master Hugh Latimer, which he preached before the King's Majesty, within his Grace's Palace at Westminster, the fifteenth day of March, 1549...

Культивируя этот нарратив, Хью Лэтимэр закладывал тем самым и идею о том, что англичане являются особой нацией, которая заключила Завет с самим Господом. В период деятельности Лэтимэра подобные заявления звучали как декларации политической лояльности королевской власти в Англии, но спустя несколько десятилетий, в период английской революции, контент подобных деклараций изменится и они будут положены в основу новой, революционной и республиканской, политической идентичности.

Королевские нарративы в проповедях Хью Лэтимэра были тесно связаны с культивированием образа врага. При этом между представлениями о «добром короле» и врагах Англии существовала прямая связь. По мнению Х. Лэтимэра, врагами Англии могли быть только противники короля-протестанта. В этом контексте очевидно, что речь идет о католиках: «...God hath given us a deliverer, a natural king: let us seek no stranger of another nation, no hypocrite which shall bring in again all papistry, hypocrisy, and idolatry; no diabolical minister, which shall maintain all devilish works and evil exercises. But let us pray that God maintain and continue our most excellent king here present, true inheritor of this our realm, both by nativity, and also by the special gift and ordinance of God. He doth us rectify in the liberty of the gospel; in that therefore let us stand...»¹³⁶.

Культивирование образа врага, коварного паписта, стремящегося уничтожить добрую и праведную, протестантскую Англию в период правления Эдварда Шестого было важным каналом для поддержания и развития политической идентичности, в основе которой, правда, нередко могли лежать религиозные идеи. Развитие образа врага нередко базировалось на мировоззренческой оппозиции «добрый король» – «злые католики». Это свидетельствует о том, что идентичность носителей «высокой культуры» на данном этапе развивалась как совокупность религиозных и светских, политических, трендов.

При этом, Лэтимэр полагал, что король не в праве монопольно осуществлять свою власть – в первую очередь, религиозную («...king correcteth transgressors with the temporal sword; yea, and the preacher also, if he be an offender. But the preacher cannot correct the king, if he be a transgressor of God's word, with the temporal sword; but he must correct and reprove him with the spiritual sword;

¹³⁶ Latimer H. The First Sermon preached before King Edward, March 8, 1549...

fearing no man; setting God only before his eyes, under whom he is a minister, to supplant and root up all vice and mischief by God's word: whereunto all men ought to be obedient; as is mentioned in many places of scripture, and amongst many this is one...»¹³⁷), полагая, что монарх должен консультироваться и советоваться с иерархами Церкви ради того, чтобы религиозная идентичность в Англии развивалась в тех пределах, которые в одинаковой степени отвечали бы как интересам монархии, так и Церкви.

Лэтимэр полагал, что в истории уже существовали прецеденты, когда несправедливые короли были убиты: «...king Achab also, because he would not hearken unto Micheas, was killed with an arrow. Likewise also the house of Jeroboam, with other many, came unto destruction, because he would not hear the ministers of God's word, and correct his life according unto his will and pleasure...»¹³⁸. Именно поэтому, он предостерегал короля от попыток вмешиваться в дела церкви: «...let the preacher therefore never fear to declare the message of God unto all men. And if the king will not hear them, then the preachers may admonish and charge them with their duties, and so leave them unto God, and pray for them...»¹³⁹, оставляя за ним только право на чтение Библии: «...how a king ought to pass the time. He must read the book of God; and it is not enough for him to read, but he must be acquainted with all scripture; he must study, and he must pray: and how shall he do both these? He may learn at Salomon. God spake unto Salomon when he was made a king, and bade him ask of him what he would, and he should have it...»¹⁴⁰.

В этом фрагменте примечательно сравнение английского монарха с библейским Соломоном, персонажем еврейской истории. Евреи часто фигурировали в проповедях Хью Лэтимэра как народ исторический, связанный с Библией. С другой стороны, эти еврейские образы имели и немалое политическое значение, будучи призванными подчеркнуть преемственность между Израилем и современной для Лэтимэра Англией, что было показательно в

¹³⁷ Latimer H. The First Sermon preached before King Edward, March 8, 1549...

¹³⁸ Latimer H. The First Sermon preached before King Edward, March 8, 1549...

¹³⁹ Latimer H. The First Sermon preached before King Edward, March 8, 1549...

¹⁴⁰ Latimer H. The Second Sermon of Master Hugh Latimer, which he preached before the King's Majesty, within his Grace's Palace at Westminster, the fifteenth day of March, 1549...

контексте формирования особого комплекса нарративов об Англии как о Богом избранной земле и англичанах как нации избранной Господом специально для сохранения чистоты веры.

Когда выше мы указали на то, что Хью Лэтимэр был готов оставить за королем право только на чтение библии, то я, вероятно, немного преувеличил. Лэтимэр признавал за монархом еще и право на молитву: «king ought not only for to read and study, but also to pray»¹⁴¹. Хью Лэтимэр буквально призывал короля и его приближенных вооружиться силой христианской молитвы: «arm yourselves with prayer in your adversities»¹⁴².

Реформация привела к радикальным изменениям в Церкви, не только к сокращению ее прав, но и дала возможность некоторым ее иерархам осознать Церковь в новом качестве. Смерть короля Хенри и переход трона к его наследнику Эдварду, который тогда был молод для проведения полностью независимой политики, вселило англиканским иерархам уверенность, что они смогут контролировать политику короля. Однако, превратить Эдуарда Шестого в нового Эдуарда Исповедника Англиканская Церковь не смогла.

Тексты проповедей Хью Лэтимэра наполнены библейскими образами и ассоциациями. Среди библейских образов не самую последнюю роль играют образы древнееврейских царей: «...thus God conditioned with the Jews, that their king should be such a one as he himself would choose them...we will walk without the limits of God's word; we will choose a king at our own pleasure. But let us learn to frame our lives after the noble king David, which when he had many occasions given of king Saul to work evil for evil, yea, and having many times opportunity to perform mischief, and to slay king Saul...»¹⁴³.

Во второй проповеди Лэтимэр в частности подчеркивал универсальный характер Библии для англичан: «...in this book is contained doctrine for all estates, even for kings. A king herein may learn how to guide himself. I told you in my last sermon much of the

¹⁴¹ Latimer H. The Third Sermon of M. Hugh Latimer, preached before King Edward, March twenty-second, 1549 / H. Latimer // Latimer H. Sermons / H. Latimer. – NY., 1906.

¹⁴² Latimer H. The Third Sermon of M. Hugh Latimer, preached before King Edward, March twenty-second, 1549...

¹⁴³ Latimer H. The First Sermon preached before King Edward, March 8, 1549...

duty of a king...»¹⁴⁴, видя в ней некую общеанглийскую, почти – национальную, книгу. Лэтимэр исходил из того, что эта книга не может иметь ни социальных, ни политических ограничений, а должна быть доступна каждому англичанину, будучи не просто книгой для чтения, но и основой для формирования английской идентичности и руководством для проведения политики для королей.

Для Лэтимэра и, вероятно, для его современников были характерно буквальное восприятие библейских текстов. Он полагал, что библия имеет внеисторический характер и была написана специально для англичан: «...all things that be written in God's holy book, the bible, are written to be our doctrine, long before our time, to serve from time to time, and so forth to the world's end...»¹⁴⁵. Таким образом, само существование английской нации связывалось Хью Лэтимэром с христианством: англичане будут оставаться нацией только до тех пор пока будут сохранять христианскую веру и читать Библию.

В этом фрагменте замечен некий апокалипсический контекст¹⁴⁶, ожидание если не конца света, то гибели английской нации, угроза которой, по мнению английских политиков периода Реформации, могла исходить только от католиков. Отказавшись от католицизма и приняв протестантизм, английские монархи и иерархи Англиканской Церкви продолжали использовать тот политический язык, которым они были обязаны своему католическому прошлому. Если ранее сторонники изменений и перемен в церкви осознавались как еретики, то теперь в качестве таковых воображались католики, а само папство стало синонимом отступления от истинной веры: «...I should have told you here of a certain sect of heretics that speak against this order and doctrine; they will have no magistrates nor judges on the earth. Here I have to tell you what I heard of late, by the relation of a credible person and a worshipful man, of a town in this realm of England, that hath above five hundred heretics of this erroneous opinion in it; as he said. Oh, so

¹⁴⁴ Latimer H. The Second Sermon of Master Hugh Latimer, which he preached before the King's Majesty, within his Grace's Palace at Westminster, the fifteenth day of March, 1549...

¹⁴⁵ Latimer H. The Third Sermon of M. Hugh Latimer, preached before King Edward, March twenty-second, 1549...

¹⁴⁶ См. подробнее раздел «Страшащаяся и боящаяся нация: англичане XVI – XVII столетий в ожидании Апокалипсиса» настоящей книги.

busy the devil is now to hinder the word coming out, and to slander the gospel...»¹⁴⁷.

Хью Лэтимэр не жалел слов дабы создать негативный образ католика как врага Англии: «...the end of the world is near at hand; for there is lack of faith now; also the defection is come, and swerving from the faith. Antichrist, the man of sin, the son of iniquity, is revealed; the latter day is at hand. Let us not think his coming is far off...»¹⁴⁸. Проповеди Лэтимэра свидетельствуют о значительном потенциале английского политического воображения того времени в сфере формирования негативного образа католического мира (само его существование воспринималось как предвестник грядущего и приближающегося Апокалипсиса), хотя в наибольшей степени этот потенциал, вероятно, даст знать о себе позднее, в период правления Елизаветы.

Католицизм в период недолгого правления Эдварда Шестого осознавался не просто как религиозная альтернатива. Хью Лэтимэр активно культивировал в своих проповедях нарратив о том, что католицизм противоречит английскому духу, ставя под сомнение власть английского монарха в деле управления Церковью. С другой стороны, осознаваясь как противники «порядка и доктрины» католикам приписывалась и неверная политическая идентичность, что свидетельствует о слиянии религиозных и политических трендов в той идентичности, носителями которой являлся сам Лэтимэр и те его современники, перед которыми он выступал с проповедями.

Появление персонажей библейской истории в проповедях не случайно. Используя эти библейские мотивы, Лэтимэр стремился провести параллель между современной ему Англией и древним Израилем, словно подчеркивая, что своеобразные функции новой «земли обетованной» перешли к Англии, где усилиями добрых монархов и праведной Церкви создается новое «Царство Божие» на земле. Эта параллель еще более очевидна в языковой плоскости, когда для обозначения древнееврейских царей Лэтимэр использовал термин «king», применяемый и для обозначения английского монарха.

¹⁴⁷ Latimer H. The Fourth Sermon preached before King Edward, March 29th, 1549...

¹⁴⁸ Latimer H. The Fifth Sermon preached before King Edward, April 5, 1549 / H. Latimer // Latimer H. Sermons / H. Latimer. – NY., 1906.

Но, с другой стороны, выступая даже перед английским королем, Лэтимэр указывал на то, что фундаментом английской культуры и религиозности была именно Библия, которая, по его мнению, была подлинной «God's book» или «Christ's book»: «...but ye shall consider, that the foresaid words of Paul are not to be understood of all scriptures, but only of those which are of God written in God's book; and all things which are therein are written for our learning. The excellency of this word is so great, and of so high dignity, that there is no earthly thing to be compared unto it...»¹⁴⁹.

Лэтимэр в своих проповедях перед королем доказывал универсальный характер Библии, полагая, что именно она должна быть основой политических и религиозных отношений в Англии: «...all things written in God's book are most certain, true, and profitable for all men: for in it is contained meet matter for kings, princes, rulers, bishops, and for all states...»¹⁵⁰. Вероятно, верую в универсальность библейских текстов, Лэтимэр верил и в то, что именно они должны лежать в основе идентичности политических элит. Предлагая религиозно основанную и маркированную идентичность и политическую идею английской нации, Лэтимэр полагал, что ее пределы должны совпадать с границами политических элит. Подобное отношение к Библии подчеркивало то, что именно эта книга была источником религиозного вдохновения, поводом для постоянной рефлексии и каналом, который нередко предлагал готовые образы и стереотипы, которые проецировались на английскую действительность.

Подводя итоги этого раздела, остановимся на некоторых аспектах той культуры религиозной и политической проповеди, одним из создателей и зачинателей которой в Англии был Хью Лэтимэр. Тексты проповедей демонстрируют некоторые особенности, характерные для идентичности носителей «высокой культуры» в период правления Эдварда Шестого.

Идентичность развивалась в условиях сосуществования как религиозных, так и светских трендов. Большинство последних было связано с формированием и развитием образа Англии, хотя нередко за английскими нарративами скрывался религиозный бэк-граунд. Протестантизм и принадлежность к Англиканской Церкви активно использовались для поддержания концепта анг-

¹⁴⁹ Latimer H. The First Sermon preached before King Edward, March 8, 1549...

¹⁵⁰ Latimer H. The First Sermon preached before King Edward, March 8, 1549...

лийскости. Сама английская идентичность на том этапе воспринималась почти исключительно в контексте оппозиции и противостояния католицизму.

По мнению Хью Лэтимэра олицетворением самой идеи английскости, уникальности английской политической нации и существования Церкви, независимой от Рима, был английский король. Если отец и предшественник Эдварда Хенри заложил основы английского абсолютизма, то в период правления его наследника Церковь попыталась саму идею абсолютной власти английского короля подвергнуть некоторой ревизии, поставив ее если не под контроль Церкви, то добиться хотя бы смены политических ролей.

Лидеров Англиканской Церкви не устраивала ситуация, в которой Церковь оказывалась подчиненной институцией. Поэтому, взяв на вооружение образ доброго царя, заимствованный из религиозных текстов, настаивая на ежедневном чтении королем Библии, указывая на необходимость молитвы Хью Лэтимэр пытались сформировать новую модель политического поведения монарха. За этими амбициями Церкви скрывался проект формирования, вероятно, новой политической идентичности, которая опиралась бы не на светский, а на религиозный базис.

Этот политический проект не состоялся по причине смерти короля Эдварда, но подобные политические амбиции дорого стоили лидерам Англиканской Церкви. С одной стороны, краткое правление католички Марии было отмечено попытками реставрации Католической Церкви и преследованием протестантов как еретиков. Но приход к власти Елизаветы ознаменовал восстановление позиций Англиканской Церкви. С другой стороны, были и более важные результаты неудачной попытки реализовать политические амбиции.

В период правления Елизаветы происходит значительное сближение позиций Церкви и королевской власти. Это привело к тому, что различные религиозные тренды радикальной ориентации постепенно оказываются за пределами политического дискурса. Маргинализацию пуритан, последовательных протестантов, привела не к их исчезновению, но вылилась в их радикализацию. Если Хью Лэтимэр проповедовал перед королем, то пуританские проповедники имели дело с неизмеримо большей аудиторией.

Английские монархи, правившие после Эдварда Шестого, хотя и пытались остановить рост и усиление пуританских тен-

дений в религиозной жизни Англии, их усилия в этой сфере не давали серьезных результатов. В то время, когда носители «высокой культуры» слушали одни проповеди, англичане внимали другим проповедникам и авторам. Противостояние носителей различных культурных трендов активизировалось в первой половине XVII столетия, достигнув своего апогея в период Английской Революции.

АНГЛИЙСКАЯ ПЬЕСА ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ ЭПОХИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛИЗМА И ИДЕНТИЧНОСТИ

Каков дискурс доминирования и / или проявления идентичности?

Однозначного ответа на этот вопрос, вероятно, мы дать не можем. Но, скорее всего, этот дискурс не ограничивается сферой политического языка, политических текстов, политической литературы, произведений политиков, действующих и покойных. Я сознательно в предыдущем предложении четыре раза употребил производные от слова «политика» с целью подчеркнуть, что в большинстве исследовательских работ сфера национального нередко сводится в сфере политического.

С другой стороны, некоторые сферы, на первый взгляд, не политической жизни общества имеют непосредственное отношение к процессам формирования идентичности и проявления национальных и / или националистических чувств. Это относится, в том числе, и к литературе. Литература традиционно играет роль важного и мощного канала поддержания и выражения национальной идентичности того или иного сообщества.

Это утверждение не вызывает сомнения относительно истории наций Центральной и Восточной Европы, где в период активного национального движения писатели и поэты не только создавали национальные языки и, соответственно новые национальные литературы, литературные традиции, но были и политическими националистами, активно полемизируя с носителями доминирующих идентичностей – с представителями администрации, политиками доминирующей национальной группы, националистически настроенными доминирующими интеллектуальными сообществами. Это вполне относится к истории украинской,

латышской, литовской, польской, словацкой, хорватской и прочих литератур Центральной и Восточной Европы.

В этом случае исследователь имеет дело с различными нарративными источниками, которые могут быть относительно легко атрибутированы, определена национальная принадлежность и политические предпочтения авторов. Например, украинские и литовские авторы активно полемизировали с польскими и русскими, хотя только русских можно назвать (хотя и с большой осторожностью, принимая во внимание, что русский литературный дискурс был в значительной степени дефрагментирован в силу даже не политических, а социальных и экономических, классовых, противоречий – иными словами, не всякий русский писатель и интеллигент – великодержавный русский националист и шовинист, а иногда даже и прогрессивный деятель, борец с реакционным самодержавием) принадлежащими к доминирующей имперской нации.

В этом контексте украинская и литовская национальные литературы возникали как литературы национального протеста. Повторюсь, что подобная ситуация характерна для Центральной и Восточной Европы. В Западной Европе, в том числе – и в Англии, эти процессы развивались несколько иначе. На Британских островах, начиная с Нового Времени явно доминировало одно сообщество – англичане. В данном случае мы не принимаем во внимание период, который последовал после норманнского завоевания 1066 года, что привело к притоку феодалов, носителей романских диалектов, и ущемлению местного населения, которое говорило различных диалектах английского языка. Выше мы высказали предположение, что в период Нового Времени англичане доминировали.

В этой ситуации ирландская, шотландская, валлийская литературные традиции в гораздо большей степени вписываются в схему, столь широко применяемую в восточных и центральноевропейских исследованиях. Но, с другой стороны, этот вовсе не означает, что английская литературная традиция развивалась как постоянно растущий и пополняющийся корпус текстов, выставленных за пределы национального дискурса.

Английская литература была важной сферой развития национальной идентичности, в рамках которых предлагались, дебатировались и отвергались различные национальные проекты. Выше мы высказали мнение, что украинская или литовская (или любая другая географически близкая литература, которая развивается в

пределах культурного и языкового ландшафта Центральной и Восточной Европы) литературы были литературами национального протеста. Относительно британского контекста это применимо, вероятно, к валлийской и / или шотландской литературе.

Английские писатели не сталкивались с такими проблемами, с которыми встречались польские, литовские, украинские, словацкие и другие авторы. В то время, когда русских царей и их министров посещали весьма сомнительные, неоднозначные и экстравагантные мысли о том, что никакого украинского языка нет, не было и быть не может, а католиков поляков и литовцев можно научить писать по-польски или по-литовски на кириллице, никому из британских монархов (даже некоторые поступки Джорджа III, который отличался весьма расшатанным душевным здоровьем, выглядят более рационально, чем идеи российских императоров относительно развития национальной политики или печатного слова) не приходило в голову запретить английский язык, начав культивировать особый британский язык со стоящей за ним британской идентичностью.

Английская литература, наравне с английской политикой, была сферой развития и проявления английского национализма, в первую очередь – политического, в меньшей степени – этнического. Литературные тексты были своеобразной площадкой, где различные политические, культурные, интеллектуальные идентичности создавались, развивались, существовали и умирали. Этот и несколько последующих разделов будут посвящены английской литературе как участку истории английского национализма.

В настоящем разделе мы остановимся на «елизаветинском» периоде в истории английской литературы, который назван так по имени английской королевы Елизаветы, правившей с 1558 по 1603 год. Английская литература той эпохи традиционного ассоциируется с именем Вильяма Шекспира, но Шекспир не был единственным драматургом. Он был самым востребованным, а его произведения оказались наиболее удачно продаваемыми брендами. Во времена Шекспира в Англии жили и другие драматурги, чьи произведения так же сыграли свою роль в формировании и развитии английской идентичности. В истории английской литературы они известны как елизаветинцы¹⁵¹. Среди наиболее

¹⁵¹ В отечественный научный дискурс понятие «елизаветинцы» вошло благодаря усилиям И.А. Аксенова, который, по признанию специалистов по английской литературе во второй полови-

ярких елизаветинцев – Бэн Джонсон (около 1573 – 1637), Томас Хэйвуд (? – 1650), Томас Дэккэр (1570 – около 1632), Джон Флэтчэр (1579 – 1625).

На творчестве Т. Хэйвуда мы постараемся остановиться подробно.

Среди произведений Томаса Хэйвуда – комедия в пяти актах «Красотка с Запада»¹⁵², действие которой разворачивается не только в Англии, но и Марокко и на Азорских островах. Среди героев пьесы – и англичане, и те, с кем в английской литературной традиции того времени ассоциировались негативные образы – католики испанцы, итальянцы и французы, и пока еще экзотические для английской литературы восточные персонажи.

В пьесе «Красотка с Запада» свежи воспоминания от военных англо-испанских столкновений и, поэтому, испанцы – персонажи не самые положительные: «...Нет! Крепко! Славный успех в Кадиксе, под командой такого полководца, англичанам прибавил сердца, все горят огнем сражения с испанцами... придется драться...»¹⁵³. Один из героев пьесы акцентирует особое внимание на

не 1930-х годов, был «одним из лучших наших знатоков елизаветинской драмы и Шекспира» (От издательства // Аксенов И.А. Елизаветинцы. Статьи и переводы / И.А. Аксенов. – М., 1938. – С. 6). И.А. Аксенов, прекрасно знавший английский язык, выполнил первые русские переводы пьес английских авторов, современников В. Шекспира, среди которых - Томас Хэйвуд («Красотка с Запада»), Томас Дэккэр («Добродетельная шлюха»), Джон Флэтчэр («Укрощение укротителя»). Ему же принадлежат и первые исследования их творческого наследия. См.: Аксенов И.А. Бен Джонсон. Жизнь и творчество / И.А. Аксенов // Аксенов И.А. Елизаветинцы. Статьи и переводы / И.А. Аксенов. – М., 1938. – С. 9 – 95; Аксенов И.А. Бен Джонсон в борьбе за театр / И.А. Аксенов // Там же. – С. 96 – 134; Аксенов И.А. Томас Хейвуд и Томас Деккер / И.А. Аксенов // Там же. – С. 136 – 172; Аксенов И.А. Джон Флетчер / И.А. Аксенов // Там же. – С. 173 – 178.

¹⁵² Пьеса «Красотка с Запада» написана и впервые была поставлена в Англии в 1617 году. Первое английское издание датируется 1631 годом. Русский перевод выполнен в 1931 году известным в то время исследователем английской литературы И.А. Аксеновым.

¹⁵³ Хейвуд Т. Красотка с Запада / Т. Хейвуд // Аксенов И.А. Елизаветинцы. Статьи и переводы / И.А. Аксенов. – М., 1938. – С. 181.

том, что воевал с испанцами: «...когда осадили Фойэль, и я по приказанию генерала пошел на штурм и с крайним личным риском испанцев приневолил к отступлению...»¹⁵⁴. Даже плененные испанцами англичане настроены националистично и не готовы признать испанской победы: «...не гордись, испанец, тем, что мы одни сдались... будь один на один... мы бы ваш корабль сначала сделали бы вашим гробом, а там и утопили б в глубине...»¹⁵⁵.

С другой стороны, в пьесе Хэйвуда успех испанцев – явление временное и позднее героиня пьесы Бэсс Бриджс говорит: «...мы этот бой недурно провели, приятно было видеть мне, как испанская каравелла спустила флаг...»¹⁵⁶. В текстах Томаса Хэйвуда понятия «испанцы» и «враги» в значительной степени синонимичны, хотя и не имеют религиозной корреляции в отличие от случаев, о которых мы писали выше. В данном контексте фигура испанца, вероятно, имеет четко негативные коннотации в силу политических, а не религиозных факторов. Вероятно, пьеса стала особым этапом в формировании воображаемой географии неанглийской, романской, Европы, способствуя культивированию и развитию образа неангличанина, в данном случае – испанца-католика.

Религиозность в английской драматической традиции периода правления Елизаветы – удел непросвещенных испанцев и итальянцев. В пьесе Томаса Дэккэра «Добродетельная шлюха» набожны только итальянцы (например, пьеса открывается фанатичным воплем Герцога: «...вот: высунула голову комета, уже двукратно нам она навстречу метала зловещий взор, смутив двукратно родник наших очей... вперед во имя бога!...»¹⁵⁷), но это качество не относится автором к числу позитивных. В Англии второй половины XVI века, где набирала темпы умеренная секуляризация, религиозность в ее католическом фанатическом проявлении была явно не в моде.

Пьеса «Красотка с Запада» интересна как один из первых текстов, где фигурирует Ориент – пока еще не покоренный англичанами, без британской колониальной администрации, а как Восток – неизвестная и загадочная страна. С другой стороны, на

¹⁵⁴ Хейвуд Т. Красотка с Запада. – С. 209.

¹⁵⁵ Хейвуд Т. Красотка с Запада. – С. 246.

¹⁵⁶ Хейвуд Т. Красотка с Запада. – С. 255.

¹⁵⁷ Деккер Т. Благородная шлюха / Т. Деккер // Аксенов И.А. Елизаветинцы. Статьи и переводы / И.А. Аксенов. – М., 1938. – С. 285.

Ориент проецировались и европейские образы, в частности – абсолютистская королевская власть: «...в конце кровавых междоусобий мы обрели нам вожделенный мир, и вот теперь, воссевши на престоле великих предков, мы царим по-царски в Феце, в Марокко...»¹⁵⁸.

Восточный правитель позиционируется как идеальный добрый монарх («...на груди вражеских кровавых трупов мы ставим суд наш, и пребывая один без соперников, имеем время творить законы для покоя царства, в обогащение казны...»¹⁵⁹), в чем, вероятно, прослеживается некоторая оппозиционность со стороны Томаса Хэйвуда официальному политическому дискурсу елизаветинской Англии. Хотя Т. Хэйвуд и сам не был чужд принадлежности к полуофициальному дискурсу восхваления английской королевы («...наша королева – Феникс единственный своих времен, гордость и слава Островов Заката, тысячи языков устанут, славя ее и не опишут...»¹⁶⁰), чем, вероятно, способствовал культивированию политической идентичности и лояльности, в центре которой пребывала фигура монарха.

С другой стороны, не следует преувеличивать симпатии Т. Хэйвуда и его современников в отношении Востока. Он был одним из первых англичан, кто начал культивировать крайне непривлекательный образ Востока как родины мавров (один из персонажей пьесы Томаса Дэккэра «Благодетельная шлюха» заявляет своему противнику: «и варварского мавра ты свирепей»¹⁶¹) обители дикости, разврата и пороков: «...но какой мне прок от царства без удовольствий? Дайте мне наложниц, прекраснейших христианских дев, каких поймать или купить можно (арабок и негрятенок даром мне пришлют), итальянок, француженок, турчанок и голландок подать в царственный дворец...»¹⁶². В этом контексте заметно противопоставление Запада и Востока как центров культуры и варварства, а симпатии автора склонялись в пользу Европы.

Пьеса «Красотка с Запада» интересна и в контексте отмирания традиционной городской идентичности и культуры средневековой Англии. На смену старым городам приходят новые экономические центры, более богатые и успешные: «...Как Плимут

¹⁵⁸ Хейвуд Т. Красотка с Запада. – С. 254.

¹⁵⁹ Хейвуд Т. Красотка с Запада. – С. 254.

¹⁶⁰ Хейвуд Т. Красотка с Запада. – С. 270.

¹⁶¹ Деккер Т. Благодетельная шлюха. – С. 287.

¹⁶² Хейвуд Т. Красотка с Запада. – С. 255.

кишит франтами! Проулки – как золотом блестят! Кого не встретишь – при шарфе и с пером, как будто цвет британских щеголей закинул якорь в этом порту; мне кажется, что здесь военный двор...»¹⁶³. Появление мотивов, связанных с модой, демонстрирует несколько иной дискурс восприятия действительности, который отличается от проанализированных нами в разделах, касающихся Реформации и Революции.

В отличие от проанализированных выше идентичностных дискурсов, дискурс, зафиксированный в текстах, Томаса Хэйвуда имеет явно светский характер. Церковные мотивы возникают в пьесе не как доминирующие, религия – случайная тема, которая иногда встречается в речи героев («...Рефман: Как де их зовут? Бэсс: А вы справьтесь в церкви, где их крестили, – может быть, скажут...»¹⁶⁴), что подчеркивает принадлежность Томаса Хэйвуда к светскому литературному тренду. Герои Томаса Хэйвуда – это не религиозные фанатики, к Богу они обращаются изредка, да и то, как правило, в момент смерти: «...я в Плимуте убил, теперь я вами убит в Фойэле... есть в небе правда и нет убийств, не отмщенных им, прости мне небо, я же вам прощаю...прощанье будет кратко, уцелеешь – живи во славу, если ж ты умрешь – грехи тебе простятся»¹⁶⁵.

Для новых англичан, описанных Т. Хэйвудом, религия стояла едва ли не на последнем месте, что показывает сосуществование в Англии второй половины XVI века различных дискурсов, как светских, так и религиозных. В пьесе «Красотка с Запада» английские персонажи – носители новой идентичности, о чем, в частности, свидетельствуют слова капитана Гудлэка: «...как преуспевший джентльмен, с друзьями и средствами, вы вздумали рискнуть собою в плаваньи, где только мне подобным, у кого, кроме шпаги, ничего нет искать за морем грабежа...»¹⁶⁶. Такой англичанин – житель страны, где модернизация началась совсем недавно, а локальная замкнутость и традиционная патриархальность не разрушены окончательно, но появление людей, подобных Гудлэку, свидетельствует, что идет новое поколение со своей идентичностью.

У нового поколения англичан фактором, который определяет их идентичность, является не религия, не принадлежность к Ка-

¹⁶³ Хейвуд Т. Красотка с Запада. – С. 182.

¹⁶⁴ Хейвуд Т. Красотка с Запада. – С. 204.

¹⁶⁵ Хейвуд Т. Красотка с Запада. – С. 211.

¹⁶⁶ Хейвуд Т. Красотка с Запада. – С. 184.

толической или Англиканской Церкви, а некая духовная связь со всем английским, например, флагом («...итак, стать по своим щитам, пусть флаг Сен-Джорджа¹⁶⁷ заиграет полным ветром...»¹⁶⁸), но, главным образом, с самой Англией: «...так знай, что цель моей поездки, хочу взять моего Спенсера отсюда, в родной стране вырыть ему могилу и памятник поставить там, когда умру нас скроет общая земля...»¹⁶⁹.

На примере отношения к смерти Томас Хэйвуд стремился подчеркнуть различия, которые, по его мнению, существовали между пресвященными англичанами-протестантами и дикими испанцами-католиками: «...не помните, чтоб здесь при англичанах похоронили в церкви джентльмена... да, действительно, так было и памятник поставили хороший, но как английский флот ушел от нас, а город перешел опять к испанцам, они за то, что он был еретик, сейчас же выбросили труп из церкви...»¹⁷⁰. Хэйвуд культивировал нарратив о дикости католиков-испанцев, об их непросвещенности и вере в религиозные предрассудки: «...зарыли в поле... владелец поля вздумал, что хлеба не уродятся на еретике, и попросил попов о разрешеньи выкопать труд да сжечь, так он и сделал...»¹⁷¹.

Это свидетельствует, что политическое неприятие испанцев в английском общественно-политическом и литературном дискурсе столетия сочеталась с религиозным, которое подкреплялось уверенностью в исключительной правильности английского религиозного выбора. На этом фоне показательна сцена разрушения протестантами-англичанами испанской католической церкви: «...теперь печаль мы переменим в месть и так, как церковью обижен Спенсер, пустите парочку снарядов в церковь, велите пушкарю пусть он ее совсем с землей сравняет...»¹⁷².

Преобразование Англии в один из литературных образов свидетельствовало о том, что в Англии XVI столетия наряду с политической идентичностью и политической нацией, основанной на идеях преданности и лояльности, формировалась особая иден-

¹⁶⁷ Именно так в русском издании 1938 года, хотя автору кажется, что «Сэйнт Джорджа» или «Святого Джорджа» было бы ближе к смыслу этого термина в английском контексте.

¹⁶⁸ Хейвуд Т. Красотка с Запада. — С. 260.

¹⁶⁹ Хейвуд Т. Красотка с Запада. — С. 256.

¹⁷⁰ Хейвуд Т. Красотка с Запада. — С. 257.

¹⁷¹ Хейвуд Т. Красотка с Запада. — С. 258.

¹⁷² Хейвуд Т. Красотка с Запада. — С. 258.

тичность, в центре которой лежали именно английские, национальные образы и мотивы. Это была уже не просто идентичность ученых мужей, деятелей церкви – это был некий универсальный вариант идентичности, понятный и доступный и для мужчин и для женщин. Вероятно, именно это позднее повлияло на постепенную национализацию и политической идентичности, ее превращению не просто в верноподданническую, но именно английскую, идентичность.

Подводя итоги этого небольшого экскурса в литературную жизнь елизаветинской Англии, следует акцентировать внимание на нескольких аспектах. Тексты, принадлежащие к проанализированной выше литературной традиции, отличаются светским характером. Почти все их герои – миряне. В пьесе Томаса Хэйвуда проповедник появляется только в последнем акте, а его появление вызвано исключительно необходимостью влюбленных героев. Светский, секулярный характер этих текстов примечателен, если принять во внимание, что одновременно с ними формировалась целая литературная и политическая культура, укорененная не в светских образах, а в Библии. Своим светским характером эта литература была обязана английской Реформации – событию преимущественно религиозного плана.

Реформационные процессы в значительной степени подорвали религиозные устои, ослабив, тем самым, религиозную идентичность, и позволив появиться светским трендам в культурной жизни. Произведения писателей эпохи королевы Елизаветы сыграли немалую роль в национальной консолидации, в усилении национальной идентичности. Этому способствовало то, что авторы касались актуальных и политически значимых тем – противостояния Англии с Испанией, борьбы протестантов с католиками. Примечательно то, что оба эти процесса драматургами, жившими в период правления Елизаветы, интерпретировались со светских позиций.

Противостояние и борьба между испанцами и англичанами – это конфликт различных идентичностей, а то, что он разворачивался в восточных ориентных декорациях, было призвано подчеркнуть европейский характер Англии, принадлежность англичан к западной политической и культурной традиции, одновременно акцентировав внимание на близости и даже общности между католиками испанцами и мусульманами. Светская направленность текста, предназначенного для театра, свидетельствует и о начале процессов модернизации, которая в Англии того време-

ни протекала крайне медленно, встречаясь с многочисленными препятствиями в виде народной религиозности, традиционной культуры.

Принадлежность творчества «елизаветинцев» к секулярному дискурсу очевидна на фоне предназначения этих текстов – они были написаны специально для постановки на театральной сцене. В такой ситуации театр был мощным и действенным каналом распространения и популяризации новых идей. Недаром именно театры были среди первых жертв религиозных фанатиков в период английской революции, что демонстрирует остроту конфронтации и противостояния между различными проектами и трендами в рамках активно формировавшейся английской идентичности.

С другой стороны, круг потребителей такой культуры был вероятно незначителен. Поэтому, на данном этапе английская нация развивалась именно как политическая нация, границы которой совпадали с теми пределами социального и политического поля, в рамках которых существовала английская политическая и культурная элита того времени. Произведения «елизаветинцев» представляют один из элементов культурного и политического дискурса Англии второй половины XVI века. Процессы формирования английской идентичности на том этапе протекали в значительной степени дискретно, оторвано и изолировано.

Светские и религиозные дискурсы редко пересекались, хотя секулярные и несекулярные идентичностные проекты оказывались взаимоисключающими. Вероятно, противоречия между ними было невозможно преодолеть в форме политического и культурного диалога. Поэтому, следующее XVII столетие вошло в английскую историю как век революции.

КОРОЛЕВСКАЯ ТЕМА В «ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЕ» НАЧАЛА XVII СТОЛЕТИЯ

В предыдущих параграфах мы вели речь о разных идентичностных типах, связанных с различными типами, точнее – уровнями культуры. Речь шла о «высокой» и «низкой» культуре, за которыми стояли различные проекты развития и культивирования идентичности. Условно мы можем говорить о «высоких» и «низких» идентичностях, связанных с социально-политическими, но в большей степени – культурными и интеллектуальными предпочтения отдельными групп и слоев английского общества.

Английская средневековая культура не развивалась как нечто единое целое. Она, вероятно, как и другие европейские культуры того времени, не знала такого понятия как серийность и, тем более, массовость. Как таковой единой английской культуры, скорее всего, не существовало. Английская культура того времени была географически и пространственно детерминированной, представляя собой совокупность различных культур разных социальных слоев.

С другой стороны, мы не так много знаем об этой культуре, особенностях ее существования, функционирования и воспроизведения. Мы можем судить лишь о ее отдельных дискурсах, попавших в источники. Кроме этого, «привилегия» создавать их в период Средних Веков принадлежала представителям образованных классов и, поэтому, мы, как правило, наблюдаем продукты развития «высокой культуры», редкие перцепции со стороны представителей образованных классов культуры низов и в крайних случаях сами проявления народной культуры непосредственно отраженные в письменных источниках.

В этом разделе мы несколько отойдем от той схемы, которой мы придерживались в предыдущих частях работы. Ранее речь шла о различных типах идентичности, за которыми стояли социальные группы с их собственными идентичностными проектами.

Мы никогда не писали об особых идентичностных проектах, которые развивались вокруг фигуры одного человека, или группы лиц, связанных между собой родственными узами и наделенных властью. Как не сложно догадаться, речь идет о королевской власти¹⁷³.

Королевская власть в Средневековой и Ранней Новой Англии – это не просто политический институт¹⁷⁴, а сложный дискурс интеллектуальной истории в виду того, что некоторые английские короли порадовали исследователей «высокой культуры», оставив несколько текстов. Не будем вдаваться в подробности (оставив их для изучения историкам и сторонником традиционной нормативно-описательной историографии) относительно истории института королевской власти в Англии, а остановимся только на некоторых интеллектуальных и идентичностных дискурсах, связанных с существованием и функционированием самого этого института.

В качестве источника, как и в предыдущих разделах, мы используем нарративные (письменные) источники. В данном случае – сочинение Джозэфа Холла (1574 – 1656) «Королевское пророчество» («The Kings Prophecie»), написанное в 1603 году. Следует, вероятно, сказать несколько слов о самом Джозэфе Холле. Холл родился в 1574 году в Эшби, получил образование в Кэмбридже, закончив Эммэнуэл-колледж, который являлся в то время частью Университета Витс. Полученное им образование дает нам возможность предположить, что Джозэф Холл¹⁷⁵ принадле-

¹⁷³ О королевской власти в Средневековой Англии см.: Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / М. Блок. – М., 1998.

¹⁷⁴ О неортодоксальном, не сугубо политическом, а комплексном, интеллектуально-культурном, представлении о королевской власти в средневековой Европе см.: Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории / Ю.Л. Бессмертный // Одиссей. Человек в истории 1995. Представления о власти / ред. Ю.Л. Бессмертный. – М., 1995. – С. 5 – 19.

¹⁷⁵ Холл занимался литературной деятельностью, писал сатиры на своих современников. Холл, хотя и был носителем высокой культуры, его культурные предпочтения не всегда совпадали со вкусами властей, особенно – церковных. В 1599 году Англиканская Церковь распорядилась сжечь сочинения Джозэфа Холла, но распоряжение так и не было выполнено. Спустя несколько

жал к одному из дискурсов той культуры, которую принято определять как «высокую».

Итак, выше мы уже обозначили, что в центре настоящего раздела будет сочинение Джозефа Холла «Королевское пророчество» («The Kings Prophecie»).

Сразу следует оговориться, что Холл не был среди активных сторонников монархии, он был далеко не официальным автором. На этом фоне различные дискурсы восприятия им королевской власти представляют немалый интерес. «The Kings Prophecie» открывается пассажем относящимся к политике королевы Елизаветы, в частности – поискам наследника для английской короны, что вызывает у Холла нескрываемую иронию относительно попыток «разделить трон на две части»:

What Stoick could his steely brest containe
(If Zeno self, or who were made beside
Of tougher mold) from being torne in twaine
With the crosse Passions of this wondrous tide?
Grief at Elizaes toomb, orecomne anone
With greater ioy at her succeeded throne?¹⁷⁶

В дальнейшем образ Елизаветы возникает вновь – королева предстает в виде умирающей женщины, которая переживает свою «последнюю ночь»:

Oft did I wish the closure of my light,
Before the dawning of that fearfull day
Which should succeed Elizaes latest night,
Sending her glorious soule from this sad clay,
Vp to a better crowne then erst she bore
Vpon her weary browes, and Temples hoare...¹⁷⁷

Образ умирающей английской королевы возникает в этом контексте совершенно не случайно и звучит подобно политическому предупреждению ее наследникам.

лет сам Дж. Холл делает выбор в пользу религиозной карьеры. В 1627 году Холл становится епископом Экстэра, а в 1641 – Норвича.

¹⁷⁶ <http://www.luminarium.org/sevenlit/hall/hallbib.htm>

¹⁷⁷ <http://www.luminarium.org/sevenlit/hall/hallbib.htm>

Дискурс восприятия политики престолонаследия в произведении Джозефа Холла развивается как оппозиционный:

Me seems the world at once doth weep & smile,
Washing his smiling cheeks with weeping dew,
Yet chearing still his watered cheeks the while
With merry wrinckles that do laughter shew;
Amongst the rest, I can but smile and weepe,
Nor can my passions in close prison keepe...¹⁷⁸

Оппозиционность Холла в данном контексте внешне лишена политического характера, хотя политический подтекст заметен. Стремясь скрыть политическую направленность своего текста Холл, облакает свои политические идеи в форму сатиры. За традиционными для эпохи обращениями к Музе

Yet now, when Griefe and Ioy at once conspire
To vex my feeble minde with aduerse might,
Reason suggests not words to my desire,
Nor daines no Muse to helpe me to endite;
So doth this ciuil strife of Passions strong,
Both moue and marre the measures of my song...¹⁷⁹

и первыми, пока робкими и не столь значительными апелляциями к силе Разума

So, when but single Passions in the field
Meet Reason sage; soone as she list aduance
Her awful head; they needs must stoop, & yeeld
Their rebell armes to her wise gouernance:
Whence, as their mutin'd rage did rashly rise
Ylike by Reasons power it cowardly dies...¹⁸⁰

скрывается определенный политический контекст. Джозеф Холл, вероятно, позиционировал себя как оппозиционный цензуре автор, полагая, что цензурные ограничения в одинаковой мере вредны и для вдохновения и для человеческого разума:

¹⁷⁸ <http://www.luminarium.org/sevenlit/hall/hallbib.htm>

¹⁷⁹ <http://www.luminarium.org/sevenlit/hall/hallbib.htm>

¹⁸⁰ <http://www.luminarium.org/sevenlit/hall/hallbib.htm>

But when that Passions ranke arayes beset
Reason alone, without or friend, or Fere,
Who wonders if they can the conquest get
And reauē the crown her royal head did weare?
Goe yet tumultuous lines, and tydings bring
What Passion can in Reasons silence sing...¹⁸¹

Тем самым Холл был одним из тех, что закладывал оппозиционный нарратив, который в течение последующих четырех десятилетий будет активно использоваться не лояльно настроенными носителями «высокой культуры». В тексте заметно некоторое недовольство Холлом появлением в Англии «северного» короля:

Well did the wise Creator, when he laid
Earth's deepe foundations, charge the watery maine,
This Northerne world should by his waues be made
Cut fro the rest, and yet not cut in twaine
Diuided, that it might be blest alone,
Not sundred, for this fore-set vnion...
Or for composed temper of the Clyme,
Or those sound blasts the clensing North doth blow.
Or, for he sawe the sinfill continent
Should with contagious vice be ouerwent¹⁸²

и позднее эти северные образы, так же четко соотносимые с шотландцами окажутся достаточно востребованными в период Английской революции¹⁸³. С другой стороны, вероятно, не следует преувеличивать антишотландские нарративы в тексте «Пророчества», о чем, в частности, свидетельствует уверенность Холла в возможность союза между двух Королевств, союза между Англией и Шотландией:

Two sister Nations nearely neighbouring,
The same for Earth, Language, Religion;
Parted by diuers lawes, a diuerse King

¹⁸¹ <http://www.luminarium.org/sevenlit/hall/hallbib.htm>

¹⁸² <http://www.luminarium.org/sevenlit/hall/hallbib.htm>

¹⁸³ Этой проблематике посвящены разделы «Революционная нация: дискурсы развития английской идентичности в 1640-е годы» и «Верующая нация: дискурсы английской идентичности XVI и XVII столетий» настоящей книги.

And Twedaes streames; are now conioyned in one,
And thus conioynd, double their former powre,
Double the glory of their Gouvernour...¹⁸⁴

Каковы были основания этой новой формирующейся англо-шотландской идентичности? Вероятно, этот новый идентичностный проект стимулировался в первую очередь религиозными факторами, связанными с противопоставлением католической Европе и подкрепленный осознанием своего географического положения, которое начинает постепенно осознаваться в политических категориях.

Оппозиционность авторского нарратива в «Пророчестве» Джозефа Холла выражалась и в том, что он рисовал весьма нежизнерадостную перспективу развития Англии:

For then I fear'd to finde the frowning skie
Cloathed in dismall black, and dreadfull red,
Then did I feare this earth should drenched lie
With purple streames in ciuill tumults shed:
Like when of yore in th' old Pharsalian downes,
The two crosse Eagles graped for the crowne...¹⁸⁵

Здесь и образы черных и багрово красных небес. Вероятно, те негативные характеристики, которые более ранние английские авторы адресовали по отношению к католическим романским соседям Англии и папе римскому, в начале XVII века стали вполне применимы, по их мнению, и в отношении королевской власти в самой Англии.

Англия для Холла была Королевствами, более того, королевствами расположенными на островах

Heauens chieftest care, Earth's second Paradise,
Wonder of Times, chiefe boast of Natures stile,
Enuy of Nations, president of blisse,
Mistresse of Kingdomes, Monarch of all Iles...
...Then shall my Suffolke (Englands Eden hight
As England is the worlds) be ouer blest
And surfet of the ioy of that deare sight
Whose pleasing hope their harts so long possesst

¹⁸⁴ <http://www.luminarium.org/sevenlit/hall/hallbib.htm>

¹⁸⁵ <http://www.luminarium.org/sevenlit/hall/hallbib.htm>

Which his great Name did with such triumph greet
When erst it loudly ecchoed in our street...¹⁸⁶

что свидетельствует о развитии нарратива об особой выделенности и отделенности англичан от других европейских наций, хотя первые элементы подобного восприятия мы находим в «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного. В этом контексте заметен и значительный религиозный компонент, попытка подвести под географические особенности и религиозные основания, доказав, что Англия, как «второй Рай», создана Господом в качестве Богоизбранной нации.

Холл достаточно активно использовал в своем «Пророчестве» т.н. «английскую лексику», связанную с понятием England и различными от него производными, в том числе – и британскими. Эти британские образы в тексте Холла четко соотносятся именно с монархией, королевской властью:

That here brake off the race of Brittish Kings?
Which now alone began; when first we see
Faire Britaine formed to a Monarchie...¹⁸⁷

В «Пророчестве» мы находим и элементы исторической рефлексии, упоминание Войны Алой и Белой Роз

Or when the riper English Roses grew
On sundrie stalks, from one selfe roote ysprung,
And stroue so log for praise of fairer hew,
That millios of our Sires to death were stung
With those sharp thornes that grew their sweets beside
Or such, or worse I ween'd should now betide...¹⁸⁸

своеобразное восприятие истории английских правящих династий как процесса постоянно ничем не ограничиваемого численного возрастания и поэтому неизбежных внутренних конфликтов.

Nor were leud hopes ought lesser the my dread,
Nor lesse their Triumphs then my plained woe,
Triumphs, and Plaints for great Eliza dead;

¹⁸⁶ <http://www.luminarium.org/sevenlit/hall/hallbib.htm>

¹⁸⁷ <http://www.luminarium.org/sevenlit/hall/hallbib.htm>

¹⁸⁸ <http://www.luminarium.org/sevenlit/hall/hallbib.htm>

My dread, their hope for Englands ouerthrow:
I fear'd their hopes, & waild their pleasat cheare,
They triumpht in my griefes, & hop't my feare...¹⁸⁹

Англия предстает как страна, находившаяся на грани падения, мученичества со стороны католиков:

Waiting for flames of cruell Martyrdome,
Alreadie might I see the stakes addrest,
And that stale strumpet of imperious Rome,
Hie mounted on her seuen-headed beast,
Quaffing the bloud of Saints in boules of gold,
Whiles all the surplus staines the guiltles mold...¹⁹⁰

подвергаясь угрозе со стороны католических государств, в частности - Испании, которая ассоциировалась для Джозефа Холла с роями все пожирающей и уничтожающей саранчи:

Now might I see those swarmes of Locusts sent,
Hell's cursed off-spring, hyred slaues of Spaine,
Till the world sawe, and scorned their intent,
Of a sworne foe to make a Soueraigne;
How could but terrour with his colde affright
Strike my weake brest vpon so sad foresight...¹⁹¹

что свидетельствует и достаточно широкой востребованности антироманских и антикатолических нарративов в интеллектуальном дискурсе Англии начала XVII века. С другой стороны, Рим был источником для постоянной антикатолической рефлексии. Этот антикатолический нарратив был настолько устойчивым, что распространялся не просто на Рим как центр Католической Церкви, но и на Рим как город в целом:

And thou great Rome, that to the Martian plaine
Long since didst lowly stoope; and leaue for lore
Thy loftie seate of Hils: shalt once againe
Creepe lower to the shade of Tybers shore:
Yet lower shall his Arme thy ruines fell,

¹⁸⁹ <http://www.luminarium.org/sevenlit/hall/hallbib.htm>

¹⁹⁰ <http://www.luminarium.org/sevenlit/hall/hallbib.htm>

¹⁹¹ <http://www.luminarium.org/sevenlit/hall/hallbib.htm>

В начале XVII столетия в английском политическом дискурсе проявилась тенденция переноса апокалипсических настроений не на саму протестантскую Англию, как оплот истинной веры, окруженный врагами, а на центр Католической Церкви. В этом контексте очевидна сознательно создаваемая интеллектуальная оппозиция между доброй и чистой Англией и римской блудницей. В данном случае заметно влияние со стороны ранней литературы, появившейся в период Реформации и активной полемики между англичанами-протестантами и континентальными католиками.

Подводя итоги этого раздела, посвященного восприятию королевской власти в культурном дискурсе Англии начала XVII столетия, отметим основные особенности развития королевской темы в контексте «Пророчества» Джозэфа Холла. Нарратив, который мы наблюдаем в тексте «Пророчества», вероятно, принадлежал к «высокой культуре». С другой стороны, он имел комплексный характер, сочетая как светские, так и религиозные мотивы. Светский дискурс был связан с развитием идеи политической английской нации, в то время, когда религиозные мотивы были призваны подчеркнуть уникальность Англии, избранный характер английской нации и то, что ей надлежит исполнить особую историческую роль.

Трудно определить однозначно, какие именно мотивы, светские или религиозные, доминируют в тексте «Пророчества». Это подчеркивает то, что политический дискурс в Англии отличался значительной нестабильностью, что было связано со сменой королевской династии и активизацией носителей «высокой культуры». Интеллектуальная рефлексия, которой придавались некоторые английские интеллектуалы, оказалась мощнейшим стимулом для роста оппозиционности, для политической активизации носителей высокой культуры, которые и были основой формирования и функционирования английской политической нации.

Появление королевской темы было не случайно. Ее появление стало результатом Английской Реформации, которая не просто привела к усилению королевской власти, но и реально поставила фигуру короля в центр английского политического дискурса, лишив его конкурентов в виде Католической Церкви. Реформация дала мощнейшие интеллектуальные стимулы носителям

¹⁹² <http://www.luminarium.org/sevenlit/hall/hallbib.htm>

высокой культуры в обсуждении не только религиозных, но и политических вопросов, некоторые из которых касались фигуры короля.

Это подчеркивает, что идентичность носителей высокой культуры развивалась как политическая. Политизация элит вела к росту оппозиционности, появлению новых идентичностных проектов, некоторые из которых оказались в центре политических, культурных и религиозных дебатов в Англии в период революции.

ОППОЗИЦИОННАЯ И НЕДОВОЛЬНАЯ НАЦИЯ: ДИСКУРСЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНГЛИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В 1600 – 1630-Е ГОДЫ

В разделе «Реформирующаяся нация: дискурсы развития английской идентичности в XVI столетии» мы отметили, что на смену нации реформаторов в Англии в XVII веке пришли нации оппозиционеров и революционеров. Не следует понимать это буквально. Все они были англичанами, но англичанами – носителями разных политических идентичностей, за которыми, в свою очередь, скрывались различные проекты политической лояльности и концепты политической оппозиционности.

Оппозиционность, в свою очередь, могла быть фактором, стимулирующим революционность, но об этом речь пойдет в одном из следующих разделов. Сейчас нас интересует именно оппозиционность и оппозиционная идентичность. Определенных элементов оппозиционности мы касались в разделе «Реформирующаяся нация: дискурсы развития английской идентичности в XVI столетии», когда речь шла о Джоне Понете и Джоне Ноксе. В XVII веке мы имеем дело не с элементами, а уже с целым дискурсом оппозиционности, хотя в английской историографии сильна концепция, согласно которой Революция XVII столетия не идеологических предшественников¹⁹³.

Оппозиционный дискурс на данном этапе отличался значительным разнообразием. Нередко политическая оппозиционность как основа внесистемной, антимонархической, идентичности базировалась на идее примата права. В частности, в 1639 году появ-

¹⁹³ См. подробнее: Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века. – С. 22.

ляется трактат Вилльяма Эймса «О естественном праве»¹⁹⁴, где автор, исходя из принятого тогда разделения права на божественное и человеческое, проводил идею о недопустимости узурпации монархом юридической сферы и о необходимости изменений, которые привели к тому, что король начал бы считаться с правом нации в целом¹⁹⁵. Сам король Джэймз I Стюарт знал о подобной литературе, отзываясь о ней как о «необоснованных, мятежных и опасных доктринах»¹⁹⁶.

Вероятно, как и его предшественники В. Эймс понимал нацию в узком смысле, ограничивая ее представителями политической и интеллектуальной элиты, пределами парламента¹⁹⁷. Аналогичный, но более четко выраженный оппозиционный нарратив, мы находим и в издании Хенри Паркэра «Обозрение касательно нескольких новейших ответов и выражений Его Величества». Х. Паркэр полагал, что король не в праве узурпировать власть, так как исторически все монархи получают ее благодаря поддержке подданных.

¹⁹⁴ Эймс У. О естественном праве / У. Эймс // Лавровский В.М. Сборник документов по истории английской буржуазной революции XVII века / В.М. Лавровский / ред. М.А. Барг. — М., 1973. — С. 48. Далее: Сборник документов по истории английской буржуазной революции...

¹⁹⁵ О взаимосвязи различных оппозиционных дискурсов см. подробнее: Hill Ch. Intellectual Origins of the English Revolution / Ch. Hill. — Oxford, 1965; Hill Ch. The Century of Revolution 1603 — 1714 / Ch. Hill. — L., 1980; Hirst D. Authority and Conflict / D. Hirst. — L., 1985; Loaders D. Politics and Nation 1450 — 1660 / D. Loaders. — L., 1974; Politics, Religion and Literature in the XVIIth century / eds. W. Lamont, S. Olfield. — L., 1975; Zagorin P. A History of Political Thought in the English Revolution / A. Zagorin. — NY., 1966; Zagorin P. The Court and the Country: the Beginning of the English Revolution / P. Zagorin. — L., 1969.

¹⁹⁶ См. подробнее: Rushworth J. The Historical Collections (1618 — 1648) / J. Rushworth. — L., 1659. — Vol. 1. — P. 64.

¹⁹⁷ С другой стороны, сам статус парламента, как институции английской нации, отличался значительной неопределенностью. Британский историк Джэралд Эйлмер полагает, что на том этапе парламенты в Англии «расценивались как периодически созываемые собрания, а не как постоянно действующая часть государственного управления». Эйлмер Дж. Восстание или революция? Англия 1640 — 1660 гг. / Дж. Эйлмер. — СПб., 2004. — С. 8.

С другой стороны, Х. Паркэр подверг критике и официальный нарратив о божественном характере королевской власти. В связи с этим он писал: «...закон, который король имеет в виду, не следует принимать буквально как какой-то особый указ, который ангелы и пороки послали ему с небес... среди христиан власть не может быть ничем иным, как только договорами и соглашениями между политическими корпорациями...»¹⁹⁸. Кроме этого, само понятие «нация» понималось Х. Паркэром гораздо шире, чем ранее.

Если в период Реформации границы нации очерчивались пределами функционирования политических элит, то Х. Паркэр несколько расширил границы политической нации как политического сообщества в целом: «...власть с самого начала принадлежит нации... это могущество и сила, которые каждое сообщество таит в себе и которые при общем согласии передаются в те или иные руки и Бог подтверждает этот закон...»¹⁹⁹.

И В. Эймс, и Х. Паркэр представляли светскую оппозицию. Параллельно со светскими оппозиционными политическими настроениями в Англии развивались и религиозные внесистемные дискурсы, представленные пуританством – радикальным сепаратизмом, который было невозможно интегрировать в официальный политический контекст и религиозный ландшафт Англии, создаваемый усилиями государственной Англиканской Церкви. Одним из лидеров религиозного течения в оппозиции был Хенри Джэйкоб, работы которого так же демонстрируют оппозиционные проекты политической идентичности. Если для светских оппозиционеров проблемы имели политические истоки и, соответственно, нуждались в решении политическими методами, то пуритане настаивали на том, что «все люди по природе своей испорчены грехом»²⁰⁰ и именно в этом видели корни социальных, религиозных и политических противоречий в Англии 1630 – 1640-х годов.

В предыдущем разделе мы констатировали, что английские политики активно использовали французские нарративы с целью создания негативного образа врага. В то время, когда светская

¹⁹⁸ Parker H. The Observations upon Some of His Majesties' Late Answers and Expresses / H. Parker. – L., 1642. – P. 1.

¹⁹⁹ Parker H. The Observations... – P. 1.

²⁰⁰ См. подробнее: Burrage Ch. The Early English Dissenters / Ch. Burrage. – Cambridge, 1912. – Vol. 2. – P. 158.

оппозиция с ее проектами альтернативной идентичности отличалась относительно умеренным политическим характером, пуритане²⁰¹ культивировали концепты внесистемного политического поведения, отстаивая право вооруженным путем свергать существующую власть: «...христианин в праве носить оружие и использовать его в войнах против врагов Церкви Бога... а таковой является исключительно сепаратистская Церковь Англии... можно применять оружие и против тех, чьи идеи противоречат Слову Бога...»²⁰².

В сочетании религиозной и политической критики был скрыт значительный потенциал пуританского оппозиционного движения, который был мобилизован позднее, в период Английской революции с ее значительными религиозными трендами, которые на определенных этапах явно доминировали. Если светские политики полагали, что Реформация в Церкви завершена и в изменениях нуждается исключительно политическое устройство Англии, то пуритане настаивали на необходимости сочетания религиозных перемен с политическими, настаивая, что Реформация должна быть продолжена.

В частности, в одном из анонимных текстов первой четверти XVII века утверждалось, что «...джентльмены и священники жалуются на непорядки в Церкви Англии и желают ее дальнейшей Реформации...»²⁰³. Сама идея дальнейшей Реформации основывалась на националистическом убеждении о том, что Церковь следует вернуть к чистому и нравственному состоянию ранней Церкви («...Церковь надо реформировать согласно Святому Слову Бога... и восстановить ее в том виде, в каком она была создана нашим Спасителем Христом и его Святыми Апостолами...»²⁰⁴),

²⁰¹ Пуританству посвящена обширная литература. См.: Cliffe J.T. *The Puritan Gentry* / J.T. Cliffe. — L., 1984; Haller W. *The Rise of Puritanism* / W. Haller. — NY., 1938; Haller W. *Liberty and Reformation in Puritan Revolution* / W. Haller. — NY., 1955; Hill Ch. *Puritanism and revolution* / Ch. Hill. — L., 1958; Hill Ch. *Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England* / Ch. Hill. — L., 1964; Schenk W. *The Concern for Social Justice in the Puritan Revolution* / W. Schenk. — L., 1948; *Puritans and Revolutionaries* / eds. D.H. Pennington, K. Thomas. — Oxford, 1978.

²⁰² Burrage Ch. *The Early English Dissenters*. — P. 170.

²⁰³ См.: Usher J. *The Reconstruction of the English Church* / J. Usher. — NY., 1910. — Vol. II. — P. 358.

²⁰⁴ Usher J. *The Reconstruction of the English Church*. — P. 271.

что в перспективе превратит Англию во вторую Палестину, всемирный христианский центр.

В первой половине 1640-х годов французские образы в культурном дискурсе Англии пока не прочитывались как сугубо отрицательные. С другой стороны, французская проблематика активно использовалась дабы показать возможные пути неверного развития политической идентичности. Французская монархия в глазах английских политиков выглядела не просто воплощением несправедливой сути католицизма, но трансформировалась в наглядный пример того, к чему может привести узурпация власти.

Например, этот политически маркированный антифранцузский нарратив развивал тот же Хенри Паркэр, который относительно Франции писал: «...во Франции мы видим, что если бы крестьяне там были более свободны, они были бы богаче и более значимы, а если они были такими, то их король был бы более могущественным... но, осуществляя над своими подданными извращенную власть, король теряет истинную власть...»²⁰⁵. За два десятилетия до этого, в 1621 году, в центре критики со стороны английского парламента оказалась Испания и поддерживаемый ею Рим. В петиции от 3 декабря 1621 года английские парламентарии обвиняли Рим и Испанию в сговоре: «...активность римского папы и его возлюбленного сына (короля Испании – Авт.)... один стремится к светской монархии, а другой – к духовному главенству... папизм основывается на дьявольских положениях и доктринах...»²⁰⁶. Позднее схема, отработанная на критике Испании, будет переложена английскими политиками и на Францию.

Спустя несколько лет, в 1644 году, Сэмюэл Розэрфорд, продолжая развивать идею В. Эймса и Х. Паркэра, подверг радикальной ревизии доктрины периода Реформации, которые касались королевской власти. В памфлете «Закон, король» С. Розэрфорд пытался поставить под сомнение идею столь популярную и востребованную политическими элитами эпохи Реформации о божественном характере королевской власти. Он, в частности, писал: «...мы должны различать между властью и правительством то, что мы защищаем себя, передавая нашу власть в руки одного или нескольких правителей – юридическое установление... королевства базируются исключительно на позитивном праве, а не на божественном... нет такого естественного права, согласно

²⁰⁵ Parker H. The Observations... – P. 3.

²⁰⁶ Rushworth J. The Historical Collections (1618 – 1648). – P. 40.

которому живое подчинялось бы себе подобному... всякая власть человека над человеком является результатом человеческих установлений... предположение, что Господь предписал, чтобы один господствовал над большинством... противоречит Слову Божьему и Священному Писанию...»²⁰⁷.

Кроме этого Х. Паркэр настаивал на необходимости того, что королевская власть должна быть ограничена²⁰⁸. Появление подобного нарратива свидетельствует о том, что некоторые оппозиционеры и противники королевской власти 1640-х годов стремились изменить политическую идентичность, несколько сместив акценты, сделав ее более политической, а не религиозной. Сама идея о том, что подданные являются не просто подданными, но и гражданами свидетельствовала о значительной радикализации альтернативных идентичностных проектов. Альтернативный характер идентичности, связанной с оппозиционностью, подчеркивают и достаточно частые и конкретные апелляции противников короля к истории.

Если в период Реформации подобные исторические реминисценции были редким явлением и, если даже имели место, то почти всегда использовались для обоснования прав короля, для защиты самой идеи увеличения полномочий монарха в контексте его конфликта с папой римским. В 1620 – 1640-е годы обращения к истории были, наоборот, призваны подчеркнуть антимонархический характер оппозиционной политической идентичности. История превратилась в сферу противостояния между королем и оппозицией, откуда они пытались черпать доказательства своей правоты.

Если монарх ссылался на неприкосновенный характер власти своих предшественников, то его противники, например, в Петиции о праве (1628) несколько раз упоминали статуты Эдварда I и Эдварда III, которые, наоборот, приписывали монарху действовать в согласии с парламентом²⁰⁹. Упомянутый выше Хенри Паркэр сравнивал власть Чарлза I с властью нормандских завоевате-

²⁰⁷ Розерфорд С. Закон, король / С. Розерфорд // Сборник документов по истории английской буржуазной революции... – С. 48.

²⁰⁸ Parker H. *Jus Populi: or, a Discourse Where is Clear Satisfaction is given as Well Concerning the Right of Subjects, as the Right of Princes* / H. Parker. – L., 1644.

²⁰⁹ Петиция о праве, 7 июня 1628 года // Сборник документов по истории английской буржуазной революции... – С.106 – 109.

лей, вторгшихся в 1066 году. В связи с этим он писал: «...было бы заблуждением думать, что наши предки не боролись бы за свои законы и обычаи, которых завоеватель и его приемники лишили нас коварством и силой...»²¹⁰.

В своей полемике со сторонниками короля Х. Паркэр апеллировал к парламенту, как наиболее национальному политическому институту. Сам парламент в начале XVII века достаточно быстро превратился в оппозиционную институцию. Депутаты Палаты Общин подчеркивали свое право выражать несогласие с позицией монарха, указывая на то, что именно в парламенте сосредоточены «исконные права королевства»²¹¹. За подобной полемикой скрывалась борьба относительно того, чьими усилиями будет формироваться и развиваться политический образ Англии – короля или оппозиционного парламента.

Уже в начале 1620-х годов английский парламент пошел на конфронтацию с королем Джэймзом, указывая ему на недопустимость ограничения прав и полномочий парламента, в первую очередь – Палаты Общин. В своем протесте, составленном в декабре 1621 года, Палата настаивала на том, что «...свободы, привилегии и льготы парламента являются старинным правом и наследием английских подданных, которое не вызывает сомнения...»²¹².

В противостоянии парламента и короля Палата Общин нередко занимала национально выраженные позиции, направленные против «ядовитого племени»²¹³ католиков в то время, когда Джэймз нередко руководствовался династическими интересами, поддерживая контакты с испанским и французским католическими королевскими домами. В этом своеобразном диалоге «парламент – король» первый нередко указывал королю на недопустимость англо-испанского сближения: «...все иезуиты и католические священники, а так же другие лица, которые получили свои полномочия от Рима... должны немедленно выехать за пределы этого королевства...»²¹⁴.

²¹⁰ Parker H. The Observations... – P. 3.

²¹¹ Апология Палаты Общин, 20 июня 1604 года // Сборник документов по истории английской буржуазной революции... – С. 67.

²¹² Rushworth J. The Historical Collections (1618 – 1648). – P. 53.

²¹³ Rushworth J. The Historical Collections (1618 – 1648). – P. 141.

²¹⁴ Rushworth J. The Historical Collections (1618 – 1648). – P. 143.

В данном контексте заметно, что парламент продолжал развитие нарратива о негативной роли католиков, в первую очередь – испанских и французских. Этот национально ориентированный нарратив, унаследованный со времен Реформации, активно эксплуатировался в ходе политических дебатов между королем и Палатой Общин, во время которых последняя стремилась доказать, что политика Джэймза вышла за пределы того политического дискурса, которые может быть определен как «английский» и не соответствует больше национальным интересам Англии.

Политические предпочтения противников короля склонялись в сторону парламента. Как и его предшественники Х. Паркэр был сторонником идеи политической нации, полагая, что выразителем ее интересов является и должен быть исключительно парламент: «...парламент является ничем иным, как всей нацией Англии, которая объединена свободным выбором... Лорды и Общины образуют единый Совет, который является всей нацией...»²¹⁵. Но и в данном случае концепт нации развивался вокруг существования политических элит, как нациеобразующих элементов.

Подводя итоги, отметим несколько проблем, связанных с феноменом оппозиционной нации и формирования особой оппозиционной политической идентичности в Англии в период, предшествующий началу Английской революции.

Первое, если раньше основное внимание противники короля уделяли вопросам преимущественно религиозного плана, то в период 1600 – 1630-х годов мы наблюдаем процесс постепенного, хотя и весьма относительного, сближения между светским и религиозным течениями в политической оппозиции. Политическая оппозиция, с одной стороны, становится в целом более светской, именно политической, сфокусированной на политических дебатах, государственной полемики. С другой стороны, религиозная оппозиция, представленная преимущественно пуританским движением, подвергается значительной политизации.

Второе, продолжилось дальнейшее развитие концепта нации. Как и в более ранний период под нацией английские оппозиционеры понимали почти исключительно политическое сообщество, совокупность политических институций, призванных выполнять роль гражданского представительства. В такой ситуации Палата Общин английского парламента превратилась в наиболее дина-

²¹⁵ Parker H. The Contra-Replicant, His Complaint to His Majesties / H. Parker. – L., 1642.

мично и быстро национализирующийся политический институт. Оппозиционность и политическое несогласие палаты, радикализма идей отдельных депутатов, тексты, которые среди них циркулировали настолько не вписывались в официальный политический дискурс Англии, что в 1629 году парламент был распущен.

Но его роспуск вовсе не означал ликвидации политической оппозиции – она обрела другие формы, а за период единоличного правления короля без парламента подверглась еще большей радикализации. Поэтому, созванный в начале 1640-х годов парламент стал средоточием политической оппозиции, которая вовсе не стремилась проявлять лояльность по отношению королю, но за которой стояла своя оппозиционная политическая альтернативная идентичность, попытки институционализации которой были предприняты в период революции.

СТРАШАЩАЯСЯ И БОЯЩАЯСЯ НАЦИЯ: АНГЛИЧАНЕ XVI – XVII СТОЛЕТИЙ В ОЖИДАНИИ АПОКАЛИПСИСА

Вероятно, чувство страха знакомо каждому человеку. При-
суще оно и отдельным человеческим группам, различным ло-
кальным сообществам и более крупным объединениям, в том
числе – и нациям. Мотивы страха нашли свое отражение в англо-
саксонской народной традиции, заметны они и в «Церковной ис-
тории народа англосаксов», автор которой Беда Достопочтенный ис-
пытывал не только как верующий христианин страх перед Богом,
но и питал чувство страха за судьбы христианской веры и Церкви
на Британских островах. Политические события и перипетии,
связанные с историей Англии, создали весьма питательную почву
для развития такого чувства как страх.

В период Раннего Средневековья местные жители страдали
от набегов скандинавов – датчан и норвежцев. Христиане-англы,
разумеется, испытывали чувство страха перед завоевателями-
язычниками. Норманнское завоевание 1066 года только усилила
эти чувства страха. Добавим к этому еще несколько войн – Сто-
летнюю Войну, войну Алой и Белой Роз, более позднюю кон-
фронтацию с Испанией. Средневековая культура и без войн в
значительной степени была культурой именно страха, постоян-
ной боязни – страха крестьянина лишиться арендуемой земли,
страха феодала потерять собственность... Всех, вероятно, объе-
динял страх Страшного Суда.

События XVI и XVII столетий создали еще более плодород-
ную почву для развития страха и различных фобий²¹⁶, политиче-

²¹⁶ О феномене фобий см.: Липгарт Н.К. Навязчивые состояния
при неврозах / Н.К. Липгарт. – Киев, 1978; Озерецковский Д.С.
Навязчивые состояния / Д.С. Озерецковский. – М., 1950; Озе-
рецковский Д.С. Навязчивые состояния / Д.С. Озерецковский //
Большая медицинская энциклопедия / ред. акад. Б.В. Петров-

ских, религиозных, социальных... Немногие пресвященные и образованные англичане слышали о событиях в германских землях, некоторые были знакомы с еретическими идеями местных, более ранних, английских маргиналов, но никто не мог предположить, что Англия может так радикально порвать с римской католической религиозной традицией. Для многих события Реформации стали мировоззренческой катастрофой, приведя к идентичностному кризису.

В Англии возник феномен «боящейся» или «страшащейся» нации. Это не была нация в современном понимании. Это были различные, нередко изолированные и оторванные друг от друга сообщества, за которыми стояли свои идентичности. В центре этих идентичностей лежало чувство страха. О чувстве страха писал в своем известном памфлете «Анти-Кавалеризм» в 1642 году Джон Гудвин, констатируя, что «...дух, суждения и совесть людей стали такими от того, что их запугали и страшно унизили, держа под игом, чем приуготовляли их к приманкам антихриста...»²¹⁷. Это была нация в том смысле, что представляла собой отдельный, пусть и маргинальный, идентичностный проект. Именно феномену «страшащейся» нации XVI и XVII столетий и будет посвящен настоящий раздел.

Для начала следует сделать несколько вводных замечаний относительно природы той боязни, которую испытывали некоторые английские авторы указанного периода. Какой это был страх? Какова была его природа? Принимая во внимание, что до XVI века Англия, как и значительная часть Европы, была зоной доминирования традиционной, преимущественно – католической, религиозности и стоящей за ней народной культуры со значительным религиозным компонентом, мы можем предположить, что страх и ужас, объявший Англию на протяжении двух веков был страхом именно религиозного свойства и происхождения. Поэтому, в дальнейшем речь пойдет о различных источниках нарративного плана, то есть текстах, которые, в той или иной мере, большей или меньшей степени, затрагивали те участки сознания англичан (точнее – той их части, которая умела читать), которые вызывали чувство страха.

ский. – М., 1981. – Т. 16. – С. 107 – 110; Умаров М.Б. Невроз навязчивых состояний и психастения / М.Б. Умаров. – Л., 1956.

²¹⁷ Цит. по: Хилл Кр. Английская Библия и революция... – С. 338.

Страх религиозного свойства нередко был связан с боязнью скорого конца света, Апокалипсиса. Появление такого страха в Англии, как христианской стране, и боязни пришествия Антихриста вовсе неслучайно. Широкое распространение страхов скорого конца света было связано с переводом Библии на английский язык и относительно широким распространением ее текстов. Если до этого большинство англичан не понимали латинского текста Библии, то в английском они смогли прочесть: «...и как вы слышали, что придет Антихрист, и теперь появилось много антихристов...»²¹⁸. Подобные пассажи, написанные на родном и понятном языке, нередко внушали верующим чувство страха.

Религиозные фобии среди носителей как «высокой», так и «низкой» культуры были связаны с принадлежностью Англии к христианской культурной и политической традиции. Немецкий медиевист Эрнст Кезиманн подчеркивал, что чувство страха апокалипсического свойства нельзя просто описать в контексте истории христианской теологии Запада в силу того, что этот страх «был матерью всей христианской теологии»²¹⁹. Американский исследователь Б. МакДжинн полагал, что эта модель страха автоматически приходила во все христианские культуры европейских народов в силу того, что эсхатологический компонент играл немалую роль уже в проповеди Иисуса²²⁰.

Вероятно, это был страх смерти, а страх смерти, как указывали известные советские психиатры В.Д. Тополянский и М.В. Струковская, является одной из наиболее опасных фобий²²¹. С другой стороны, эти религиозные фобии не редко могли представлять форму защиты: многим англичанам, которые прошли социализацию в рамках традиционного общества гораздо легче

²¹⁸ Ср. 2 Ин. 4.

²¹⁹ Käsımānn E. The Beginnings of Christian Theology / E. Käsımānn // *Apocalypticism: Journal for Theology and Church*. – 1961. – Vol. VI. – No 1. – P. 40. Читателя не должна смущать некоторая несущерзанность этого предложения: слово «Angst» («страх») в немецком языке является словом женского рода.

²²⁰ McGinn B. Early Apocalypticism: the ongoing debate / B. McGinn // *The Apocalypse in English Renaissance thought and literature. Patterns, antecedents and repercussions* / ed. C.A. Patrides, J. Wittreich. – NY., 1984. – P. 2.

²²¹ Тополянский В.Д., Струковская М.В. Психосоматические расстройства / В.Д. Тополянский, М.В. Струковская. – М., 1986. – С. 46.

было верить в скорый Апокалипсис, чем приспособливаться к новому²²². По мнению американского исследователя Ллойда де Моза в такой ситуации произошел «крах защитных механизмов», что привело к тому, что отдельные социальные группы пришли к состоянию, близкому к «предпараноидальному состоянию индивида». Ллойд де Моз определил такую ситуацию как «параноидный коллапс»²²³, непосредственно в качестве примера указывая на события в Англии XVI и XVII столетий²²⁴.

Апокалипсическая литература не была чисто английским изобретением и интеллектуальным продуктом, ее возникновение было связано с развитием христианства в целом и церковной литературной традиции в частности. Некоторые подобные мотивы мы можем обнаружить в сочинениях св. Иеронима (340 – 420) и Августина Блаженного (344 – 430). На территории Англии первым, кто писал на подобные темы, был, вероятно, Беда Достопочтенный, среди трудов которого есть и трактат, представляющий собой комментарии к Апокалипсису²²⁵. Эта тема, которая несомненно вызывала страх у большинства верующих, пользовалась немалой популярностью среди носителей «высокой» культуры. В средневековой Европе в период между 217 и 1498 годами, по подсчетам американских медиевистов, появилось 56 трактатов²²⁶, которые касались темы Апокалипсиса. В течение XVI и XVII ве-

²²² В связи с этим в научной медицинской литературе уже неоднократно высказывалось мнение, что «фобия является защитным механизмом». См.: Психиатрия. Учебное пособие / ред. В.П. Самохвалов. – РнД., 2002. – С. 330.

²²³ Моз Л. де, Исторические групповые фантазии / Л. де Моз // Моз Л. де, Психоистория / Л. де Моз. – РнД., 2000. – С. 242 – 244; см. так же некоторые англоязычные публикации: Mause L. de, The Psychogenetic Theory of History / L. de Mause // The Journal of Psychohistory. – 1977. – Vol. 4. – No 1. – P. 253 – 267.

²²⁴ Saffady W. Fears of Sexual License During the English Reformation / W. Saffady // History of Childhood Quarterly: The Journal of Psychohistory. – 1973. – Vol. 1. – No 1. – P. 89 – 97; Ashton R. The English Civil War / R. Ashton. – L., 1971.

²²⁵ Bede. Bedae Commentarius in Apocalypsin / Bede. – NY., 1932.

²²⁶ О том, сколько текстов утрачено, судить сложно, но, вероятно, их число было больше. См.: The Apocalypse in English Renaissance thought and literature. Patterns, antecedents and repercussions / ed. C.A. Patrides, J. Wittreich. – NY., 1984. – P. 371 – 373.

ков число подобных произведений, по сравнению с более ранним периодом возросло²²⁷.

Образованные англичане XVI – XVII веков были, вероятно, знакомы с некоторыми текстами по апокалипсической тематике, возникшими на территории континентальной Европы. Они активно стали прибегать их чтению и написанию подобных работ, дабы заполнить тот идентичностный, интеллектуальный и не исключено, что, психологический / психиатрический вакуум²²⁸, возникший в результате Реформации, отказа от католицизма и разрыва с исторически устойчивой традицией католической набожности и религиозности в Англии. Главными поставщиками подобных текстов были романские страны – Испания, Португалия, Франция, государства, существовавшие на территории современной Италии. Среди наиболее значимых текстов подобного плана – сочинения Бернарда де Сиены²²⁹, Лоренцо Валлы²³⁰, Жана Пети²³¹, Федерико Венето²³², Филлиппа де Мантуа²³³, Паоло Анджело²³⁴, некоторые анонимные трактаты²³⁵.

Давайте вспомним, что представляла собой Англия того времени (конца Средневековья и начала Нового Времени) и, может быть, мы поймем всю глубину этих социально обусловленных религиозных фобий. Почему именно так думали и именно так боялись многие англичане? Они имели на это немалые основания. Разрушение вековых религиозных устоев, военные столкно-

²²⁷ С 1501 по 1699 вышла 1065 подобных книг, не считая переизданий. См.: *The Apocalypse in English Renaissance thought and literature. Patterns, antecedents and repercussions* / ed. C.A. Patrides, J. Wittreich. – NY., 1984. – P. 373 – 412.

²²⁸ С психологической / психиатрической точки зрения см.: Meissner W. *The Paranoid Process* / W. Meissner. – NY., 1978.

²²⁹ Bernardinus de Siena. *Commentaria in Apocalypsim* / Bernardus de Siena // *Opera omnia*. – Lyon, 1501 (1591, 1636).

²³⁰ Valla L. *Adnotationes in Novum Testamentum* / L. Valla. – Paris, 1505.

²³¹ Petit J. *Apocalypsis idest reuelatio Iesu Christi* / J. Petit. – Paris, 1508 (1515).

²³² Veneto Fr. *Apocalypsis Iesu Christi* / Fr. Veneto. – Venice, 1516.

²³³ Phillippus de Mantua. *Lectura perlucida in Apocalypsim* / Phillippus de Mantua. – Padua, 1516.

²³⁴ Angelo P. *Profetie certissime, stupende et admirabili dell' Antichristo et innumerabili al mondo* / P. Angelo. – Venice, 1530.

²³⁵ *Sermones super Apocalypsim*. – Lyon, 1512; *Catena moralis in Genesim-Apocalypsim*. – Paris, 1520.

вения с испанцами, английская революция, в результате которой произошло событие, о котором многие в принципе не могли и подумать. Речь идет о казни короля Чарлза.

Подобные события, разумеется, нарушили размеренный ход жизни аграрных и городских сообществ, а о том, сколько англичан в результате этих перипетий лишились рассудка в прямом смысле слова, в нашем распоряжении, к сожалению, не казалось подобных источников. Хотя не исключено, что некоторые английские душевнобольные все-таки попали на страницы актов, судебных решений, писем. Это, впрочем, задача отдельного исследования, которое следует выполнять в русле микроистории или исторической антропологии. С другой стороны, автор подобных амбициозных задач перед собой не ставит.

Для нас интересно то, как страх повлиял на развитие различных идентичностей, существовавших в то время в Англии – идентичностных типов, связанных с идеей Апокалипсиса, которые Б. Кэпп определили как «апокалипсический национализм»²³⁶. В XVI веке в Англии появляются трактаты про Апокалипсис, как авторские (среди авторов которых были В. Тиндэйл²³⁷, Дж. Бэйл²³⁸, Р. Краули²³⁹, Дж. Нокс²⁴⁰, Дж. Джой²⁴¹), так и анонимные²⁴², написанные на английском языке.

²³⁶ Capp Th. The political dimension of apocalyptic thought / Th. Capp // The Apocalypse in English Renaissance thought and literature. Patterns, antecedents and repercussions / ed. C.A. Patrides, J. Wittreich. – NY., 1984. – P. 96.

²³⁷ Tyndale W. The Booke of the Revelacion off Sainct Ihon the Devine Done into Englysshe / W. Tyndale. – L., 1525.

²³⁸ Bale J. Yet a course at the Romysh foxe compyled by J. Harryson / J. Bale. – Zurich, 1543; Bale J. A Breve Chronycle concernynge the Examynacion and death of the blessed martyr of Christ, Syr Johan Oldecastell / J. Bale. – Antwerpen, 1544; Bale J. The image of both Churches / J. Bale. – Antwerpen, 1548.

²³⁹ Crowley R. The Voyce of the Laste Trumpet Blowen bi the Seventh Angel / R. Crowley. – [n.p.], 1549.

²⁴⁰ Knox J. The First Blast of the Trumpet against the Monstrous Regiment of Women / J. Knox. – Geneva, 1558.

²⁴¹ Joye G. The exposicion of Daniel the Prophete / G. Joye. – Geneva, 1545.

²⁴² Here Begynneth the byrth and lyfe of the most false and deceytfull Antechryst. – 1520; The Popish Kingdom and the Reign of Antichrist. – 1530; Wycklyffes Wycket. – 1546.

В этом чувстве страха, представленного в большинстве сочинений упомянутых выше авторов и в анонимных текстах, было действительно немало националистического. Боязнь была и страхом Антихриста²⁴³. Соседи Англии наилучшим образом, по мнению некоторых английских политиков того времени, подходили на эту сомнительную роль. В зависимости от ситуации таковыми могли объявляться католическая Испания и Франция («антихристовы друзья»²⁴⁴) или Шотландия, с которой Англия имела не только политические, но и религиозные противоречия и расхождения.

Вероятно, не следует сводить проблему страха в контексте развития английской идентичности XVI и XVII столетий исключительно к уровню психического здоровья английской нации. Появление в Англии т.н. апокалипсической литературной традиции, в рамках которой мы имеем дело с уникальным идентичностным дискурсом, было связано не только с психическим здоровьем носителей «высокой» и «низкой» культур, но и с общим развитием интеллектуальной жизни в Англии. Формирование образов, связанных с Апокалипсисом и стоящей за ними особой идентичностью, было связано с отказом англичан от католицизма²⁴⁵.

Английские протестанты в атмосфере страха, вероятно, испытывали немалую потребность в объяснении произошедших перемен и оправдании своего отказа от католицизма. В связи с этим Б. Кэпп подчеркивал, что «обращение к Апокалипсису для ранних английских реформаторов (например, Джона Бэйла и Джона Фокса²⁴⁶) было в одинаковой степени и эмоциональным и интеллектуальным»²⁴⁷. Ралф Квинэт, писавший, что «...о багряной ва-

²⁴³ О развитии образа антихриста в английской интеллектуальной традиции см.: Hill Ch. *Antichrist in Seventeenth-Century England* / Ch. Hill. – L., 1971.

²⁴⁴ Aylmer J. *An Harborowe For Faith-full and Trewe Subiects* / J. Aylmer. – Strasburg, 1559.

²⁴⁵ О некоторых интеллектуальных последствиях Английской Реформации см.: Bauckham R. *The Tudor Apocalypse* / R. Bauckham. – Appleford, 1978; Christianson P. *Reformers and Babylon* / P. Christianson. – Toronto, 1978; Firth K. *The Apocalyptic Tradition in Reformation Britain 1530 – 1645* / K. Firth. – Oxford, 1979.

²⁴⁶ О Джоне Фоксе см.: Olsen V.G. *John Foxe and the Elizabethan Church* / V.G. Olsen. – Berkley, 1973.

²⁴⁷ Capp Th. *The political dimension of apocalyptic thought*. – P. 93.

вилонской блуднице больше не говорят; наши преподобные митроносные священники теперь называются антихристами, словно они звери более невежественные, чем тот, который в Риме сидит...»²⁴⁸, связывал образ Антихриста с образами Рима и шлюхи. Томас Брайтмэн в связи с этим рисовал весьма живописную картину скорого светопреставления («...see this impudent harlot at length slit in the nostrils, stripped of her garments and tires, besmeared with dirt and rotten eggs, and at last burnt up and consumed with fire...»²⁴⁹), связывая ее с образом шлюхи – образом знаковым и показательным для английской литературной традиции елизаветинской эпохи²⁵⁰.

Этот образ, вероятно, четко соотносился с другим негативным образом в английской политической и литературной традиции того времени – образом Антихриста. Выше мы упомянули Испанию, образ которой активно использовался в рамках культивирования политической идентичности, и опасность, со стороны которой поддерживала идентичность страха. Страх Испании был боязнью не просто религиозной, но боязнью нравственного падения. Пуританский проповедник Томас Роджэрс отзывался об Испании как главной защитнице «римского публичного дома» («Roman brothel house»²⁵¹) в частности, и Рима в целом – города, который был предзнаменованием Апокалипсиса.

Восшествие на престол Елизаветы, которая сменила Марию, рассматривалось как победа истинных христианских сил над полчищами антихриста. Образ католички Марии имел четкие негативные ассоциации и вероятно в период ее правления образ шлюхи (интересно, какие ассоциации вызывала политика католички Марии, пытавшейся установить династические связи с Ис-

²⁴⁸ Kveset R. Shorter Poems / R. Kveset. – Chicago, 1966. – P. 334.

²⁴⁹ Brightman Th. The Revelation of St. John Illustrated / Th. Brightman // Brightman Th. Works / Th. Brightman. – L., 1644.

²⁵⁰ В этом контексте показательным является то, что нередко героиней пьес того времени становилась именно женщина. Причем названия подобных произведений могли отличаться некоторой фривольностью. Упомяну, например, пьесы Томаса Хэйвуда «Красотка с Запада» и Томаса Дэккэра «Добродетельная шлюха». Об этом, в частности, идет речь в разделе «Английская пьеса елизаветинской эпохи в контексте развития национализма и идентичности» настоящей книги.

²⁵¹ Rogers Th. The Historical Dialogue Touching Antichrist / Th. Rogers. – L., 1589.

панией, что рассматривалось как измена, как продажа интересов протестантской Англии ее католическим врагам) стал не просто предзнаменованием апокалипсиса, но и политическим образом.

Выше мы отметили, что появление самих мотивов Апокалипсиса было нередко связано с попытками переосмыслить разрыв с Римом. В такой ситуации сам образ Рима и института папской светской и духовной власти стал интерпретироваться в апокалипсических категориях и определениях. Апокалипсис устойчиво ассоциировался с концом света, битвой сил добра и зла, появлением Антихриста. Английским политикам и авторам не составило труда найти подтверждения существования факта последнего. Если такая необходимость возникала, то они всегда указывали на Рим. В 1559 году Дж. Эйلمэр прямо указывал на то, что восшествие на престол королевы Елизаветы – это этап в борьбе против Антихриста²⁵².

Что касается короля Джэймза, то в ранний период своего правления в глазах некоторых английских авторов существовал позитивный образ монарха (Джон Вайкарз выдвинул почти политический лозунг: «Царь Давид против филистимлян, король Джэймз – против врагов Христа» – «King David against the Philistims, King James against the Antichristians»²⁵³) и, он выглядел продолжателем политики своей предшественницы Елизаветы в деле борьбы с Антихристом. Некоторые английские авторы полагали, что Джэймз объявил открытую войну против Антихриста²⁵⁴. Под последним, разумеется, подразумевался Рим. В начале XVII века, хотя об этом за несколько столетий уже писали английские лолларды²⁵⁵, образ Антихриста, как провозвестника Апокалипсиса, четко ассоциировался и соотносился с образом папы римского. Артур Дэнт в своем трактате 1603 года настаивал, что в случае появления Антихриста, тот будет выглядеть «как папа римский подобно тому, как папы Рима рассматривались как антихрист»²⁵⁶. христианского мира, средоточие истинности и святости, то теперь само существование Рима, образ которого начал ассоциироваться с антианг-

²⁵² Aylmer J. An Harborowe For Faith-full and Trewe Subiects / J. Aylmer. – Strasburg, 1559.

²⁵³ Vicars J. Englands Hallelu-jah / J. Vicars. – L., 1631.

²⁵⁴ Bernard R. Key of Knowledge / R. Bernard. – L., 1617.

²⁵⁵ См. об этом подробнее: Aston M. Lollards and Reformers: Images of Literacy in Late Medieval Religion / M. Aston. – L., 1984.

²⁵⁶ Dent A. Ruin of Rome / A. Dent. – L., 1603.

лийскими силами и мятежами, превратилось в доказательство и подтверждение неизбежности скорого Апокалипсиса. О неизбежности Апокалипсиса, по мнению радикальных пуритан начала XVII века, свидетельствовала и та перемена, которая произошла в политике короля Джэймза. Если в первые годы своего правления он казался им добродетельным протестантским монархом, продолжателем политики Елизаветы, то его шаги, направленные на нормализацию отношений с католическими странами, заставили пуритан и других участников политических и религиозных дискуссий пересмотреть свое отношение к королю.

Подобная смена внутривнутриполитических приоритетов усилила некоторые кризисные тенденции в развитии отдельных трендов в рамках английских идентичностных проектов. Иными словами, английские авторы снова заговорили на языке приближающегося Апокалипсиса, на этот раз не только религиозного, но – и политического.

MY GOD, MY KING...
РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ
XVII ВЕКА

В этой книге мы уже неоднократно констатировали, что одним из важнейших событий, которое определило политическую и культурную динамику развития Англии XVII века, была Английская Реформация, произошедшая в XVI веке. О значении Реформации мы писали выше, но в данном случае отмечу, что реформационные процессы привели к значительной политической активизации, политизации английского общества. Политизация была сложным и многоуровневым процессом, выражаясь, в частности, и в усилении королевской власти и в изменении политических перцепций английских политических элит.

Политические предпочтения элиты стали более политическими, связанными с национальными интересами Англии, что свидетельствовало о достаточно динамично протекающих процессах формирования английской политической нации, границы и пределы которой пока очерчивались границами политических и культурных элит, почти совпадая с ними. Реформация привела не только к политизации английской политической нации, которая политически демонстративно заговорила на английском языке – она начала использовать его в качестве языка литературного творчества.

С другой стороны, Реформация имела и значительные результаты сугубо религиозного плана. Перевод Библии на английский язык, начало ее относительно широкого распространения привели, вероятно, к своеобразной вторичной христианизации Англии: на этот раз религиозный выбор нередко носил сознательный характер, будучи выбором в пользу Англиканской Церкви как английской национальной религиозной институции. Появ-

ление английской Библии привело и к возникновению т.н. библейской культуры. Библия, библейские мотивы и сюжеты стали фундаментам особой литературной и политической культуры.

Библейские параллели широко использовались английскими авторами дыба подчеркнуть свое согласие или несогласие с проводимой в стране политикой. Библия, бывшая не просто настольной (но и вероятно единственной) книгой в домах многих англичан того времени была популярной, читаемой книгой, книгой внимательного чтения. Неудивительно, что библейские (и в более широком контексте – христианские образы) активно использовались в английской литературе. Английская литература XVII столетия была литературой доминирования библейских образов и сюжетов, когда английская политика была сферой политически окрашенной библейской рефлексии. Нередко эти две традиции, политическая и литературная, смыкались.

В такой ситуации литература становилась важным каналом трансляции тех или иных политических идей, сферой возникновения, конструирования и культивирования новых идентичностных проектов. В этом разделе мы попытаемся проанализировать, как переплетались религиозные и политические мотивы в поэзии английского автора первой половины XVII века Джорджа Херберта (1593 – 1633). О Джордже Херберте мы знаем немного: он учился в школе при Вэстминстере, а в 1612 и 1616 годах получил соответственно степени бакалавра и магистра в Тринити Колледже в Кэмбридже. По вероисповеданию Джордж Херберт принадлежал к Англиканской Церкви, а с 1626 года и до конца жизни служил диаконом в различных церквях – в Лэйтон Бромсволд (Хангтингдоншир), Вудворде (Эссэкс), Бемертоне (Вилтшир). Религиозное служение Херберт сочетал с поэзией, хотя при жизни его стихотворения не публиковались. Частью английской литературной традиции Джордж Херберт стал посмертно: его произведения были изданы в 1633 году Н. Ферраром в Кэмбридже.

Поэзия Джорджа Херберта развивается как диалог верующего с Богом:

But as I rav'd, and grew more fierce and wild
At every word,
Me thoughts I heard one calling, "Child";

And I replied, "My Lord" ...²⁵⁷

к которому обращается человек:

Teach me, my God and King,
In all things Thee to see,
And what I do in anything
To do it as for Thee...²⁵⁸

понимая, что ему отведена роль только вопрошающего, но не
господина собственной судьбы:

My God, I heard this day
That none doth build a stately habitation
But he that means to dwell therein.
What house more stately hath there been...²⁵⁹

Поэтический нарратив Джорджа Херберта содержит немало
религиозных мотивов и образов, среди которых образ идеального
священника:

Holiness on the head,
Light and perfections on the breast,
Harmonious bells below, raising the dead
To lead them unto life and rest:
Thus are true Aarons drest...
Unto a place where is no rest:
Poor priest, thus am I drest...
In him I am well drest.
Christ is my only head...
And be in him new-drest.
So, holy in my head,
Perfect and light in my dear breast,

²⁵⁷ Herbert G. The Collar / G. Herbert // Herbert G. The temple. Sacred poems and private ejaculations / G. Herbert / ed. N. Ferrar. – Cambridge, 1633.

²⁵⁸ Herbert G. The Elixir / G. Herbert // Herbert G. The temple. Sacred poems and private ejaculations / G. Herbert / ed. N. Ferrar. – Cambridge, 1633.

²⁵⁹ Herbert G. Man / G. Herbert // Herbert G. The temple. Sacred poems and private ejaculations / G. Herbert / ed. N. Ferrar. – Cambridge, 1633.

My doctrine tun'd by Christ (who is not dead,
But lives in me while I do rest),
Come people; Aaron's drest...²⁶⁰

который стремится быть не только добрым пастырем для верующих, для прихожан, но и сам соблюдает религиозные заповеди, полагая, что непременное качество священника не просто вера, но и доверие

I threaten'd to observe the strict decree
Of my dear God with all my power and might;
But I was told by one it could not be;
Yet I might trust in God to be my light...
Much troubled, till I heard a friend express
That all things were more ours by being His;
What Adam had, and forfeited for all,
Christ keepeth now, who cannot fail or fall...²⁶¹

как Церкви, так и Иисуса, как создателю Церкви. Джордж Херберт словно проводит прямую преемственность между Адамом, Христом и современными ему англичанами, стремясь доказать, что Англия является богоизбранной страной.

Аарон для англичан XVII века был персонажем, знакомым по тексту Библии. В Английской Библии, в частности, содержится следующий фрагмент: «...and thou shalt put in the breastplate of judgement the Urim and Thummim and they shall be upon Aaron's heart when he goeth in before the Lord...»²⁶². Джордж Херберт в приведенном выше тексте, где достаточно много слов с ярко выраженной религиозной экспрессией («Holiness», «bells», «Aarons drest», «Poor priest», «Christ», «holy»), создал образ героя в значительной степени фанатического, преданного делу религиозного служения, верящего в Христа, заражающего прихожан своим примером.

²⁶⁰ Herbert G. Aaron / G. Herbert // Herbert G. The temple. Sacred poems and private ejaculations / G. Herbert / ed. N. Ferrar. — Cambridge, 1633.

²⁶¹ Herbert G. The Hold-fast / G. Herbert // Herbert G. The temple. Sacred poems and private ejaculations / G. Herbert / ed. N. Ferrar. — Cambridge, 1633.

²⁶² Exodus 28:30

Священник Дж. Херберта – это в значительной степени идеальный образ – образ доброго пастыря. Наряду с образами священника в наследии Дж. Херберта присутствуют мотивы, связанные с идеальной церковью:

I joy, dear mother, when I view
Thy perfect lineaments, and hue
Both sweet and bright.
Beauty in thee takes up her place,
And dates her letters from thy face,
When she doth write...²⁶³

Дж. Херберт активно культивировал нарратив о пастырской роли англиканских священников, создавая почти идиллическую картину социальных и религиозных отношений в Англии

Shepherds are honest people; let them sing;
Riddle who list, for me, and pull for prime;
I envy no man's nightingale or spring;
Nor let them punish me with loss of rhyme,
Who plainly say, my God, my King...²⁶⁴

в рамках которых Англиканская Церковь не только заботится о душах верующих, но и выполняет функции посредников между государством и простыми верующими.

Вероятно, будучи англиканским священником, идеальной и единственно верной и правильной для Дж. Херберта была исключительно Англиканская Церковь, что свидетельствует о вероятном доминировании религиозных трендов в идентичности Дж. Херберта. Примечательно и само название стихотворения, где фигурирует слово «British», что свидетельствует о формировании новых тенденций в развитии английской идентичности:

But, dearest mother, what those miss,
The mean, thy praise and glory is

²⁶³ Herbert G. The British Church / G. Herbert // Herbert G. The temple. Sacred poems and private ejaculations / G. Herbert / ed. N. Ferrar. – Cambridge, 1633.

²⁶⁴ Herbert G. Jordan / G. Herbert // Herbert G. The temple. Sacred poems and private ejaculations / G. Herbert / ed. N. Ferrar. – Cambridge, 1633.

And long may be.
Blessed be God, whose love it was
To double-moat thee with his grace,
And none but thee...²⁶⁵

которая из собственно английской постепенно трансформируется в британскую. В этом контексте религиозный нарратив сочетался с политическим национализмом. В связи с этим показательно использование образа «dearest mother» в контексте трансформации английской Англии в Британию – Родину не только англичан, но и других политических наций. Другие стихотворения Дж. Херберта так же представляют в значительной степени религиозно маркированный нарратив:

When first thou didst entice to thee my heart,
I thought the service brave...
Such stars I counted mine: both heav'n and earth;
Paid me my wages in a world of mirth...
What pleasures could I want, whose King I serv'd...
Therefore my sudden soul caught at the place...
Sorrow was all my soul; I scarce believ'd,
Till grief did tell me roundly, that I liv'd...
Whereas my birth and spirit rather took
The way that takes the town;
Thou didst betray me to a ling'ring book...
Ah my dear God! though I am clean forgot,
Let me not love thee, if I love thee not...²⁶⁶

Поэтический нарратив Джорджа Херберта характеризуется значительным религиозным фанатизмом, о чем, в частности, свидетельствует образ поверженного и уничтоженного алтаря:

A broken ALTAR, Lord, thy servant rears,
Made of a heart and cemented with tears;
Whose parts are as thy hand did frame;
No workman's tool hath touch'd the same.
A HEART alone

²⁶⁵ Herbert G. The British Church...

²⁶⁶ Herbert G. The Affliction / G. Herbert // Herbert G. The temple. Sacred poems and private ejaculations / G. Herbert / ed. N. Ferrar. – Cambridge, 1633.

Is such a stone,
As nothing but
Thy pow'r doth cut.
Wherefore each part
Of my hard heart
Meets in this frame
To praise thy name.
That if I chance to hold my peace,
These stones to praise thee may not cease.
Oh, let thy blessed SACRIFICE be mine,
And sanctify this ALTAR to be thine...²⁶⁷

В этом контексте религиозный фанатизм перерастает в истовую веру, способность принести себя в жертву ради Церкви. С другой стороны, неясными остаются причины возникновения подобного мотива, который в большей степени был характерен для литературы предшествующего периода, когда многие англичане, в том числе и носители «высокой культуры» не были уверены относительно судеб и перспектив сохранения англиканской веры в Англии. Вероятно, корни культуры страха и уничтожения национальной церкви настолько укоренились в сознании англичан, что давали знать о себе и в период служения и литературной деятельности Джорджа Херберта.

Проанализированные выше тексты Джорджа Херберта демонстрируют несколько различных идентичностей, которые существовали в то время в Англии. Идентичность Дж. Херберта была английской, но в ней доминировали религиозные дискурсы в виду того, что политические тренды были не так ярко развиты. Религиозные компоненты подавляли политические. Идентичностные проекты того времени нередко развивались в условиях дихотомии «светское – религиозное», но и светские и религиозные тренды были английски маркированы.

В настоящее время может показаться, что Дж. Херберт был неким религиозным фанатиком и радикалом, и, поэтому, политическим маргиналом и аутсайдером, что, вероятно, было не совсем верно. Когда мы смотрим на те метаморфозы, которые переживала английская идентичность в XVII столетии, не следует забывать, что то было время почти полного доминирования религиоз-

²⁶⁷ Herbert G. The Altar / G. Herbert // Herbert G. The temple. Sacred poems and private ejaculations / G. Herbert / ed. N. Ferrar. – Cambridge, 1633.

ного дискурса. Английское общество отличалось значительной степенью религиозности, развиваясь по инерции унаследованной еще от периода Реформации.

Но когда мы читаем тексты Дж. Херберта и его современников, то, вероятно, не следует вовсе выставлять их за пределы политического светского дискурса. И хотя в произведениях Херберта очевидно просматривается религиозная доминанта, влияние некоторых светских мотивов все же присутствует. В частности, это относится к нарративам, связанным с английской политической нацией, трансформацией английской идентичности в контексте нового для того времени британского проекта.

Хотя среди английских авторов того времени Херберт был не единственным, кто столь активно и широко оперировал религиозными образами. Вероятно, религиозные нарративы стали той сферой, которая использовалась для выражения своего несогласия и оппозиционности. В рамках этого оппозиционного дискурса, представленного несколькими альтернативными проектами политической идентичности, складывались предпосылки для их будущей институционализации.

Вспомним год смерти Джорджа Херберта: он не дожил семь лет до начала Английской Революции, когда, подобные ему религиозные фанатики, которые до этого в глаза некоторых носителей высокой культуры, которые были близки к Чарльзу Первому, выглядели бесспорными политическими маргиналами и аутсайдерами, попытались реализовать новые идентичностные проекты.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ НАЦИЯ: ДИСКУРСЫ РАЗВИТИЯ АНГЛИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В 1640-Е ГОДЫ

В очерке «Оппозиционная и недовольная нация: дискурсы развития политической английской идентичности в 1600 – 1630-е годы» речь шла о росте оппозиционности и некоторых предпосылках, которые привели к началу Английской революции. Революции в Англии посвящена огромная литература и в задачу автора не входит подробный анализ событий, которые на том этапе имели место. Более того, в общественном, политическом и научном дискурсе Англии практически никогда не было единства мнений относительно характера политических процессов в стране между 1640 и 1660 годами.

В различное время события интерпретировались в категориях мятежа или бунта, религиозной или социальной революции²⁶⁸. С другой стороны, почти ни у кого из писавших на эту тему не было сомнения в том, что революция стала одним из центральных событий национальной истории, которое оказало значительное влияние на развитие политической идентичности и английского национализма.

²⁶⁸ См.: Aylmer G. Rebellion or Revolution? England 1640 – 1660 / G. Aylmer. – L., 1986; The English Revolution, 1600 – 1660 / ed. E. Ives. – L., 1968; Radical Religion and the English revolution / ed. J.F. McGregor, B. Reay. – Oxford, 1984; Manning B. The English People and the English Revolution / B. Manning. – L., 1976; Pocock J. Three English Revolutions: 1641, 1688, 1776 / J. Pocock. – Cambridge, 1957; Richardson R.C. The Debate on English Revolution / R.C. Richardson. – L., 1977; Social Change and Revolution, 1540 – 1640 / ed. L. Stone. – L., 1965.

В ходе революции²⁶⁹, точнее – на ее раннем этапе, произошло сближение светского и религиозного оппозиционных трендов, о чем свидетельствует «Петиция о корне и ветвях» – первый политический текст начинавшейся революции. Авторы Петиции настаивали на недопустимости использования религиозной риторики в политической сфере, в частности – в доказательстве прав собственности и права взимания налогов. Речь шла о злоупотреблениях со стороны духовенства Англиканской Церкви: «...все эти лица до этого утверждали, что их власть является результатом человеческого установления, но в последнее время... они стали утверждать, что их власть проистекает непосредственно от Господа Иисуса Христа... что противоречит законам нашего королевства...»²⁷⁰.

Стремясь усилить свои слова, представители оппозиции ссылались на Христа, что свидетельствует о мощном религиозном дискурсе, который до этого развивался в рамках политической оппозиции. И действительно, в документах периода революции религиозная риторика не была редкостью. Противники короля констатировали, что «...издаются тучи развратных, пустых и совершенно бесполезных памфлетов и книг, пьес и песней... где поносятся религия... всяческие пороки увеличиваются, отвлекая людей от чтения, изучения и внимания Слову Божьему и других добрых книг...»²⁷¹. Комментируя многочисленные религиозные

²⁶⁹ Автор не останавливается на фактах и исторической конкретике. Событийной стороне Английской революции посвящена обширная литература, в том числе – и на русском языке. См.: Кареев Н. Две английские революции XVII века / Н. Кареев. – М., 2002; Савин А.Н. Лекции по истории английской революции / А.Н. Савин. – М., 2000 (два исследования, которые демонстрируют дореволюционный, преимущественно – событийный, дискурс описания революции); Кудрявцев А.Е. Великая английская революция / А.Е. Кудрявцев. – Л., 1925 (книга, занимающая в значительной степени промежуточное положение между российской и советской традицией изучения Английской революции); Лавровский В.М., Барг М.А. Английская буржуазная революция / В.М. Лавровский, М.А. Барг. – М., 1958; Английская буржуазная революция XVII века / ред. Е.А. Косминский, Я.А. Левицкий. – М., 1954. – Т. 1 – 2 (классические исследования советского периода, где революция интерпретируется преимущественно с социально-экономических позиций).

²⁷⁰ Rushworth J. The Historical Collections. – Vol. VII. – P. 247.

²⁷¹ Rushworth J. The Historical Collections. – Vol. VII. – P. 249.

пассажи в текстах революционного периода, Джэралд Эйлмер полагает, что многие участники революции ставили не первое место именно религию, полагая, что она (революция) станет «правым крестовым походом в защиту того, что они называли богоугодной реформацией против папистского Антихриста»²⁷².

Сторонники оппозиции как носители альтернативной политической идентичности, которой не было место в рамках политического и культурного ландшафта в более ранний период, обрушили свою критику на сферу доминирования официального культурного и политического дискурса. В уже упомянутой «Петиции о корне и ветвях» сторонники короля и Англиканской Церкви представляли в категориях явно заимствованных из текста Библии («...среди священников заметен рост людей ленивых, развратных и распущенных... которые, подобно саранче египетской, охватили все королевство...»²⁷³), и такое противопоставление вовсе не было случайным.

Используя негативные образы для описания своих противников, сторонники парламента формировали свой позитивный имидж, настаивая на том, что именно они являются носителями традиций верного и правильного христианства и, поэтому, в праве определять политическую динамику в Англии. Сторонники короля обвинялись в том, что отошли от заветов ранних английских монархов, отказавшись от проведения Реформации и способствуя восстановлению католицизма: «...публикуются папистские и другие вредные книги... распространяется папизм, растет число самих папистов, а так же их священников и иезуитов по разным местам Королевства, особенно – в окрестностях Лондона...»²⁷⁴.

С другой стороны, именно католики были объявлены виновными в обострении внутренней ситуации, в «подготовке войны между королевствами Англией и Шотландией»²⁷⁵. В «Великой ремонстрации» (1 декабря 1641 года) католики были обвинены в подготовке мятежа с целью восстановления Католической Церкви и «ниспровержения нашей религии, чего они так страстно жаждут»²⁷⁶. Именно католикам приписали поражение английского флота под Рошелью и подавление протестантского движения во

²⁷² Эйлмер Дж. Восстание или революция... – С. 35.

²⁷³ Rushworth J. The Historical Collections. – Vol. VII. – P. 250.

²⁷⁴ Rushworth J. The Historical Collections. – Vol. VII. – P. 250.

²⁷⁵ Rushworth J. The Historical Collections. – Vol. VII. – P. 438.

²⁷⁶ Rushworth J. The Historical Collections. – Vol. VII. – P. 443.

Франции²⁷⁷. Обращение к католицизму как явно негативному образу способствовало тому, что постепенно абстрактные антикатолические идеи, как бывало до этого, трансформируются в более конкретные антииспанские и антифранцузские настроения.

В период первой гражданской войны²⁷⁸ политическая программа оппозиции стала более националистической и сконцентрированной почти исключительно на внутренних проблемах. 1 февраля 1643 года король получил предложения парламента, где содержались весьма радикальные для того времени предложения (противники короля, в частности, настаивали на утверждении королем билля об устранении и исключении из Англиканской Церкви всех лиц, связанных с католиками; билля об отстранении священников, которые ведут несправедливый образ жизни; билля о созыве совещания теологов; билля о правах и привилегиях парламента²⁷⁹), реализация которых могла существенно изменить характер английского государства, приблизив его к национальному, но с сильными религиозными традициями и основаниями.

Поняв, что король может постепенно потерять контроль над политическим дискурсом, его противники активизировали поиск союзников, для чего заключили Торжественную Лигу и Ковенант Англии с Шотландией и Ирландией. В тексте соглашения замечен значительный религиозный нарратив («...радея о Славе Божьей, распространении Царства Бога Отца и Спасителя Иисуса Христа... мы будем прилагать усилия к охране протестантской религии от врагов... мы будем стремиться привести Церкви Божьей трех королевств к тесному союзу...»²⁸⁰) в сочетании с национальной риторикой («...мы лорды, бароны, рыцари, джентльмены, жители больших и малых городов, священники и простой народ Королевства Англии, Шотландии и Ирландии...»²⁸¹).

Национальный нарратив присутствует и в других текстах, относящихся к деятельности Ковенанта. В частности, в феврале 1644 года в одном из документов декларировалось, что Англия и

²⁷⁷ Rushworth J. The Historical Collections. — Vol. VII. — P. 443.

²⁷⁸ Автор останавливается на событийной стороне гражданских войн в Англии. См.: Fletcher A. The Outbreak of the English Civil War / A. Fletcher. — L., 1981; The Origins of the English Civil War / ed. C. Russell. — L., 1973; Reactions to the English Civil War / ed. J.S. Morrill. — L., 1982.

²⁷⁹ Rushworth J. The Historical Collections. — Vol. V. — P. 165.

²⁸⁰ Rushworth J. The Historical Collections. — Vol. V. — P. 478.

²⁸¹ Rushworth J. The Historical Collections. — Vol. V. — P. 478.

Шотландия в «борьбе против врагов религии и свобод» действуют как «нации»²⁸². В данном контексте «нации», вероятно, придавалось значение политического сообщества в целом. Национальная риторика активно использовалась английскими политиками (умеренными и радикальными, светскими и пуританскими) во второй половине 1640-х годов.

Радикалы предлагали сугубо политическое прочтение всего «национального», основанного на идеях светского государства и гражданства. В частности Джон Лилбёрн в одном из памфлетов писал о себе как о «свободнорожденном англичанине»²⁸³. С другой стороны, понятие «нация» трактовалось им несколько шире, чем умеренными политиками. В связи с этим он писал, что «...пока народный суверенитет, проявлением которого является парламент, пребывает в плену у нормандской прерогативы короля, я не ожидаю прав и свобод этой нации...»²⁸⁴.

В этом контексте заметна определенная историческая рефлексия, упоминание нормандского завоевания 1066 года и косвенное уподобление противников короля завоеванным англосаксам. Подобная историческая реминисценция подчеркивает, что идея нации, хотя и имела почти исключительно политический характер, тем не менее, этническая компонента (пока очень фрагментарно и поверхностно) начинает так же проникать в политический дискурс. Джон Лилбёрн, хотя и представлял радикальный спектр, в Англии второй половины 1640-х годов нашлись и большие радикалы чем он.

В частности, Р. Овертон в своем «Воззвании» предложил наиболее радикальное для того времени прочтение нации, как политической и социальной общности, утверждая, что «...любая власть лишь доверена по общему и взаимному согласию... каждый человек наделен правами... каждое лицо должно пользоваться своей свободой... все титулы должны быть отменены, уничтожены и объявлены недействительными...»²⁸⁵. Овертон придерживался явно не элитистского подхода к нации, что существенно

²⁸² Комитет двух королевств, 7 февраля 1644 года // Сборник документов по истории английской буржуазной революции... — С. 162.

²⁸³ Lilburne I. An Anatomy of Lord's Tyranny / I. Lilburne. — L., 1646. — P. 4.

²⁸⁴ Lilburne I. The Justman's Justification / I. Lilburne. — L., 1646. — P. 11 — 12.

²⁸⁵ Overton R. An Appeale / R. Overton. — L., 1647. — P. 25.

отличало его от предшественников. С другой стороны, его концепт отличался значительным радикализмом, что делало его маргиналом, принимая во внимание то, что Англия не была тогда еще готова к столь радикальным политическим переменам. Поэтому, еще не одно десятилетие последующей английской истории было отмечено доминированием именно элитистской концепции политической нации.

С середины 1640-х годов Палата Общин от имени нации предприняла шаги, направленные на преследование сторонников короля и противников парламента. Одной из первых жертв стал Вилльям Лод – архиепископ Кэнтэрбэри. В январе 1645 года его обвинили в национальной измене, за что он и был осужден. Вилльяму Лоду приписывали попытки «...низвергнуть основные законы Английского Королевства... ввести тираническое правление... низвергнуть истинную религию... и вместо нее ввести суеверия и поклонение идолам... возбудить гнев против парламента...»²⁸⁶.

Обвинения, среди которых мы видим пункты политического и религиозного плана, свидетельствуют о консолидации противников монархии. Фундаментом для консолидации в данном случае послужили, вероятно, именно политические предпочтения. Политические предложения получил и 14 июля 1646 года король Чарлз, переданный к тому времени шотландцами парламенту. От короля требовалось подписать Лигу и Ковенант и завершить Реформацию Церкви, изгнав всех католиков за пределы Англии. Кроме этого король должен был потерять контроль над армией и фактически стать подотчетным парламенту²⁸⁷.

Таким образом, противники короля, сохраняя монархию, пытались приблизить Англию в той национальной модели развития, которая активно обсуждалась ими раньше и в период гражданской войны. Принятие предложений парламента королем означало бы появление в Англии элементов национального государства. В ответ на предложения парламента Чарлз написал три ответа²⁸⁸, в которых пытался сохранить за собой максимум политических полномочий и прав по управлению Англией. Но вскоре Чарлз

²⁸⁶ См. подробнее: Сборник документов по истории английской буржуазной революции... – С. 168 – 169.

²⁸⁷ Rushworth J. The Historical Collections. – Vol. VI. – P. 209.

²⁸⁸ Текст всех трех ответов доступен на русском языке. См.: Сборник документов по истории английской буржуазной революции... – С. 179 – 182.

бежал и начал собирать новые войска – в Англии началась вторая гражданская война. В ответ на антипарламентские действия короля парламент предпринял попытку вообще выставить его за пределы политического поля, лишив возможности влиять на ход событий. 17 января 1648 года парламент запретил без своего разрешения поддерживать какие бы то ни было контакты с королем²⁸⁹.

Постепенно среди противников короля возобладало радикальное течение, которое добилось создания в январе 1649 года суда, деятельность которого была направлена на расследование политики Чарлза Стюарта в отношении парламента и других своих оппонентов²⁹⁰. Чарлзу инкриминировалось злоупотребление королевской властью и нарушение прав английской нации, что выразилось в «начале войны против Королевства»²⁹¹. В Ордонансе об учреждении суда сообщалось, что «...не довольствуясь многими нарушениями прав и свободы, совершенных его предшественниками, обрел преступное намерение вообще упразднить старинные законы и вольности... и ввести управление произвола и тирании...»²⁹².

В период суда над Чарлзом было обнародовано «Народное соглашение» (15 января 1649 года), в котором декларировалось, что победа оппозиции является не случайностью, а результатом Божественного промысла: «...продемонстрировав своей деятельностью всему миру, как дорого мы ценим нашу свободу, и имея Господа за собой, который признал дело нашей свободы своим... отдал в руки наши врагов...»²⁹³. В тексте «Народного соглашения» религиозные нарративы занимают не последнее место. В частности «Соглашение» содержит ряд пространных заявлений относительно религиозных дел: «...целью должно быть, чтобы христианская вера была государственной исповеданием в нашей стране... мы хотели, чтобы с Божьей помощью она была реформирована ради достижения чистоты в богослужении... чтобы народ утверждался в вере при помощи государства...»²⁹⁴.

²⁸⁹ Сборник документов по истории английской буржуазной революции... – С. 221.

²⁹⁰ См.: Wedgwood C. The Trial of Charles I / C. Wedgwood. – L., 1964.

²⁹¹ Parliamentary History. – Vol. XVIII. – P. 489.

²⁹² Parliamentary History. – Vol. XVIII. – P. 489.

²⁹³ Parliamentary History. – Vol. XVIII. – P. 519.

²⁹⁴ Parliamentary History. – Vol. XVIII. – P. 519.

В тексте декларировалось, что события, приведшие к гражданским войнам, стали не просто борьбой между сторонниками короля и его противниками, но продолжением Реформации – борьбой за правильную и истинную Церковь. Новая Англия, которая планировалась авторами «Соглашения», должна была быть государством с мощным религиозным базисом и, поэтому, преимущественно религиозной идентичностью. Оценивая результаты борьбы в религиозных категориях, английские политики стремились подчеркнуть, что возможные действия сторонников монархии, направленные против них, окажутся незаконными и нелегитимными, так как автоматически будут означать выступление против Божественного провидения.

С другой стороны, участники революции стремились закрепить ее результаты, что выразилось в декларировании необходимости созыва парламента не реже двух раз в год. Кроме этого акцентировалось, что парламент, представляя интересы английской нации в целом, должен состоять из «прирожденных Англичан или тех, кто принял подданство Англии»²⁹⁵. Подобный нарратив подчеркивает, что в Англии шел (хотя и медленный) процесс национальной консолидации, который в одинаковой степени развивался на этнических и политических основаниях. Вероятно, последние играли роль определяющего фактора в национальной консолидации.

Спустя пять дней после обнародования «Народного соглашения» Чарлзу были предъявлены обвинения. Королю приписывалось то, что в результате «преступных намерений» он стремился установить в Англии «тираническую власть» для чего и начал «преступную и изменническую войну против парламента и нации»²⁹⁶. Получив 21 января 1649 года обвинения, Чарлз не признал и отверг их, сославшись на то, что суд над ним не соответствует «божественным законам»²⁹⁷. Спустя шесть дней парламент вынес приговор Чарлзу: он был признан виновным в развязывании войны против парламента и в государственной измене. Поэтому, Чарлз был приговорен к «смерти путем отсечения головы от туловища»²⁹⁸. Британский историк Дж. Эйлмэр полагает, что

²⁹⁵ Parliamentary History. – Vol. XVIII. – P. 519.

²⁹⁶ Rushworth J. The Historical Collections. – Vol. VII. – P. 139.

²⁹⁷ О реакции короля на обвинения см.: См.: Сборник документов по истории английской буржуазной революции... – С. 230 – 232.

²⁹⁸ Rushworth J. The Historical Collections. – Vol. VII. – P. 1420.

далеко не все участники революции выступали за столь решительные действия. Подобной точки зрения придерживались радикалы, которые, по его словам, были «пропитаны духом мести от слишком упорного чтения Ветхого Завета»²⁹⁹. На фактор чтения религиозной литературы (Нового Завета) указывает и Кр. Хилл³⁰⁰.

Вероятно, именно события английской революции стали центральным и поворотным моментом в формировании английской политической идентичности. Если до этого альтернативные идентичности были именно альтернативными, развиваясь как маргинальные и внесистемные проекты, которые почти не имели шансов на реализацию, события революции привели к их институционализации. События революции могут быть интерпретированы как акт рождения английской политической нации.

Национальные идеи в работах английских авторов периода Революции XVII века были уже очевидны, но не они были главными, уступая религиозным. Вместе с тем, именно они подготовили тот расцвет раннего, не совсем оформившегося, английского национализма, который можно наблюдать в дальнейших событиях. Английская революция, хотя и не была национальной, стала тем фактором, который в наибольшей степени способствовал окончательному оформлению английской нации и возникновению в Англии первых элементов националистических идеологий и движений. Хотя следует принимать во внимание и то, что в годы революции англичане еще мыслили религиозными, а не национальными категориями.

С другой стороны, эта новая политическая идентичность существовала с другими альтернативными идентичностными проектами – радикальной пуританской идентичностью на мощном религиозном базисе и идентичности, которая базировалась на лояльности и преданности фигуре монарха. Но 30 января 1649

²⁹⁹ Эйлмер Дж. Восстание или революция... – С. 98.

³⁰⁰ В своем фундаментальном исследовании «Английская Библия и революция XVII века» Кр. Хилл пишет: «...многие библейские цитаты казались англичанам имеющими отношение к XVI и XVII векам. “Низложу, низложу, низложу”, – говорил пророк Иеремия, а Новый Завет побуждал их думать о всеобщем равенстве...». См.: Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века / Кр. Хилл. – М., 1998. – С. 23. Хотя в дальнейшем Кр. Хилл признавал, что «Новый Завет представлял меньше возможностей для политических комментариев» – Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII век. – С. 81.

года король Чарлз был казнен. В Англии возникли условия и предпосылки для еще большей и глубокой трансформации идентичности в рамках республиканского или религиозного, пуританского, политических проектов.

АНГЛИЙСКОЕ БЕЗУМИЕ: МАРГИНАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТНЫЕ ДИСКУРСЫ ЭПОХИ «ВЕЛИКОГО МЯТЕЖА»

Английская Реформация и перевод Библии на английский язык стали важными факторами, которые оказали значительное стимулирующее воздействие, на политические процессы и социальные перемены в Англии, приведя и к Английской Революции XVII века. Революция была не просто политическим и экономическим процессом – английская революция имела и важные религиозные составляющие. Вероятно, и Реформация и Революция самым значительным образом повлияли на жизнь ни одного поколения англичан, живших в XVI и XVII столетиях.

Для многих англичан и революционные и реформационные изменения были переменами, которые означали разрушение естественного порядка вещей. Добавим к этому и преимущественно религиозное самосознание значительной части англичан, их воспитание и социализацию в условиях безраздельного и однозначного доминирования библейской культуры. Вероятно, мы можем рассматривать и реформацию и Революцию в категориях модернизационных процессов, которые вели к ослаблению традиционного общества.

Носители традиционной культуры весьма болезненно переносят ранние проявления модернизации – религиозной в форме реформации или политической в виде открытого протеста, политического мятежа. Не исключено, что для некоторой части англичан и Реформация и Революция стали тяжелыми психологическими травмами. Будучи не в состоянии принять и понять новое, такие люди столкнулись с многочисленными проблемами и трудностями, среди которых были и преследования со стороны властей.

Англия XVII века, в период после начала Революции, оказалась буквально охваченной различными политическими, социальными и религиозными движениями. В ранней научной литературе подобные движения нередко интерпретировались как преимущественно социальные, возникшие в силу экономических причин, в результате обострения классовой борьбы. Социальные и экономические факторы в генезисе и активизации движений подобного плана, конечно, играли свою роль, но в данном случае, вероятно, не следует все сводить исключительно к экономике.

Основой таких движений были простые англичане XVII столетия: некоторые из них были грамотны, могли писать и читать, читали Библию, другие писать и читать не умели, но были вынуждены довольствоваться только тем, что могли слушать библейские тексты, читаемые более грамотными современниками. Эти люди жили в условиях доминирования все еще достаточно устойчивого традиционного общества. Они объективно не могли осознать и принять революционные изменения в силу элементарной неподготовленности. Как человек, знакомый, например, с библейскими образами рабства египетского, знакомый с образами саранчи будет воспринимать политические процессы революционной поры – гражданские войны, вторжение шотландцев, казнь короля...

Революция стала временем не только политической нестабильности. Традиционно революционные потрясения становятся периодами, когда более заметны люди с девиантным поведением. Революция – фактор, стимулирующий не только политические и социальные перемены, но и число самоубийств и душевых заболеваний и расстройств. Вероятно, не случайно и то, что именно XVII век имеет принципиальное значение для развития английской медицины, в частности – психиатрии.

Английские врачи того времени, вероятно, имели дело далеко не с самыми простыми пациентами. С другой стороны, им не приходило в голову связывать безумие с проявлениями религиозного исступления. Известный французский философ Мишель Фуко полагал, что большинство английских медиков того времени склонялись к объяснению расстройств психики природными и географическими факторами: «вечный холод и сырость, неустойчивая погода приводят к тому, что крошечные капельки воды,

проникая во все жилы и фибры тела, делают человека хилым и предрасположенным к безумию»³⁰¹.

Революция и гражданские войны выбросили на улицы английских городов и сельские дороги немало людей, которым не нашлось места. Отсюда – многочисленные религиозные и социальные движения. Будет заблуждением полагать, что английские власти периода республики не предпринимали никаких мер против этих несчастных³⁰². К их услугам были и тюрьмы, и принудительные тяжелые работы, и хотя уже в 1575 году королева Елизавета распорядилась построить в каждом графстве «houses of correction», эта мера, вероятно, так и не была реализована. Поэтому, несчастных очевидно не лечили, а относились к ним как к преступникам, отправляя в тюрьмы. Среди политических противников Республики и религиозных диссидентов было, вероятно, и некоторое количество людей, страдающих психическими заболеваниями и расстройствами. Нередко английские душевнобольные XVII столетия выступали в роли религиозных проповедников, создателей новых сект и учений.

Среди таких был, вероятно, и Джордж Фокс (1624 – 1691)³⁰³, о текстах, приписываемых которому, об их различных идентичностных дискурсах пойдет речь в настоящем разделе. Джордж Фокс был одним из многочисленных религиозных проповедников, наводнивших Англию XVII века.

Но Джордж Фокс был особенным человеком. В чем это проявлялось?

Во-первых, Фокса периодически посещали различные, преимущественно – религиозные, видения, о которых он начал про-

³⁰¹ См. подробнее: Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – СПб., 1998. – С. 33.

³⁰² См. подробнее: Leonard E.M. The Early Story of English Poor Relief / E.M. Leonard. – Cambridge, 1900; O'Donoghue E.G. The Story of Bethlehem Hospital / E.G. O'Donoghue. – NY., 1915.

³⁰³ В этом разделе автор не планирует останавливаться подробно на жизни и деятельности Дж. Фокса. Об этом см.: Павлова Т.А. Джордж Фокс и движение квакеров / Т.А. Павлова // Говорит сам Джордж Фокс. Тексты, раскрывающие его личность (многие публикуются впервые) / сост. Х. Мак-Грегор Росс / пер. и ред. Т.А. Павлова. – М. 2000. Русское издание вышло под эгидой ИВИ РАН. Первое английское издание вышло в 1991 году. См.: Gorge Fox Speaks for Himself. Texts that reveal his personality – many hitherto unpublished / ed. H. McGregor Ross. – York, 1991.

поведовать в 1647 году³⁰⁴. Во-вторых, он испытывал немалые трудности при письме, хотя, вероятно, умел читать. Не исключено, что Фокс страдал одной из форм дислексии³⁰⁵. Поэтому, Фокс предпочитал диктовать тексты свои последователям. По разным подсчетам, в настоящее время известно около пяти тысяч текстов³⁰⁶, приписываемых Дж. Фоксу.

В-третьих, в глазах властей и сам Джордж Фокс и его сторонники, получившие название квакеров³⁰⁷, выглядели явными маргиналами. Трясущиеся во время своих молитвенных собраний и смущающие народ рассказами о видениях, не исключено, что, в глазах образованных современников, квакеры выглядели как не совсем здоровые люди³⁰⁸, но в виду того, что организованная ме-

³⁰⁴ О событиях того времени см. разделы «Революционная нация: дискурсы развития английской идентичности в 1640-е годы» и «Республиканская нация: метаморфозы политической идентичности в конце 1640-х – 1650-е годы» настоящей книги.

³⁰⁵ Один из современных исследователей и популяризаторов квакерства Хью Мак-Грегор Росс в связи с этим подчеркивает, что Дж. Фокс «едва ли писал что-либо сам». См.: Говорит сам Джордж Фокс... – С. 19.

³⁰⁶ Говорит сам Джордж Фокс... – С. 19.

³⁰⁷ О квакерах см.: Yagodovsky A. Orthodoxy and the Teachings of the Early Quakers: Some Common Ground / A. Yagodovsky // Religion, State and Society. – 1994. – Vol. XXII. – No 4. – P. 391 – 395; Павлова Т.А. Конфессиональные особенности квакерского движения в XVII веке / Т.А. Павлова // Европейский Альманах. – М., 2000. – С. 34 – 48.

³⁰⁸ Проблема возможного безумия Дж. Фокса интересует нас исключительно в контексте представленного им идентичностного дискурса. Автор не ставит перед собой особой цели написания история безумия и восприятия безумия в различных интеллектуальных традициях, существовавших в Англии. Эта цель слишком амбициозна и значительна – она заслуживает того, чтобы стать предметом отдельного исследования. В данном случае сошлюсь на уже упомянуто М. Фуко: «...написать историю безумия – это значит создать структурное исследование некоего исторического конгломерата, куда входят представления, институты, юридические и полицейские установления, научные знания – безумие находится у них в плену и никогда не предстает перед нами в своем истинном виде; поскольку этот его изначально чистый образ недоступен, в исследовательском решении должны быть одновременно связаны и разделены разум и

дицинская (в том числе – и психиатрическая) помощь находилась в зачаточном состоянии, они преследовались и подвергались тюремному заключению и различным наказаниям.

Иными словами, живи Джордж Фокс в наши дни он, вероятно, тоже выглядел бы маргиналом, но нашел бы приют не в тюрьме, а в психиатрической лечебнице³⁰⁹. С другой стороны, живи он двумя – тремя столетиями раньше, Джордж Фокс вполне при своих идеях и той настойчивостью, с которой он их стремился выражать, мог закончить на костре инквизиции. Процент лиц, страдающих теми или иными психическими заболеваниями, в каждом обществе традиционно невелик, но такие люди составляют его неотъемлемую часть, будучи носителями особых идентичностей, о которых речь и пойдет в настоящем разделе.

Прежде, чем непосредственно обратиться к анализу текстов Джорджа Фокса, следует сделать несколько вводных замечаний. В английской литературе, особенно – в квакерской традиции, вокруг имени Дж. Фокса сложился некий ореол славы и мученичества за идеи религиозной свободы³¹⁰. Фигура Дж. Фокса нередко идеализируется и в отечественном научном дискурсе. В частности, Т.А. Павлова полагает, что значение деятельности Дж. Фокса состоит не только в создании Общества Друзей, но и в том, что наследие Фокса представляет собой «...великолепный образец христианской духовной литературы, глубокой, искренней, горячей и чистой, сравнимой с лучшими образцами писаний религи-

безумие...». Foucault M. *Histoire de la folie a l'age classique* / M. Foucault. – Paris, 1961. – P. VII.

³⁰⁹ Похожее предположение мы находим и в исследовании итальянского историка Карло Гинзбурга «Сыр и черви», посвященном проблемам народной культуры в позднесредневековой Италии на примере «казуса» Меноккио, известного как Доменико Сканделла, который дважды привлекался к суду инквизиции и после второго процесса был сожжен. К. Гинзбург, в частности, пишет, что «век или полтора века спустя Меноккио скорее всего оказался бы в сумасшедшем доме с диагнозом “религиозный бред”». Гинзбург К. *Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке* / К. Гинзбург. – М., 2000. – С. 63.

³¹⁰ Библиография работ, посвященных Дж. Фоксу и квакерам доступна в публикации 1995 года, подготовленной Х. Инглом. См.: Ingle H.L. *First Among Friends. George Fox and the Creation of Quakerism* / H.L. Ingle. – NY – Oxford, 1994.

озных мыслителей и проповедников всех времен и конфессий...»³¹¹.

Обратимся непосредственно к текстам Джорджа Фокса.

Фокс нередко оценивал английскую действительность с исключительно религиозных позиций. Вероятно, знакомый с некоторыми текстами Библии, Джордж Фокс проецировал библейские образы на Англию, осознавая революцию не как политическое явление, а как форму религиозного очищения и освобождения: «...ныне светит Господний вечный свет, и вечная жизнь и сила сияют надо всем миром, и это отвечает тому, что есть от Бога в каждом. Ныне Господь выводит своих агнцев и своих овец из пасти зверя и из пасти льва, и из пасти волка, и волк, и лев, и зверь станут страдать от голода. Ныне Господь выводит агнцев своих и своих овец из пасти зверя, и дракона, и ложного пророка, которые поглотили их и сделали из них добычу, и ошипали шерсть со спин тех, кто бежал от них, и искромсали их плоть на маленькие кусочки, будто для котла. Ныне же великая блудница, ложная церковь, теряет своих детей...»³¹². В приведенном выше фрагменте сокрыто не только религиозное содержание: духовные тренды сочетаются с политическими. За религиозными образами, вероятно, просматриваются политические мотивы. «Пасти», о которых говорил Дж. Фокс, это, вероятно, республика и протекторат, которые подвергали преследованиям квакеров за их радикализм.

Среди нарративных источников Дж. Фокса, которые в наибольшей степени пригодны и интересны для анализа³¹³, особое место занимают те, что связаны с Богом. В частности, Дж. Фокс полагал, что «...Бон неизменен... уста Господа говорят внятно, и

³¹¹ Павлова Т.А. Джордж Фокс и движение квакеров. – С. 15.

³¹² Говорит сам Джордж Фокс... – С. 60.

³¹³ В научной литературе уже неоднократно высказывалось мнение, что «...изучение письменной речи больных во многих случаях бывает полезно... письменная речь, в отличие от разговорной, обладает семантико-синтаксической полнотой и завершенностью, что позволяет создать более полные и точные представления об отдельных аспектах переживаний...» (См. подробнее: Психиатрия. Учебное пособие / ред. В.П. Самохвалов. – РнД., 2002. – С. 62). С другой стороны, тексты Дж. Фокса несут в себе значительные элементы характерные в большей степени для устной речи, что было вызвано принадлежностью основоположника квакерства к «низкой», народной, культуре.

Бог превозносится и славится своим собственным делом, которое он творит... Бог всемогущий будет с вами на всех ваших собраниях...»³¹⁴. С другой стороны, отношение Дж. Фокса к Богу глубоко традиционно: «...Бог – это тот, кто одевает землю растительностью и травами, заставляет деревья расти и приносить для нас пищу, он заставляет рыб дышать и жить, а птиц небесных плодиться... Бог заставляет звезды всходить в ночи, чтобы давать нам свет...»³¹⁵.

Подобным образом Дж. Фокс оценивал и Небеса и землю, полагая, что «...небеса – его престол, небеса небес не способны вместить его. И земля – его подножие, того, кто наполняет небо и землю, кто пребывает во всем, проникает во все и поверх всего – Бог, благословенный вовеки...»³¹⁶. Это неудивительно: Фокс был носителем «низкой культуры»³¹⁷ и в период социализации вероятно воспринял архаичные, почти крестьянские, сугубо традиционные представления о Боге, которые отличаются и значительным буквализмом, буквальным восприятием тех религиозных текстов, которые Фокс имел возможность слушать сам и позднее пересказывать их содержание другим.

В данном контексте следует сделать теоретическое отступление, касающееся проблем «народной» или «низкой» культуры. В исследовательской литературе относительно этого явления высказываются различные точки зрения. В 1964 году французский исследователь Р. Мандру указывал на необходимость четкого разграничения понятий «народная культура» и «массовая культура». Под «народной культурой» нередко понимают «культуру, которая создается народом». Сам Р. Мандру эту дефиницию относительно французского исторического контекста в значитель-

³¹⁴ Публикация текстов Дж. Фокса «Several Letters written to the Saints of the Most High» цит. по: Говорит сам Джордж Фокс... – С. 29.

³¹⁵ Говорит сам Джордж Фокс... – С. 37.

³¹⁶ Говорит сам Джордж Фокс... – С. 46.

³¹⁷ Джордж Фокс о себе сообщал следующее: «...я родился в месяц, называемый июлем, 1624 году, в Дрейтон ин зе Клей, в Лестершире. Имя моего отца было Кристофер Фокс; по профессии он был ткачом, честным человеком; и в нем было семя Божие. Соседи звали его Праведный Кристер. Мать моя была благочестивой женщиной; ее девичье имя было Мэри Лэйго, из семьи Лэйго и из рода мучеников...». См.: Говорит сам Джордж Фокс... – С. 140.

ной степени конкретизировал, писав, что «...под культурой народных масс старорежимной Франции мы понимаем... культуру воспринятую, ассимилированную, переработанную этими массами в течение долгого времени...»³¹⁸.

Представления Дж. Фокса о Боге были, как видим, весьма отрывочны и лишены системности. Не исключено, что именно столь вольное толкование образа Бога было одной из причин преследования Дж. Фокса и его сторонников со стороны властей. С другой стороны, власти имели и другой, более веский, повод для преследования Дж. Фокса, который, по их мнению, отрицал их легитимность и право подвергать преследованиям диссидентов, несогласных с религиозной политикой: «...ожидайте все, вы, пленные, заключенные в тюрьму... пока вечная сила Божия не поднимет Вас... но каждый ждите в чистоте, чтобы вас привело к Богу и тогда... источники сил откроются и восстановление сил будет ежедневно приходить от Господа...»³¹⁹.

Джордж Фокс полагал, что путь, выбранный республиканскими лидерами («...мы говорим, что Христос – наш Путь, он свет, который просвещает Вас и каждого, приходящего в мир... что с этим вы можете узреть его, Путь, и идти по пути мира и света, что является Путем Божиим и что есть новый и живой путь, на котором стояли Апостолы...»³²⁰), не соответствует ду-

³¹⁸ См.: Mandrou R. De la culture populaire aux XVII et XVIII siecle: la Bibliotheque bleue de Troyes / R. Mandrou. – Paris, 1964. О проблеме соотношения «высокой» и «низкой» культур см. подробнее: Bolleme G. Litterature populaire et litterature de colportage au XVIII siecle / G. Bolleme // Livre et societe dans la France du XVIII siecle. – Paris, 1965. – Vol. I. – P. 61 – 92; Bolleme G. Les Almanachs populaires aux XVII et XVIII siecle, essai d'histoire sociale / G. Bolleme. – Paris, 1969; Bolleme G. La Bibliotheque Bleue: la litterature populaire en France du XVI au XIX siecle / G. Bolleme. – Paris, 1971; Bolleme G. Representation religieuse et themes d'esperance dans la "Bibliotheque Bleue". Litterature populaire en France du XVII au XIX siecle / G. Bolleme // La societa religiosa nell'eta moderaa. Atti del convegno di studi di storia sociale e religiosa. – Napoli, 1973. – P. 219 – 243.

³¹⁹ Публикация текстов Дж. Фокса «News Coming Up Out of the North, Sounding Towards the South» цит. по: Говорит сам Джордж Фокс... – С. 30.

³²⁰ Тексты Дж. Фокса, известные как «Some Principles of the Elect People of God who is scorn are called Quakers» цит. по: Говорит сам Джордж Фокс... – С. 30.

ховному предназначению Англии. Поэтому, легитимность властей им отрицалась, новая Англия субъективно не воспринималась как своя страна: «...словно дикая пустыня... не заботьтесь о ней и не чувствуйте, что она что-либо значит, но делайте Господне дело с верностью... тогда вы почувствуете, что оно процветает, отвечая тому, что от Бога в каждом...»³²¹.

Это, вероятно, свидетельствует о том, что Дж. Фокс был носителем некой альтернативной политической и религиозной идентичности, настаивая на том, что новая Англия должна строиться с опорой преимущественно на религиозные нормы и законы. В своих текстах Дж. Фокс рисует весьма неблагоприятный образ своих религиозных противников, утверждая, что «...люди, чуждые завету жизни с Богом, они едят, и пьют, чтобы позволять себе быть распущенными с тварями, расходуя их по своим похотениям и живя во всякой нечистоте, любя скверные пути и поглощая творение; и все это в мире сем, в его загрязнении, без Бога. Поэтому я должен был избегать всего этого...»³²² не могут являться священниками.

Таким образом, Фокс ставил под сомнение право священников Англиканской Церкви и других протестантских деноминаций, существующих на территории Англии. Отрицая Англиканскую Церковь, Фокс ставил под сомнение и те идентичностные проекты, которые предлагались в рамках официального религиозного дискурса, что подчеркивает пребывание идей Фокса на периферии религиозной жизни в Англии, свидетельствуя об их маргинальности.

Полемизируя со своими противниками и оппонентами, к которым Джордж Фокс относился крайне негативно³²³, называя их «...бедными глупыми созданиями, не имеющими в себе жизни, или света, или благодати, или истины, которая исходит от Бога

³²¹ Говорит сам Джордж Фокс... — С. 33.

³²² Говорит сам Джордж Фокс... — С. 141.

³²³ В частности, он писал: «...глупый человек в своем дурацком воображении будет создавать изображения того, перед кем все народы — не что иное, как капля дождя. И вы создаете образы Бога, подобные себе. Так что не выродились ли вы совсем от вашей глупости и невежества и не далеко ли отошли от духа и истины того в вас самих, в ваших собственных сердцах, кому должно поклоняться, почитать, молиться, повиноваться и служить во всем...». См.: Говорит сам Джордж Фокс... — С. 46.

истины...»³²⁴ и обвиняя, как правило, в связях с римскими католиками и антихристианском поведении: «...разве большинство публичных мест для богослужения не подобны лавкам с отличительным знаком на их верхушке... И разве не идут все эти знаки, изображающие крест, от папы... Разве вы не узнаете своих публичных лавок по их публичному знаку? Разве знак папистского креста не установлен на верхушке зданий, где священники и учителя продают свои товары народу с помощью песочных часов – из своих публичных лавок...»³²⁵.

Для того времени это были достаточно жесткие обвинения. Какие цели в этой ситуации преследовал Дж. Фокс? Вероятно, он не просто полемизировал со своими религиозными противниками, но стремился поставить под сомнение правомерность их пребывания у власти. Не исключено, что некоторые сторонники Фокса активно оперировали его идеями, преследуя политические цели, чего мы не можем сказать о самом Дж. Фоксе, который для властей был скорее неуравновешенным религиозным фанатиком, чем серьезным политическим противником.

В своей критике католиков Дж. Фокс был в целом близок к деятелям английской революции, но отличался от них самой манерой критики. В частности, критически оценивая действия католиков, Дж. Фокс писал: «...древний Каин был беглецом и бродягой, который убил своего брата и построил город, противный граду Божьему, перед которым стояли Божий люди в древнем мире... Папа, его окружение и последователи, которые рыщут в стороне от голоса Бога и духа, убивают своего брата ради религии и молятся, подобно древнему Каину. И разве древний папа, подобный Каину... не выступил против... небесного Иерусалима... И не уселся во главе своего города... противно Христу и его церкви...»³²⁶.

Если его оппоненты предъявляли католикам претензии политического характера, то Дж. Фокс, вероятно, руководствовался стереотипами и представлениями, характерными для народной культуры со свойственной для нее догматизмом и буквальным восприятием религиозных текстов. Опираясь на религиозные категории, которые активно использовали и лидеры английской революции, Дж. Фокс все же оспаривал легитимность революционных властей. Джордж Фокс в своих выступлениях предстает

³²⁴ См.: Говорит сам Джордж Фокс... – С. 46.

³²⁵ Говорит сам Джордж Фокс... – С. 46.

³²⁶ Говорит сам Джордж Фокс... – С. 47.

как носитель традиционной народной культуры. Многие из Библии он воспринял буквально.

Не исключено, что Фокс от проповедников мог слышать о том, что католические монахини называют себя «невестами Христа». Этот пассаж он воспринял буквально, перенес это и на другие Церкви. В частности Дж. Фокс писал, что «...паписты: вы говорите, что никогда не слышали Христова голоса. Как же тогда вы сочетаетесь браком со Христом, вы, кто никогда не слышал его голоса, и Христос, ваш супруг, никогда не говорил с вами? Станный вид брака!... Пресвитериане: вы говорите, что вы – Христова жена, и супруга, и невеста, и все же вы говорите, что никогда не слышали голоса Христа с небес, и все же вступаете в брак. Как же вы вступили в брак и никогда не слышали его голос, и жених никогда не говорил с вами...»³²⁷.

Буквальное понимание текстов вело к их неправильному прочтению. В частности, Иисус Христос, на которого создать квакерства переносил политические функции, в текстах Дж. Фокса предстает как царь, имеющий супругу – царицу: «...его супруга – его царица, облаченная в белые одежды и прекрасные ткани, праведность святых, праведность Христа Иисуса, Это супруга Христа, одетая подобающе, она знает голос Христа, она слышит его голос; она – кость от кости и плоть от плоти его; она имеет душу Христа Иисуса, ее супруга, она имеет его дух. И он пребывает с нею, он, кто увенчал свою супругу, свою невесту и жену, венцом жизни; он дал ей новое имя и новый белый камень...»³²⁸.

Джордж Фокс, вероятно, знал и понимал, почему многие христиане относятся к Иисусу Христу как спасителю. С другой стороны, восприятие этой миссии Христа к трактовке Дж. Фокса отличалось немалой оригинальностью и не во всем соотносилось с протестантизмом. Если протестанты полагали, что Иисус Христос на кресте принес искупительную жертву во имя всего человечества, дискутируя при этом о природе (божественной или человеческой) Иисуса Христа, то Дж. Фокс был далек от религиозных дебатов, буквально воспринимая спасающую функцию Христа: «...так Христос открывает могилы ветхого Адама, он открывает ямы, где прежде не было воды, он отваливает могильные камни, он отворяет ворота тюрем, хотя бы они были из меди или железа, он вызволяет из пасти смерти, он распутывает заросли шиповника и ежевики, присущие ветхому Адаму, он освобождает

³²⁷ Говорит сам Джордж Фокс... – С. 53 – 54.

³²⁸ Говорит сам Джордж Фокс... – С. 57.

пленников, он исцеляет тех, у кого разбиты сердца, и выводит узника на свободу, и узник надежды поет от радости. Разве это не чудо из чудес...»³²⁹.

Кроме этого, Дж. Фокс непосредственно ассоциировал свои религиозные идеи с Христом, настаивая, что «наша религия была установлена Христом в своих апостолах более 1600 лет назад»³³⁰. Не исключено, что именно подобный народный буквализм, традиционная народная набожность и религиозность, буквальное восприятие текстов, способствовали не только постепенной маргинализации Дж. Фокса и его сторонников в глазах носителей «высокой культуры», но и их постепенной радикализации, вызванной преследованиями со стороны властей, который были склонны видеть в них проявление стихийного протеста наиболее консервативной и не подверженной переменам части английского общества.

В текстах Дж. Фокса, переполненных народными выражениями и образами доступных для носителей «низкой культуры»³³¹, политический протест сочетался с религиозным, но то, что оба эти дискурсы не были четко разграничены, вероятно, подчеркивает не только то, что Фокс, который отрицал божественный и мессианский характер республиканской власти (имея относительно этого свое мнение, состоявшее в том, что только сообщество квакеров в праве позиционировать себя в качестве богоизбранного), принадлежал к «низкой культуре», но, скорее всего, не мог четко и логично формулировать свои мысли.

Расхождения Дж. Фокса и лидеров Английской Революции заметны и в отношении к Библии. Хотя Дж. Фокс и не отрицал того, что Библии следует играть значительную роль в жизни Англии, он все же настаивал на том, что Англия нуждается в новом (не в Новом) Завете: «...и этот новый Завет, этот извечный новый Завет засвидетельствован в наши дни... Бог вложил свой закон в души народа своего, и в их сердцах он написал... они знают, что он – Бог их, а они – его народ...»³³².

³²⁹ Говорит сам Джордж Фокс... – С. 58.

³³⁰ Говорит сам Джордж Фокс... – С. 120.

³³¹ К таким образам, в частности, относится и образ дерева, с которым Дж. Фокс сравнивал Иисуса Христа: «...и Христа называют зеленым деревом, которое никогда не иссушается и к которому они привиты верою в свет...». См.: Говорит сам Джордж Фокс... – С. 31.

³³² Говорит сам Джордж Фокс... – С. 30.

Уверенность Дж. Фокса в необходимости создания нового корпуса религиозных текстов³³³ для англичан стимулировалась и тем, что он относился к Англии как к Новому Израилю, Богоизбранной стране, а к англичанам, которых он в некоторых своих выступлениях называл «сынами и дочерями Авраама»³³⁴ и теми, «кого Господь сохранил для себя своей вечной рукой и властью»³³⁵, как к народу, который единственный в современном для него мире заключил Завет (в понимании Дж. Фокса – договор) с Богом.

По мнению Дж. Фокса, квакеры являлись наилучшей частью английской нации, наследниками древних христиан: «...это то, что Христос установил более 1600 лет назад – когда он отменил поклонение иудеев в Иерусалимском храме и поклонение самаритян на горе у Иаковлева колодца... это поклонение в духе и в истине выше всех поклоняющихся по своеволию, и поклоняющихся дракону, и поклоняющихся зверю. Ибо Бог излил свой дух на всякую плоть, а благодать и истина должны прийти через Иисуса... это наше чистое и совершенное поклонение, которое Христос, сын Божий, ввел более 1600 лет назад...»³³⁶. Развивая этот нарратив, Дж. Фокс под политический характер основополагающих принципов английской нации подводил значительные религиозные основания, пытаясь доказать наличие континуитета между древними христианами и современными англичанами, в первую очередь – сторонниками Дж. Фокса.

Выше мы упоминали, что деятельность Дж. Фокса находила отклик, как правило, среди подобных ему маргиналов, которые разорвали свои социальные связи в результате политических процессов периода английской революции. Со стороны властей (что примечательно всех – республиканских, протекторских, королевских) идеи Фокса встречали жесткое отторжение. Сторонников Фокса и его самого подвергали преследованиям, подвергали наказаниям в виде тюремного заключения, объявляли сумас-

³³³ В связи с этим Дж. Фокс, в частности, писал, что «...все вы, миряне – мужчины и женщины – вы знаете, что миряне создавали Писание. И пусть миряне – мужчины и женщины – проповедуют свое собственное Писание, а священники пусть проповедуют свое Писание и создают на основе его свои тексты...». См.: *Говорит сам Джордж Фокс...* – С. 49.

³³⁴ *Говорит сам Джордж Фокс...* – С. 33.

³³⁵ *Говорит сам Джордж Фокс...* – С. 35.

³³⁶ *Говорит сам Джордж Фокс...* – С. 120.

сшедшими. И преследования, и непонимания и обвинения медицинского характера способствовали тому, что возникла традиция почти агиографической³³⁷, проквакерской интерпретации самого феномена квакерства. В XVII веке уровень развития медицины, в особенности – психиатрии, не давал возможности проанализировать состояние Дж. Фокса. Не исключено, что для некоторых Читателей этой книги идеи Дж. Фокса и цитаты, приведенные выше, могут показаться не совсем адекватными.

Иными словами, возникает вопрос, не страдал ли основоположник квакерства той или иной формой расстройства психики. Не страдал ли Дж. Фокс, например, шизофренией или какой-либо другой болезнью. В соответствии с международной классификацией, о шизофрении свидетельствует хотя бы один из приведенных признаков, а именно: 1) т.н. «эхо мыслей», т.е. звучание собственных мыслей, открытость мыслей, стремление донести их до окружающих; 2) бред воздействия; 3) псевдогаллюцинации и / или галлюцинации; 4) бредовые идеи, которые неадекватны или грандиозны по своему содержанию³³⁸.

У Дж. Фокса, точнее в его текстах, мы наблюдаем три из перечисленных выше признаков – первый, третий и четвертый. Первый проявился в самой активной проповеднической деятельности Дж. Фокса, третий – в видениях религиозного характера, которые он периодически имел, четвертый – в некоторых идеях, выраженных в его текстах. С другой стороны, поведение Дж. Фокса и его сторонников близко и к индуцированным бредовым расстройствам, связанным со стремлением распространения тех или иных идей, как правило – религиозных³³⁹.

³³⁷ Автор отдает себе отчет в том, что его последующая интерпретация самой личности Дж. Фокса и его учения может показаться несколько некорректной, особенно – для верующих квакеров.

³³⁸ См. подробнее: Психиатрия. Учебное пособие / ред. В.П. Самохвалов. – РнД., 2002. – С. 269.

³³⁹ Психиатрия. Учебное пособие / ред. В.П. Самохвалов. – С. 296 – 299. Добавлю, что Карло Гинзбург в связи с этим в значительной степени справедливо подчеркивает, что в прошлом проявление религиозного инакомыслия со стороны простых людей нередко могло рассматриваться не как религиозный протест, а как проявление безумия. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира... – С. 238.

Первое, чему следует уделить внимание: Фокс был носителем «народной культуры» и, вероятно, религиозным фанатиком, поэтому, идентичность, им предлагаемая, имела религиозный характер, тесно связанный с народными религиозными традициями, что, в частности, проявлялось в буквализме, характерном для народной религиозности. Иными словами, Дж. Фокс был почти не в состоянии анализировать прочитанные или услышанные религиозные тексты, что, в свою очередь, наложило существенный отпечаток на его собственные проповеди, которые он произносил, используя народный язык, народные выражения и не уделяя особого внимания логике своих текстов.

Второе, тексты, приписываемые Дж. Фоксу, пребывают за пределами того интеллектуального и религиозного дискурса, который доминировал в Англии на протяжении XVII века. Поэтому, мы можем предположить, что Дж. Фокс был политическим и религиозным маргиналом. В чем проявлялась его маргинальность? Она находила свое выражение в характерном для него радикализме, отрицании многих ценностей Англии того времени. Вероятно, Дж. Фокс был последовательным нонконформистом, неспособным вести диалог со своими оппонентами и приспособиться к тем изменениям, которые произошли в период революции.

Третье, проблема психического здоровья основателя квакерства является наиболее дискуссионной. Вероятно, с точки зрения современного человека, носителя светской культуры, выросшего в рамках секуляризированной традиции, многие идеи Дж. Фокса могут показаться не просто спорными, но и не совсем адекватными. Трудно утверждать однозначно, страдал ли Дж. Фокс той или иной формой психического расстройства, но проблемы с чтением и письмом, видения религиозного характера все же указывают на то, что в этой сфере он все-таки имел некоторые проблемы.

Таким образом, тексты Джорджа Фокса демонстрируют интересный дискурс развития идентичности в Англии XVII столетия – маргинальный дискурс, отягощенный не просто политическим и религиозным радикализмом его носителей, но и психологическими проблемами его создателя. Идентичностные проекты – это не всегда выверенные литературные тексты и политические концепты.

История английских идентичностных проектов – это и своя история безумия. Это – и навязчивые состояния и фобии людей, которые были носителями традиционной культуры. Их трагедия

состояла в том, что в Англии того времени под влиянием революции начинается модернизация. Новые политические традиции плохо соотносились с религией, крайние формы которой становились уделом небольших групп, которые развивали маргинальные идентичностные проекты.

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ НАЦИЯ: МЕТАМОРФОЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНЦЕ 1640-Х – 1650-Е ГОДЫ

Казнь Чарлза Стюарта в 1649 году фактически означала установление в Англии нового политического устройства республиканского типа. Политические идентичности и проекты, которые до этого имели маргинальный характер, получили шансы стать магистральными. Республика вывела на новый этап развития саму идею политической английской нации, хотя элитистский характер этого концепта продолжал доминировать. После смерти короля английская политическая идентичность начинает обретать новые основания и новые политические институты, призванные содействовать ее существованию и воспроизводству.

В феврале 1649 года политическая нация начинает получать новые политические институты, первым в ряду которых был Государственный Совет. В Акте об учреждении Государственного Совета предпринималась попытка поддержать формирование республиканской идентичности, что выразилось в декларировании готовности вести борьбу против попыток реставрации монархической власти³⁴⁰. Члены Государственного Совета были должны: «...оказывать противодействие и подавлять силой тех, кто попытается поддерживать притязания на Корону Англии и Ирландии со стороны Чарлза Стюарта – старшего сына последне-

³⁴⁰ О республиканском периоде см.: Barnard T. The English Republic 1649 – 1660 / T. Barnard. – L., 1982; Gardiner S.R. History of Commonwealth and Protectorate / S.R. Gardiner. – L., 1903. – Vol. 1 – 4; Woolrich A. Commonwealth to Protectorate / A. Woolrich. – Oxford, 1982; Woolrych A. England without King, 1649 – 1660 / A. Woolrych. – L., 1983.

го короля или со стороны других потомков указанного короля...»³⁴¹.

Утверждая республиканскую идентичность, парламент стремился сформировать нарратив об Англии как неразделимом территориальном единстве. Поэтому члены Государственного Совета были призваны действовать во имя «...сохранения мира и безопасности Англии и Ирландии и владений, у ним принадлежащих...»³⁴². Особое внимание акцентировалось на необходимости проведения последовательной политики в отношении Ирландии с целью ее «полного подчинения»³⁴³. Стимулируя республиканскую идентичность, парламент стремился культивировать особую лояльность, основанную на ценностях республики.

Именно для этого члены Государственного Совета были обязаны приносить клятву на верность республике. Текст настоящей политической присяги (утвержденный 22 февраля 1649 года), которая фактически играла роль проверки на лояльность, выглядел следующим образом: «...будучи назначен членом Государственного Совета, подтверждаю, что солидарен с Парламентом в защите и поддержке прав нашей нации в том виде, в котором они провозглашены Парламентом, а так же в поддержке решения парламента, относящихся к управлению нашей страной на республиканских основаниях без короля и палаты лордов...»³⁴⁴.

Текст присяги представляет собой сферу доминирования светского нарратива, что интересно на фоне многочисленных религиозных рефлексий и реминисценций в более ранний период и последующие годы. Культивируя республиканскую идентичность в марте 1649 года, парламент инициировал Акт, который упразднил в Англии королевскую власть. Авторы текста развивали несколько нарративов, среди которых нарратив о том, что свержение монархии было вызвано изменой Чарлза национальным интересам Англии («...Чарлз Стюарт, последний король Англии, Ирландии и владений к ним принадлежащих... объявляется осужденным по справедливости... за многочисленные измены, убийства и другие отвратительные преступления... указанным приговором... его дети и потомки... потеряли все права на Корону...»), английская политическая нация разрывает договор с династией

³⁴¹ The Acts and Ordinances of the Interegnum / eds. C.H. Firth, R.S. Rait. — L., 1911. — Vol. 2. — P. 335. Далее: The Acts and Ordinances...

³⁴² The Acts and Ordinances... — Vol. 2. — P. 335.

³⁴³ The Acts and Ordinances... — Vol. 2. — P. 336.

³⁴⁴ Parliamentary History. — Vol. XIX. — P. 38.

Стюартов и поэтому выстраивает и развивает свою новую политическую республиканскую идентичность и английскую государственность («...нация Англии, Ирландии и владений, к ним принадлежащим, освобождается от любых обязательств быть верно-подданными и преданными, почитать... детей и потомков короля... старший сын его Чарлз Стюарт и второй сын Джэймз и все другие дети и потомки потеряли права на Корону...»³⁴⁵).

С другой стороны, внимание акцентировалось на новом порядке функционирования английской нации: «...в результате отмены королевской власти для нашей Нации открывается счастливый путь возвращения к справедливому и древнему праву быть управляемым через своих представителей или через национальное собрание... избираемого и наделяемого доверием Нацией...»³⁴⁶. Акт, упраздняющий власть короля, утверждал английскую нацию как самостоятельную и целостную политическую единицу.

Парламент, стимулируя и культивируя политическое единство новой республиканской нации, принял решение о роспуске Палаты Лордов («...общины Англии, собравшиеся в Парламент, убедившись... что существование Палаты Лордов для английской нации является бесполезным и опасным полагают полезным узаконить, что... Палата Лордов будет полностью упразднена и ликвидирована... с сего дня лорды не будут иметь права собираться и заседать в этой палате и ни в каком ином месте в качестве Палаты Лордов... но настоящим объявляется и то, что никто из лордов... не будет исключаться из государственных органов...»³⁴⁷), что стало попыткой политической консолидации новой, немонархической, идентичности при возможной интеграции представителей старой политической элиты не в форме отдельных сословных институций (каковой фактически и являлась Палата Лордов), а на основе широкой, национальной, идентичности, на основе идеи принадлежности именно к нации в целом, а не к той или иной социальной группе в частности.

Процесс провозглашения Англии республикой затянулся, а сам акт стал возможным после создания Государственного Совета и ликвидации Палаты Лордов. 19 мая 1649 года «нации Анг-

³⁴⁵ The Acts and Ordinances... — Vol. 2. — P. 18.

³⁴⁶ The Acts and Ordinances... — Vol. 2. — P. 20.

³⁴⁷ The Acts and Ordinances... — Vol. 2. — P. 24.

лии»³⁴⁸ были провозглашены «...свободной Республикой и отныне они будут управляться в качестве свободной Республики без короля и палаты лордов представителями народа в парламенте и теми лицами, которых парламент уполномочит быть должностными лицами и министрами под своим началом...»³⁴⁹. В основу формирующейся новой идентичности Республики, которой были обязаны приносить клятву все мужчины в возрасте от 18 лет³⁵⁰, были положены именно политические, преимущественно – светские, принципы, которые сочетались с попытками достижения политической консолидации на более широкой базе, с привлечением не только политической и церковной элиты, но и всего мужского населения. В основу лояльности и идентичности был положен гендерный принцип, что показывает то, что Англия пребывала пока на начальной стадии политической модернизации. Это выразилось в исключении женщин из процессов формирования самой идентичности и в отказе видеть в них носителей даже ее пассивных проявлений.

Хотя Республика нередко в своих Актах позиционировалась как светского государство, тем не менее, новая республиканская политическая идентичность имела и мощные религиозные основания. Это, в частности, проявилось в принятии в августе 1650 года «Акта против безбожных, богохульных и безнравственных мнений, унижительных для Божественной власти и разрушительных для человеческого общества». Исходным побудительным посылом парламента в этом Акте было стремление «...любими путями распространить Евангелие в Республике, поддерживать веру с искренностью и благоговением перед Господом...»³⁵¹ и утвердить порядок, при котором «Бог прославлялся, а добрые дела поощрялись»³⁵².

³⁴⁸ Речь шла о собственно Англии, а так же Ирландии, Шотландии и других владениях, которые до этого принадлежали Английской Короне.

³⁴⁹ См.: Законодательство английской революции 1640 – 1660 годов / сост. Н.П. Дмитриевский. – М. – Л., 1946. – С. 141.

³⁵⁰ Текст клятвы был следующим: «Я заявляю и обещаю, что буду верен и предан Английской Республике, как она установлена ныне, без Короля и Палаты Лордов». См.: The Acts and Ordinances... – Vol. 2. – P. 325.

³⁵¹ The Acts and Ordinances... – Vol. 2. – P. 409.

³⁵² The Acts and Ordinances... – Vol. 2. – P. 409.

По Акту надлежало подвергать преследованию и наказывать тех, кто «...будет злоупотреблять, превращая свободу в безнравственность... всех тех лиц, за исключением тех, кто расстроен душевной болезнью... кто открыто посмеет отрицать святость и справедливость Господа... или осмелится начать проповедь против установленной Веры... и все другие лица, совершающие богохульства, не в праве утверждать, что они действуют от имени Бога...»³⁵³.

Столь последовательная радикализация республиканского правления, что выразилось в появлении тенденции слияния религиозного и светского начал, вызывало понимание не у всех. Проявлением недовольства и все более углубляющегося раскола среди республиканского политического лагеря стало появление в конце июля 1652 года петиции, направленной в парламент, где указывалось на то, что «...никто не должен подвергаться аресту иначе, как согласно древним законам страны...»³⁵⁴. Таким образом, противники республики пытались поставить под сомнение не только ее политическую, но и историческую легитимность, культивируя нарратив, согласно которому республиканское правление не имело серьезных прецедентов в английской истории.

«Акт против безбожных, богохульных и безнравственных мнений» предусматривал несколько случаев, при которых следовало применять наказание (в виде «изгнания таких людей из Республики Англии и всех ее владений»³⁵⁵), а именно – «...фальшивое использование имени Бога, убийство, нарушение супружеской верности, кровосмешение, прелюбодеяние, нечестивость, пьянство, нечестивые и похотливые разговоры...»³⁵⁶. Принятие Акта стала результатом усиление одного из радикальных трендов, который базировался на ценностях религии. С другой стороны, принимая во внимание все вышеперечисленные преступления, не следует относиться к пуританам как к крайним традиционалистам и противникам всего нового. Английский исследователь Дж. Эйлмэр в связи с этим указывает, что «пуритане не были антиинтеллектуалами и противниками искусства». С другой стороны, представляя отдельное сообщество со своей

³⁵³ The Acts and Ordinances... – Vol. 2. – P. 409.

³⁵⁴ Законодательство английской революции 1640 – 1660 годов. – С. 156.

³⁵⁵ The Acts and Ordinances... – Vol. 2. – P. 410.

³⁵⁶ The Acts and Ordinances... – Vol. 2. – P. 409.

особой идентичностью, они «подозрительно относились к некоторым новым тенденциям и явлениям»³⁵⁷.

Примечательно, что в то время, когда политика республики в сфере государственного управления была направлена на модернизацию, формирование новой, более современной, политической идентичности, мероприятия в сфере Церкви были направлены на укрепление традиционных ценностей, что свидетельствует о попытках республиканцев интегрировать в новый тип идентичности и некоторые традиционные ценности. Провозглашение Республики было встречено с энтузиазмом политическими радикалами³⁵⁸ и совершенно не понято роялистами, которые были вынуждены покинуть страну.

Позитивную оценку смене политического устройства дал Джон Лилбёрн, который полагал, что республика, ставшая результатом Божественного проведения («...мы желаем использовать благоприятный момент, который Бог даровал нам, чтобы сделать нацию свободной и счастливой...»³⁵⁹), в большей степени соответствует нуждам и чаяниям английской политической нации, нежели монархия. Кроме этого им приветствовалось и объявление «божьего народа источником всякой справедливой власти»³⁶⁰.

С другой стороны, новую политическую оппозицию, которая стояла на более радикальных позициях, чем парламент, настаивая на том, что революция носила именно национальный характер

³⁵⁷ Эйлмер Дж. Восстание или революция... – С. 101.

³⁵⁸ См.: Brailsford H.N. The Levellers and English revolution / H.N. Brailsford. – L., 1961; Holorenschaw H. The Levellers and the English Revolution / H. Holorenschaw. – L., 1939 (русский перевод: Холореншоу Г. Левеллеры и английская революция / Г. Холореншоу. – М., 1947); The Leveller Tracts 1647 – 1653 / eds. W. Haller, G. Davies. – NY., 1944; The Levellers in the English Revolution / ed. G.E. Aylmer. – L., 1975.

³⁵⁹ Соглашение свободного народа Англии, предложенное в качестве мирного средства несчастной нации подполковником Джоном Лильберном, мистером Уильямом Уолвином, мистером Томасом Принсом и мистером Ричардом Овертоном, узниками в лондонском Тауэре, 1 мая 1649 года // Лильберн Д. Памфлеты / Д. Лильберн / ред. В.Ф. Семенов. – М., 1937. – С. 108.

³⁶⁰ Лильберн Д. Новые цепи Англии, или серьезные опасения части народа относительно Республики / Д. Лильберн // Лильберн Д. Памфлеты / Д. Лильберн / ред. В.Ф. Семенов. – М., 1937. – С. 47.

(«...мы собрались вместе как англичане для того, чтобы при помощи оружия освободить себя и свою родину от рабства и угнетения...»³⁶¹) и, требуя социальных перемен («...улучшить положение бедняков и установить Республику на основе общих прав свободы и безопасности...»³⁶²), не устраивали и не удовлетворяли темпы и методы политических преобразований.

Наблюдая рост оппозиции, Оливэр Кромвэлл³⁶³ пошел на роспуск Долгого парламента в апреле 1653 года, что мотивировалось «полной неспособностью проведения реформ»³⁶⁴ и «необходимостью передачи верховной власти людям богобоязненным»³⁶⁵, после чего (в июне) был созван новый, Бэрбонский, парламент, который, по мнению самого О. Кромвэлла, состоял из «богобоязненных лиц испытанной верности и честности»³⁶⁶. Бэрбонский парламент объявил себя «парламентом Республики Англии», что имело символический характер в контексте формирования республиканской политической идентичности и лояльности у новой политической английской нации.

С другой стороны, парламент отличался значительным религиозным настроем. В решениях парламента заметен устойчивый религиозный нарратив. В Декларации парламента 12 июля 1653 года констатировалось: «...Господь провел нас через многие трудности... мы верим, что занимается заря освобождения... Божий Народ смотрит на необычные изменения, которые подобны тем, что случились перед рождением нашего Господа... памятники ни одной нации, даже иудеев, не показывают столь активного вмешательства Бога в дела людей, как памятники народа нашего и враги наши сами видят перст Божий... мы просим у Господа

³⁶¹ State Trials Section of Grave / ed. W. Bund. — NY., 1879. — Vol. IV. — P. 1410.

³⁶² State Trials Section of Grave. — P. 1410.

³⁶³ В этой книги фигура Оливэра Кромвэлла осталась в тени. Автор не считает нужным подробно останавливаться на его деятельности, принимая во внимание тот факт, что Кромвэллу посвящена обширная научная литература. См.: Ashley M. The Greatness of Oliver Cromwell / M. Ashley. — L., 1957; Barnard T. Cromwellian Policy in Ireland / T. Barnard. — Oxford, 1975; Hill Ch. God's Englishman: Oliver Cromwell and the English Revolution / Ch. Hill. — L., 1970.

³⁶⁴ Законодательство английской революции 1640 – 1660 годов. — С. 172.

³⁶⁵ Parliamentary History. — Vol. XX. — P. 137.

³⁶⁶ Parliamentary History. — Vol. XX. — P. 151.

процветания... мы молимся во имя продолжения ощущения нашего ничтожества в Его глазах дабы быть исполнителями воли Его... мы хотим быть орудием для проповеди Евангелия... мы молим, чтобы Бог даровал нам правителей близких Его сердцу, чтобы земля наполнилась божественной славой... и воля Господа была начертана всюду и, чтобы Он мог царствовать во всем...»³⁶⁷.

Парламент предпочитал молиться и составлять проповеди, нежели заниматься государственными делами. Это было очевидно и 12 декабря 1653 года парламент отказался от своих полномочий, передав их Оливэру Кромвэллу³⁶⁸. Дальнейшие события достаточно подробно описаны в исследовательской литературе и не имеет смысла подробно останавливаться на их анализе³⁶⁹. В декабре 1653 года О. Кромвэлл инициирует принятие «Орудия управления» – документа, который фактически играл роль конституции. Период между 1653 и 1658 годами в исторической литературе традиционно исключается за пределы истории Республики, хотя, вероятно, Протекторат был одной из форм функционирования республиканской идентичности. В сентябре 1658 года умер Оливэр Кромвэлл. Попытка его сына Ричарда укрепится у власти к особым, позитивным для него, результатам так и не привела. Дальнейшие политические перипетии, повторю, подробно изучены в научной зарубежной и российской литературе. Напомню лишь, что в 1660 году в Англии произошла реставрация, к власти пришел Чарлз II, что оказало существенное развитие на формирование и развитие идентичности – новых идентичностных проектов, как магистральных, так и маргинальных.

Республика и республиканская идентичность оказались неудачными, маргинальными, идентичностными проектами, что было связано с невозможностью выработки принципиально нового политического языка, который сочетал бы вызовы как светских, так и религиозных идентичностных проектов и концептов.

Востребованность религиозного нарратива и его интеграция в политический язык подчеркивают, что формирование полити-

³⁶⁷ State Papers. 1653. – P. 297.

³⁶⁸ Законодательство английской революции 1640 – 1660 годов. – С. 175.

³⁶⁹ См. подробнее: Павлова Т.А. Вторая Английская республика (1659 – 1660) / Т.А. Павлова. – М., 1974; Эйлмер Дж. Восстание или революция? Англия 1640 – 1660 гг. / Дж. Эйлмер. – СПб., 2004; Davies G. The Restoration of Charles II, 1658 – 1660 / G. Davies. – San Marino, 1955.

ческой идентичности, основанной на принципах и традициях светского государства, столкнулось со значительными проблемами. Религия и до этого была не самым последним фактором в развитии революции. Созыв Бэрбонского парламента подчеркнул, что светская модель оказалась удачной и применимой далеко не во всех отношениях. В такой ситуации становится очевидным, что английская революция была не просто политической, но имела мощное религиозное течение.

На ряду со светскими националистическими формами, идеями и настроениями в период революции активно развивался альтернативный, религиозный, национализм. Светские течения и религиозные тренды в ходе английской революции оказались глубоко переплетенными и взаимосвязанными, что, вероятно, явилось результатом того, что революционный взрыв стал попыткой институционализации оппозиционных и внесистемных идентичностей. Среди них преобладали концепты, развивавшиеся по инерции в рамках возникшей в период Реформации пуританской политической традиции и базировавшиеся на преимущественно религиозных ценностях.

ВЕРУЮЩАЯ НАЦИЯ: ДИСКУРСЫ АНГЛИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ XVI И XVII СТОЛЕТИЙ

В предыдущих разделах («Реформирующаяся нация: дискурсы развития английской идентичности в XVI столетии», «Оппозиционная и недовольная нация: дискурсы развития политической английской идентичности в 1600 – 1630-е годы» и особенно в «Республиканская нация: метаморфозы политической идентичности в конце 1640-х – 1650-е годы») я неоднократно указывал на то, что на протяжении XVI и XVII столетий светские и духовные, религиозные тренды в политической и культурной жизни Англии оказывались тесно переплетенными, что порой трудно с уверенностью сказать, какие именно из них доминировали и направляли ход событий.

В отечественной научной традиции, связанной с изучением английской истории указанного периода, почти всегда доминировали тенденции, которые интерпретировали историю в категориях светского, политического или конкретно-исторического анализа. Это вовсе не означает, что религиозные факторы и процессы игнорировались российскими, советскими и снова российскими историками. Религия нередко оказывалась в центре исследовательского внимания, но к религиозным трендам в английской истории относились скептически, полагая, что доминировали тренды именно светские, политические, а внецерковные течения играли вспомогательную роль. Английские революционеры внецерковного толка нередко получали оценку религиозных фанатиков. В подобном отношении заметно и влияние процессов модернизации, постоянно растущей секуляризации, а для советской историографической традиции – и желание соответствовать цен-

зурно контролируемому и направленно выстраиваемому дискурсу политической правильности и лояльности³⁷⁰.

Переходя от интеллектуальной истории советского исторического знания, обратимся непосредственно к той роли, которую играла религия в Англии предреволюционного периода и эпохи революции. К началу Реформации англичане подошли как изолированные крестьянские сообщества со значительными религиозными традициями. Реформация, религиозная полемика только усугубили и укрепили религиозность носителей «высокой культуры» в Англии. Поэтому, мы можем предположить, что к началу революции англичане пришли подготовленными не для одного всплеска и выплеска религиозного фанатизма.

В период Реформации, вероятно, возникла устойчивая традиция чтения Библии, а сама книга прочно вошла в английскую культуру того времени, став популярным литературным образом. Кристофер Хилл полагает, что Библия стала своеобразным центром всей интеллектуальной жизни³⁷¹. Постепенно Библия стала книгой и для политических интерпретаций. Еще в 1605 году Вильям Брэдшоу в своем «Английском пуританизме», который дважды был переиздан в самом начале революции, настаивал на том, что «...Слово Божие, которое содержится в Писаниях... является единственным канонem и правилом во всех делах религии, служения и поклонения Богу... поэтому грехом является принуждение заставлять христианина исполнять действия... которые не могут быть подтверждены (ссылкой на текст Библии – Авт.)...»³⁷².

В Англии того времени отношение к столь широкому распространению Библии было неоднозначным. Например, Хенри VIII сетовал, что перевод Библии позволил «обсуждать, рифмовать, петь и бренчать ее в каждой пивной и таверне»³⁷³. Не избе-

³⁷⁰ Состояние исследований в советский период может быть осмысленно на примере ряда работ того времени. См.: Исаенко А.В. Английская королевская реформация в XVI веке / А.В. Исаенко. – Орджоникидзе, 1980; Исаенко А.В. Пуританская реформация в Англии / А.В. Исаенко. – Орджоникидзе, 1982.

³⁷¹ Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века. – С. 35.

³⁷² Bradshaw W. English Puritanisme / W. Bradshaw. – L., 1605 (1640, 1641)

³⁷³ Wheeler Robinson H. The Bible in its Ancient and English Versions / H. Wheeler Robinson. – Oxford, 1940. – P. 180.

жал упоминания Библии и Вилльям Шекспир³⁷⁴, который в «Ричарде Третьем» ссылался на Писания, упоминая Бога³⁷⁵. К Библии апеллировали и менее известные авторы Кристофэр Харви, например, в 1640 году писал относительно Библии следующее: «...Библия: вот это Книга. Действительно Книга, Книга книг; кто в нее взглянется, вопрошая, как ему поступить, тому никогда не нужно будет искать иного света, чтобы вести его в ночи... это Божья келья для совета просвещенным; где горе и беда так упорядочены, что каждый может их узнать и не может ошибиться тот, кто ведет свою речь от этой Книги. Это Книга Бога...»³⁷⁶.

Сорок два года спустя Джон Драйдэн уже не имел энтузиазма Кр. Харви. Дж. Драйдэн писал, что «...Книга, вложенная в такую грубую руку, каждый думает, что он поймет эту книгу лучше всех, общее правило стало общей добычей и зависит от милости черни... по нежной странице бьют узловатые кулаки и самым одаренным считается тот, кто громче всех орет...»³⁷⁷, полагая, что массовость и политизации Библии, наоборот, сыграли негативную роль.

За несколько десятилетий после Реформации статус Библии действительно претерпел значительные изменения. На ее текст перестали смотреть как на тайну, ибо текст, написанный не на латыни, могли прочитать все, кто умел читать. К Библии стали относиться с известной долей прагматизма и, вероятно, скептицизма. Библия стала восприниматься почти как руководство к действию, как книга, события которой, должны повториться вновь, на этот раз на территории Англии. Комментируя столь буквальное отношение и почти полное доверие текстам Библии, Ричард Хукэр писал, что когда англичане «...оставались один на один со

³⁷⁴ Внимательный читатель, наверное, обратил внимание на то, что автор придерживается написания английских имен собственных и фамилий, которые расходятся с традициями, принятыми в российской историографии и литературоведении, о чем речь шла во Введении. Относительно Шекспира – автор придерживается принятой нормы, хотя в английском языке фамилия произносится несколько иначе – Shakespeare.

³⁷⁵ Шекспир В. Ричард Третий. Акт 1. Сцена 3.

³⁷⁶ См. подробнее: Harvey Ch. Complete Poems / Ch. Harvey / ed. A.V. Grosart. – L., 1874. – P. 19.

³⁷⁷ Слова Джона Драйдэна (John Dryden) из «Religio Laici» приведены по: Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века. – С. 218.

своими Библиями, что за странные фантастические идеи стали приходить им в голову, и они думали, что Дух научает их...»³⁷⁸.

За одиннадцать лет до К. Харви Эрайз Эванс (валлиец, приехавший в Лондон в 1629 году) продемонстрировал то отношение к Библии, от которого предостерегал Р. Хукэр. Э. Эванс констатировал, что «...раньше смотрел на Писание как на историю событий, которые происходили в других странах и с другими людьми, но сейчас я понимаю, что смотрю на это как на мистерию, тайну, которую предстоит открыть в наше время и которая принадлежит нам...»³⁷⁹. В 1650-е годы Эрайз Эванс на многие вещи, описанные в Библии, смотрел буквально: он, например, был уверен, что восьмая и одиннадцатая главы в Книге Откровения... описывают события гражданской войны в Англии³⁸⁰, а «охвостье» Долгого Парламента казалось ему Зверем из тринадцатой главы той же книги³⁸¹.

Комментируя укорененность некоторых аспектов английской политической культуры того времени в Библии, Кр. Хилл пишет, что «...к середине XVII века англичане – мужчины и женщины – имели за плечами 250-летний опыт воззрения на Библию как на суверенный, уникальный источник божественной мудрости по все вопросам, включая политику...»³⁸². Библия стала источником, где английские политики искали обоснование необходимости перемен, а сами ссылки на текст Библии, в их глазах, означали почти автоматическую легитимацию их действий. Библия постепенно трансформировалась в своеобразное английское место памяти, хотя все события, описанные в ее текстах, географически протекали далеко от Британских островов.

Библия использовалась не только для религиозного чтения. Библия в Англии превратилась в книгу для внимательного и вдумчивого чтения, где носители оппозиционных настроений могли найти (или попытаться найти) моральное обоснование для

³⁷⁸ Работа Ричарда Хукэра «Of the Laws of Ecclesiastical Polity» цит. по: Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века. – С. 65.

³⁷⁹ Evans E. An Eccho of the Voice from Heaven / E. Evans. – L., 1653. – P. 17.

³⁸⁰ Evans E. A Voice from Heaven to the Common-wealth of England / E. Evans. – L., 1652. – P. 26.

³⁸¹ Evans E. The Bloudy Vision of John Farley / E. Evans. – L., 1653. – P. 21.

³⁸² Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века. – С. 33.

своих действий. С другой стороны, консервативно ориентированные авторы полагали, что столь широкое распространение Библии имеет негативные результаты, косвенно оказав воздействие на начало революции. В частности, Роджэр Вилльямз в 1644 году сетовал, что «...напрасно английский парламент позволил английским Библиям войти в беднейшие английские дома и разрешил самым простым мужчине и женщине исследовать Писание...»³⁸³.

Но было уже поздно, и в период революции многие ее участники черпали вдохновение именно в Библии. Хотя, в начале 1630-х годов все было не так очевидно. Некоторые английские политики были склонны верить, что ситуация будет только ухудшаться. Подобные настроения крайнего пессимизма характерны, например, для Томаса Хукэра, который одной из своих проповедей, прочитанных в 1631 году, констатировал, что «...как верно то, что Бог есть Бог, так справедливо и то, что Бог уходит из Англии... останови его в конце города и не позволяй Богу своему удалиться... Бог рассудил, что Новая Англия станет убежищем... скалой и укрытием, чтобы верные его могли бежать туда...»³⁸⁴.

Примечательно, что, несмотря на мощные религиозные традиции английских колоний, американская революция, которая развернулась спустя более чем столетие, протекала под светскими лозунгами. Для других английских политиков Библия стала почти политическим текстом. Это в полной мере относится и к Оливэру Кромвэллу. Например, в 1656 году, выступая перед Парламентом, Кромвэлл цитировал Библию: «...что же скажут вестники народа? То, что Господь утвердил Сион, и в нем найдут убежище бедные из народа Его...»³⁸⁵. В данном случае О. Кромвэлл соединил национальный нарратив и религиозный, подводя под идею национальной избранности религиозные основания, полагая, что на англичан возложена особая миссия превратить свою страну во второй Израиль. Спустя несколько недель, Оливэр Кромвэлл вновь цитировал Библию: «...Господь с вами, когда вы с Ним; и если будете искать Его, он будет найден вами; если

³⁸³ Williams R. The Bloudy Tenent of Persecution / R. Williams. — L., 1848. — P. 9.

³⁸⁴ Проповедь Джона Хукэра (John Hooker) «The Danger of Desertion» цит. по: The Puritans in America: A Narrative Anthology / eds. A. Heimert, A. Delbanco. — Harvard, 1985. — P. 68 — 69.

³⁸⁵ Исая. 14, 32.

же оставите Его, Он оставит вас...»³⁸⁶. На этот раз политический подтекст более очевиден. Кромвэлл явно стремился простимулировать развитие новой политической идентичности, основанной, в том числе, и на лояльности.

Библейские образы активно использовались для подчеркивания политических целей. Накануне провозглашения Республики Нэтэниэл Хоумз непосредственно апеллировал к Библии, настаивая на необходимости свержения монархии: «...наступает время лишить монархию трона и утвердить, согласно псалму 149³⁸⁷, демократию...»³⁸⁸. С другой стороны, Джон Гудвин ссыался на Библию, когда речь шла о принятии радикальных мер относительно короля Чарлза: «...Святые будут иметь честь исполнить приговор, который подписан блуднице...»³⁸⁹. На данном этапе негативные образы из Библии четко ассоциировались с монархией, роялистами, внешними противниками и другими врагами революции.

В период революции в политическом языке цитаты и ссылки на Библию были столь часты, что для обозначения некоторых английских реалий использовались библейские образы, например – Вавилон, Египет... В 1650 году Айзэк Пэннингтон описывал Лондон так, что тот был похож на Вавилон³⁹⁰. С другой стороны, период монархии ассоциировался для него с «вавилонским пленом». Поэтому, он полагал, что революция должна стать очищением английской политической нации: «...когда Бог избавляет свой народ от Вавилона, он приводит его не просто на Сион... но

³⁸⁶ 2-я книга Паралипоменон. 15, 2

³⁸⁷ Вероятно, речь шла о следующих словах: «...заклЮчить царей их в узы, и вельмож их в оковы железные...». Присутствовавшие не нуждались в объяснении, что свидетельствует о глубине интеграции библейских текстов в политическое сознание. Комментируя склонность английских политиков периода Революции к цитированию Библии, Кр. Хилл полагает, что Библия «не создала новой политической философии», а была лишь «портфелем с цитатами». См.: Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века. – С. 209.

³⁸⁸ Homes N. A Sermon Preached before the... Lord Mayor and other London dignities / N. Homes. – L., 1650.

³⁸⁹ Goodwin J. Anti-Cavalierisme / J. Goodwin. – L., 1642.

³⁹⁰ Pennington I. Babylon the Great Described / I. Pennington. – L., 1650.

в пустыню, где храм еще не возведен... это долгий путь – от Вавилона к Сиону...»³⁹¹.

Этот процесс очищения в перспективе мог стать формированием особого типа английской идентичности, новой идентичности новой политической нации, основанной на гражданских республиканских ценностях. С другой стороны, существовал достаточно influential тренд соединения политической идентичности с религиозной, хотя подобные тенденции существовали и до революции. Это выражалось в критике с религиозных позиций католиков. Подобный религиозный антикатолический национализм был связан и с культивированием концепта «английскости». Вероятно, для английских политиков было легче облекать свои мысли в религиозные категории.

Поэтому, в некоторых текстах мы можем встретиться с весьма интересными преломлениями литературного дискурса. Утверждение Томаса Картрайта, что «минуя многие другие нации, Бог доверил Евангелие нашей нации» звучит относительно спокойно на фоне слов Джона Эйлмэра о том, что «Бог – англичанин»³⁹² и Джона Лили, утверждавшего, что «живой Бог – это только английский Бог»³⁹³. Эта полемика была лишена исключительно религиозного характера, а имело политический подтекст, так как была связана с политическими предпочтениями Англии в мире. Когда в Англии было в разгаре политическое противостояние накануне гражданской войны Вильям Бридж, обращаясь к солдатам, воевавшим на стороне парламента, говорил: «Ныне вы исходите из Египта к земле обетованной»³⁹⁴.

В период республики Джон Оуэн использовал вавилонские образы с целью подчеркнуть несправедливый характер монархии как «тирании антихристовой»³⁹⁵. Кромвэлл описывался его сторонниками как второй Моисей, а его активность сравнивалась с вы-

³⁹¹ Pennington I. Some Considerations Concerning the State of Things / I. Pennington // Pennington I. Works / I. Pennington. – 1784. – Vol. 1. – P. 453.

³⁹² Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века. – С. 290 – 291.

³⁹³ Lyly J. Euphues his England / J. Lyly // Lyly J. Works / J. Lyly / ed. R.W. Bond. – L., 1902. – Vol. 2. – P. 210.

³⁹⁴ A Sermon Preached unto the Volunteers of the City of Norwich and also to the Volunteers of Great Yarmouth. 1642.

³⁹⁵ См.: Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века. – С. 132.

водом евреев из Египта³⁹⁶. В революционную эпоху вавилонские образы в политическом и культурном дискурсе Англии имели сугубо негативные коннотации. Джон Роджэрс, например, писал о связи ига – вавилонского и норманнского³⁹⁷, что подчеркивало глубину и степень проецирования библейских образов не только на английскую действительность, но и хронологически отдаленную от событий революции историю.

Религиозная риторика активно использовалась для создания образа врага. В этом контексте утвердилась устойчивая коннотация между географическим Севером и врагами революции. Примечательно, что и библейские образы Вавилона ассоциировались с Севером. В 1640 – 1650-е годы в Англии появилось несколько «северных» памфлетов – «Угроза Англии с Севера», «Избавлении Англии от северного пресвитерства»... В одном из текстов периода революции мы читаем: «...смотрите, народ приходит из Северной страны... они жестоки и не имеют жалости... меч врага и ужас с обеих сторон...»³⁹⁸. Некий «северный грабитель» фигурирует и в стихах революционного периода у Хэррика³⁹⁹. Под «врагами» и «грабителями» в этом контексте, скорее всего, подразумеваются шотландцы, которые поддерживали короля.

Религия и религиозные, главным образом, библейские, образы играли немалую роль в английской истории эпохи Реформации и Революции. Вероятно, оба эти события, в некоторой мере, имели революционный характер. В то время, когда Реформация привела к религиозным переменам революционного масштаба, английская революция соединила политические и религиозные чувства английской политической нации. Библия, прочитанная многими англичанами, стала причиной их политической активности наряду с факторами социального и экономического, а так же политического характера. Библейские нарративы широко использовались в трех измерениях.

Первое, подчеркнуть не просто свою набожность и религиозность, но принадлежность к Церкви, истинной и правильной Церкви, в качестве которой англичане были склонны позициони-

³⁹⁶ Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века. – С. 133.

³⁹⁷ Rogers J. Sagrir, or Dooms-day drawing nigh. – L., 1654.

³⁹⁸ Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века. – С. 142.

³⁹⁹ Herrick. Political Works / Herrick / ed. I. Martin. – Oxford, 1956. – P. 224.

ровать ту Церковь, что существовала именно в Англии. Правда, относительно самой Церкви, ее форм, организации и характера среди англичан, которые весьма условно раскололись на сторонников Англиканской Церкви и ее противников в период Реформации и Революции дебаты, которые переросли границы религиозных, став политическими, так и не утихали. Своеобразная библейская религиозность носила массовый характер, что постепенно вело к нивелированию роли Библии. Библейская политическая культура – временный феномен, прелюдии модернизации и английской секуляризации.

Второе, Библия, как я неоднократно отмечал, активно использовалась в политической борьбе. Чтение Библии было той школой, где англичане учили политическую науку своего времени. Именно библейские тексты давали им образцы, сценарии и стратегии сугубо светского и политического поведения. Именно, читая Библию они приходили к выводу о том, что самодержавная власть не является добром, а тирания – зло, с которым следует бороться. С другой стороны, придя к таким политическим заключениям, они облекали их в религиозные формы. Иначе и быть не могло: англичане в отличие от американских, французских или русских революционеров не имели под рукой другого (ни светского, ни религиозного) текста, на который они могли бы сослаться.

Третье, чтение Библии способствовало политической консолидации несмотря на то, что события, описанные в ее текстах имели к англичанам весьма косвенное отношение лишь в силу того, что те являлись христианами. Но перенос библейских образов, столь понятных и эмоциональных, оказался весьма продуктивным в деле развития идентичности английской нации. Внимательное чтение Библии помогло английским интеллектуалам осознать себя именно английскими интеллектуалами и противостоять соседям-католикам.

Но век доминирования библейской политической культуры в Англии оказался не столь долгим, как мы могли бы предположить. XVIII столетие было отмечено значительными тенденциями секуляризации. Отпадение американских колоний (которые создали религиозные фанатики, чьи потомки совершили антианглийскую революцию под политическими лозунгами без излишнего религиозного энтузиазма) и очень светская, антиклерикальная революция в соседней, отделенной проливом, Франции, наполеоновские войны – настойчиво продемонстрировали англичанам,

что в категориях библейской культуры думать не следует, хотя, вероятно, они поняли это и сами и гораздо раньше.

Иными словами, Библия была очень узким полем для развития английской идентичности, которое к тому же истощило свои ресурсы, став бесплодным и не столь перспективным относительно других интеллектуальных полей, возделывание которых обещало щедрый политический урожай. История и литература, которые своим появлением в Англии в значительной степени были обязаны английской Библии, стали новыми каналами для развития, культивирования и позиционирования английской идентичности.

ДИСКРУСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОЭТИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ: НА ПУТИ К РОЖДЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ МИФОВ

В разделе «Английская пьеса елизаветинской эпохи в контексте развития национализма и идентичности» я попытался показать, что литературные тексты играют не менее важную роль в формировании, развитии и поддержании идентичности, чем политические тексты – памфлеты, манифесты, воззвания. Литературный текст в широком смысле – сфера реализации различных идентичностных проектов. Идентичности, представленные в виде текстов, точнее те идентичности, о которых мы можем судить, опираясь на те или иные нарративные источники – не всегда являются культурными идентичностями.

Художественный текст – площадка для развития политических и этнических идентичностей, особенно – если в стране существует достаточно жесткий цензурный режим, а сами границы и пределы этнического / национального не определены четко, а только формируются. Писатели, наряду с историками, всегда были первыми идеологами и теоретиками национализма – политического, культурного, этнического. История английской литературы – это, в значительной степени, история английского национального проекта, постепенного утверждения английского языка, развития английской идентичности и английской политической нации.

Художественные тексты – первые памятники английского национализма. С другой стороны, тексты интересны в более широком дискурсе – в контексте постоянно изменяющихся и развивающихся идентичностей. Иными словами, используя нарративные источники, мы можем рассмотреть, какие изменения претерпевала английская идентичность. Обратимся к времени наиболее динамичного развития английской идентичности – XVI и XVII

столетиям. Реформация и Революция были двумя событиями, которые в значительной степени способствовали росту национального самосознания, консолидации жителей Англии.

Реформация, официально давшая право чтения Библии на английском языке, стала важнейшим стимулом для развития английского языка. Не следует забывать, что именно язык является одним из важнейших факторов, которые способствуют развитию национальной идентичности. Если Реформация перенесла английский язык из аграрной периферии и городов на книжные страницы, то дальнейшие события, рост пуританизма, появление политической оппозиции и Революция способствовали политизации языка. Эти два столетия демонстрируют несколько интересных и различных дискурсов развития идентичности. Принимая во внимания, что этот период был временем активного утверждения английской идентичности, мы можем предположить, что на том этапе различные идентичностные тренды и проекты не только существовали, но и конкурировали.

Это – период утверждения своеобразного идентичностного мейн-стрима и вытеснения за пределы политического дискурса проектов маргинального плана. В этом разделе речь пойдет о различных идентичностных дискурсах представленных в текстах различных английских авторов. Между этими людьми не так много общего, за исключением того, что все они были English, но дискурсы такого явления как Englishness, содержащиеся в их текстах, весьма разнообразны. В качестве источников для настоящего раздела я остановился на нескольких текстах, выбор которых весьма произволен, но именно эта случайность позволяет взглянуть на то, как изменялся, развивался и преломлялся идентичностный дискурс.

Ниже мы будем обращаться к текстам Энн Эскью (1521 – 1546), Томаса Бэйтсона (1570 – 1630), Афры Бэн (1640 - 1689), Джозефа Эддисона (1672 – 1719). Анализ их текстов позволяет нам рассмотреть идентичностный дискурс, попытаться выяснить, как на него влияли факторы социальной, политической и гендерной принадлежности.

Все вышеперечисленные авторы являлись носителями различных идентичностей. Энн Эскью (Anne Askew) – фигура в значительной степени уникальная. Прожив всего двадцать лет, она успевала побывать замужем, быть выгнанной мужем из дома по религиозным соображениям, проповедовать, быть арестованной, судимой церковными властями и... казненной: ее останки

были заряжены в пушку и ими выстрелил за пределы лондонской стены⁴⁰⁰. Томас Бэйтсон (Thomas Bateson), как и Энн Эскью, носитель религиозной идентичности. Правда, судьба его сложилась более благополучно: в возрасте шестидесяти лет он умер в Дублине, где служил викарием с 1609 года. Джозэф Эддисон (Joseph Addison), писавший на английском и французском языках, закончивший Оксфорд, занимавшийся политикой явно принадлежал к т.н. «высокой культуре», о чем, в частности, свидетельствует место его захоронения – Вэстминстэрское аббатство.

Среди четырех вышеупомянутых авторов – две женщины. Предыдущие параграфы выдержаны в категориях преимущественно мужской истории. До XVI века женщины не так часто попадали на страницы источников. Это были или святые или ведьмы, но мы мало чего о них знаем, а их образы лишены индивидуальности. Они словно не выделены из того сообщества, к которому принадлежали. XVI и XVII столетия были веком Реформации и Революции, началом новой истории в Англии, что было ознаменовано кризисными тенденциями в существовании и функционировании традиционного общества.

Обратимся непосредственно к текстам.

Из текстов Энн Эскью сохранилось несколько образцов ее поэзии, среди которых «Баллада», сочиненная и исполняемая ею в Ньюгэйт. Баллада демонстрирует несколько идентичностных дискурсов. Первый – гендерно-ролевой. Энн Эскью позиционировала себя в образе рыцаря:

Like as the armed knight
Appointed to the field,
With this world will I fight
And Faith shall be my shield...⁴⁰¹

образе явно мужском, что подчеркивает маргинальность ее идентичности. В этом контексте интересно то, что она была выгнана мужем, избрала себя мужское для того времени призвание пропо-

⁴⁰⁰ См. подробнее: *The Early Modern Englishwoman: A Facsimile Library of Essential Works. Printed Writings, 1500-1604* / ed. John N. King, Betty S. Travitsky, Patrick Cullen. - Aldershot, 1996. – Vol. I: Anne Askew.

⁴⁰¹ *The lattare examinacyon of Anne Askewe, lately martyred in Smythfelde, by the wycked Synagoge of Antichrist, with the Elucydacyon of Johan Bale.* – Wesel, 1546. – P. 63 – 65.

ведника, что, вероятно, может быть объяснено и некоторыми нарушениями в плане сексуальной ориентации. Хотя некоторые моменты ее произведений

I am not she that list
My anchor to let fall
For every drizzling mist
My ship substantial...⁴⁰²

демонстрируют весьма специфическое отношение к собственной половой идентификации. Оставим проблемы этой ориентации и обратимся к ее религиозным предпочтениям. Тексты Энн Эскью содержат немало религиозных образов, что заметно уже во фрагменте, который приведен выше. Вера, вероятно, именно личная вера:

Faith is that weapon strong
Which will not fail at need.
My foes, therefore, among
Therewith will I proceed...⁴⁰³

рассматривалась Энн как путь к спасению. Это подчеркивает, что ее религиозная (внегендерная) идентичность развивалась как протестантская. Тексты Энн, вероятно, демонстрируют наиболее ранние дискурсы не католической идентичности в Англии, которые отличались сочетанием протеста против Католической Церкви с наличием религиозного фанатизма.

Некоторые элементы фанатизма мы находим и в тексте Томаса Бэйтсона «Sister, Awake! Close not Your Eyes», несущим и некоторые элементы будущей «высокой культуры», характерной, в частности, для Дж. Эддисона. Образ «Sister» является не просто сложным и многозначным, он демонстрирует несколько уровней идентичности автора. Вероятно, мы можем констатировать наличие, по меньшей мере, трех уровней - религиозного, национального и политического. «Sister» – это и Церковь, к которой автор обращается с призывом сохранить религиозную чистоту:

Sister, awake! close not your eyes,
The day her light discloses;

⁴⁰² The lattr examinacyon of Anne Askewe...

⁴⁰³ The lattr examinacyon of Anne Askewe...

And the bright morning doth arise
Out of her bed of roses...⁴⁰⁴

Это и сама Англия, которая медленно пробуждается, приступая к строительству нового мира, нового Царство Божьего на земле:

See the clear sun, the world's bright eye,
In at our window peeping;
Lo, how he blusheth to espy
Us idle wenches sleeping!⁴⁰⁵

В этом контексте заметно сочетание религиозной идентичности с этнической, что плавно перетекает в политический контекст:

Therefore awake, make haste I say,
And let us without staying
All in our gowns of green so gay
Into the park a maying...⁴⁰⁶

Примечательно то, что Томас Бэйтсон умер за десять лет до начала Английской революции, а приведенный выше фрагмент можно интерпретировать как предчувствие грядущего политического пробуждения и религиозного очищения Англии.

«Высокая культура» в Англии складывалась на протяжении XVII века, что было, вероятно, реакцией традиционных политических элит на крайности пуританской революции. Некоторые элементы «высокой культуры» мы можем констатировать в произведениях Афры Бэн (Aphra Behn). В разделе «Английская пьеса елизаветинской эпохи в контексте развития национализма и идентичности» я констатировал некий ориенталистский мотив в пьесе Томаса Хэйвуда «Красотка с Запада». Подобные настроения мы можем найти и в некоторых произведениях Афры Бэн, в частности – в «Абделаazarской песне»:

Love in fantastic triumph sat,

⁴⁰⁴ Bateson Th. Cantus. The first set of English madrigals / Th. Bateson. – L., 1604.

⁴⁰⁵ Bateson Th. Cantus. The first set of English madrigals...

⁴⁰⁶ Bateson Th. Cantus. The first set of English madrigals...

Whilst bleeding hearts around him flow'd,
For whom fresh pains he did create,
And strange tyrannic power he shew'd;
Which round about in sport he hurl'd;
But 'twas from mine he took desire
Enough to undo the amorous world.
From me he took his sighs and tears,
From thee his pride and cruelty;
From me his languishments and fears,
And every killing dart from thee;
Thus thou and I the God have arm'd,
And set him up a Deity;
But my poor heart alone is harm'd,
Whilst thine the victor is, and free...⁴⁰⁷

Восточные мотивы на данном этапе еще не обрели самостоятельного значения в английской литературе, используя почти исключительно ради подчеркивания пропасти и разрыва между Востоком и Западом. Образ Ориента у А. Бэн, в отличие от более поздней английской литературы, прост. Ориент используется как топос чуждости, восточной страсти, доминирования чувств, которые не подконтрольны человеческому разуму. Английские авторы только пробовали свои силы в описании Востока. Европа с ее историей и рациональным духом пока интересовала их гораздо больше.

Тексты Дж. Эддисона отразили некоторые из тех метаморфоз, которые претерпела высокая культура. Перед нами и интерес к античности, стремление вывести именно оттуда политические истоки современности и историзировать саму идею политической нации. С другой стороны, Дж. Эддисон не был чужд и интереса к местной, национальной, английской истории. Для дискурса английской «высокой культуры», представленной в текстах Дж. Эддисона, характерна попытка соединить высокую культуру, европейскую образованность, подчеркнуть свое знакомство с античной культурой и современными (для того времени) традициями романских народов в контексте доминирования национального нарратива.

Джозэф Эддисон писал на английском языке, его тексты – именно английская рефлексия над континентальной романской

⁴⁰⁷ Behn A. Miscellany, being a collection of poems by several hands / A. Behn. – L., 1685.

Европой. Если у Арфы Бэн мы находим элементы складывающегося ориентализма, то в текстах Дж. Эддисона заметен так же формирующийся окцидентализм в его романском (или пророманском, романофильском) варианте. В некоторых текстах поэта заметны попытки синтезировать английскость с европейскостью, подчеркнуть причастность и принадлежность Англии к античной традиции в сфере культуры и политики.

В этом контексте показательно поэтическое посвящение Дж. Эддисона лорду Чарлзу Галифаксу. Уже в самом названии стихотворения «A Letter from Italy To The Right Honourable Charles Lord Halifax In The Year MDCCI» английское сливается с романским. Эпиграф, взятый из «Георгик» Вергилия: «*Salve magna parens frugum Saturnia tellus // Magna virûm! tibi res antiquae laudis et artis // Aggredior, sanctos ausus recludere fontes*» был призван подчеркнуть принадлежность английской «высокой культуры» к европейской традиции. Англия в этом произведении фигурирует как *Britannia*⁴⁰⁸, что сделано, вероятно, с целью подчеркнуть ее древность, равный характер с Италией – наследницей Рима. В текстах Дж. Эддисона заметны и религиозные, мотивы, которые почти не имеют ничего общего с религиозным фанатизмом более ранних авторов уже в силу того, что Бог фигурирует в них на равнее с Разумом:

Their great original proclaim:
Th' unwearied Sun, from day to day,
Does his Creator's power display,
And publishes to every land
The work of an Almighty Hand...
In Reason's ear they all rejoice,
And utter forth a glorious voice,
For ever singing, as they shine,
"The Hand that made us is Divine"⁴⁰⁹

что свидетельствует о начале периода кризиса и распада библейской культуры в Англии под напором начинавшейся секуляризации, которая несла новые идентичностные типы. Тексты, написанные Дж. Эддисоном, демонстрирует тот пласт английской

⁴⁰⁸ Addison J. A Letter from Italy, to the Right Honourable Charles, Lord Halifax ... 1701 / J. Addison. – L., 1709.

⁴⁰⁹ Addison J. Ode / J. Addison // The Spectator / eds. J. Tonson, R. Tonson. – L., 1712.

идентичности, который в наибольшей степени соотносился с границами английской политической нации, почти совпадавшей с пределами доминирования «высокой культуры».

В связи с этим показательна поэма Дж. Эддисона «Перечень величайших английских поэтов» («An Account of the Greatest English Poets»). Этот текст стал попыткой с национальной позиций рассмотреть историю английской литературы. Отталкиваясь именно от принципа английскости, первым великим английским автором объявляется Джэффри Чосэр («Till Chaucer first, the merry bard, arose») ⁴¹⁰.

Поставив на первое место Дж. Чосэра, Дж. Эддисон полагал, что тот дал мощный импульс для использования народной, традиционной культуры, которая была непосредственно связана с культурными традициями англосаксов, которые доминировали до 1066 года. Отсюда, в тексте – набор почти стереотипных образов, таких как «fields», «dragons», «woods»:

In ancient tales amus'd a barb'rous age;
An age that yet uncultivate and rude,
Where'er the poet's fancy led, pursu'd
Through pathless fields, and unfrequented floods,
To dens of dragons and enchanted woods.
But now the mystic tale, that pleas'd of yore,
Can charm an understanding age no more;
The long-spun allegories fulsome grow.
While the dull moral lies too plain below.
We view well-pleas'd at distance all the sights
Of arms and palfreys, battles, fields, and fights⁴¹¹...

которые последующие поколения английских авторов, в первую очередь – романтиков, четко ассоциировали с английскостью, с основами национальной идентичности. Именно в этих лесных и полевых, почти - идиллических, декорациях и разворачивались события английской истории («battles»), что весьма показательно в контексте попыток носителей «высокой культуры» преподнести свою идентичность как исторически обусловленную и predetermined. С другой стороны, Дж. Эддисон ностальгирует

⁴¹⁰ Addison J. An Account of the Greatest English Poets / J. Addison // The Annual Miscellany, for the year 1694 / ed. John Dryden. – L., 1694.

⁴¹¹ Addison J. An Account of the Greatest English Poets...

по «старым, добрым временам», сетуя, что «the pleasing landscape fades away»⁴¹². Литературные тексты являются важными свидетельствами развития идентичности, как политической, так и национальной.

История литературы стала не просто сменой стилей и направлений, она отразила те изменения, которые претерпела английская идентичность. Литературная мощная традиция, возникшая в результате Реформации, достаточно долго ориентировалась именно на религиозные темы и сюжеты, а светские мотивы оставались вне литературного поэтического дискурса. Английская революция стала не только мощным религиозным, но и политическим движением.

Политизация революции привела и к значительным переменам в рамках различных идентичностных проектов, предлагаемых английскими авторами. Политизация религии, религиозной борьбы привела к тому, что политический и культурный дискурс в Англии стал более светским. Секуляризация привела к появлению не только новых тенденций в развитии религиозных идентичностей, но и к возникновению новых идентичностных проектов. Секуляризация в значительной степени стимулировала национальное воображение английских авторов. Кроме религиозных появились новые темы, связанные с формированием и развитием воображаемой географии. В Англии начинает складываться окцидентализм и ориентализм.

В XVIII столетии Англия уже не желала довольствоваться репутацией острова религиозных унылых и строгих фанатиков. Англия становилась влиятельной европейской державой, которая уверенно и активно выстраивала свою колониальную империю. Для Европы, для общения с европейскими интеллектуалами английским элитам был необходим окцидентализм. Для себя и своих колоний использовался ориентализм.

В XIX веке развитие двух этих тенденций продолжилось, что создало новые условия для трансформации различных идентичностей, порождаемых «высокой культурой», которая в условиях постепенно набирающей темпы модернизации выходит за пределы политических элит, трансформируясь в новую серийную, легко тиражируемую, английскую идентичность.

⁴¹² Addison J. An Account of the Greatest English Poets...

**O WILD WEST WIND,
THOU BREATH OF AUTUMN BEING...
ВООБРАЖАЯ НАЦИЮ ГЕОГРАФИЧЕСКИ
(ЛИТЕРАТУРА И ИДЕНТИЧНОСТЬ
XVI – XVII СТОЛЕТИЙ)**

В этой книге констатация того, что литература является важным каналом развития и поддержания национальной идентичности стала едва ли не общим местом. Поэтому, не повторяясь, отмечу, что английская литературная традиция стала важным стимулом для развития воображаемой интеллектуальной географии, для формирования в контексте английской идентичности комплекса нарративов, связанных с Англией.

Литературные тексты активно использовались для фиксации географических объектов, формирования новых географических образов. Английский ландшафт оказался глубоко интегрированным в английскую литературу. Тенденция зафиксировать некие узловые точки воображаемого английского политического и культурного пространства характерна уже для сочинения Беды Достопочтенного «Церковная история народа англоv». Те или иные географические мотивы и образы фигурировали в английской литературе и в более поздние периоды, в том числе и после 1066 года. Но географические мотивы были скорее исключением, чем правилом.

Английская воображаемая география в литературном измерении начинает активно формироваться лишь в XVI столетии, что было связано с Реформацией, переводом Библии на английский язык, который начинает более активно, по сравнению с предшествующими столетиями, использоваться в английском обществе в качестве не просто языка общения, но как язык Церкви, политики и литературы. Английская воображаемая география пришла в английское общество именно вместе с Библией, в которой фигурировали географические места и образы, представление

о которых большинство англичан могло сформировать исключительно через чтения Библии, не имея возможности посетить сами библейские места.

Чтение Библии привело к эмансипации, освобождению и местного, локального, английского пространства, продемонстрировав пути и возможности литературной фиксации географических образов и объектов. Библейская культура с ее многочисленными ближневосточными, египетскими и вавилонскими, образами стала важнейшим интеллектуальным стимулом для того, чтобы английские авторы перешли к литературной фиксации местного ландшафта. С другой стороны, процесс формирования английской воображаемой географии совпал с утверждением в сознании политических элит, носителей «высокой культуры» образа самой Англии.

Это так же было невозможно без Реформации, разрыва с Римом, создания независимой от папы Англиканской Церкви и перевода Библии на английский язык. Вероятно, Библия стала первым памятником английского политического национализма и учебником в деле создания собственной географии. Эта новая английская воображаемая, точнее - воображенная география, проявилась в некоторых литературных текстах, созданных английскими авторами на протяжении XVII и XVIII столетий.

Один из первых ярковыраженных географических текстов в английской литературной традиции XVII века – стихотворение Джона Донна «Good Friday, 1613. Riding Westward». Этот текст, начинающийся философско-религиозным пассажем о душе:

Let mans Soule be a Spheare, and then, in this,
The intelligence that moves, devotion is,
And as the other Spheares, by being growne
Subject to forraigne motion, lose their owne,
And being by others hurried every day,
Scarce in a yeare their naturall forme obey:
Pleasure or businesse, so, our Soules admit
For their first mover, and are whirld by it...⁴¹³

расположен на грани светского и религиозного дискурсов в английской литературе. В дальнейшем текст развивается словно между двумя своеобразными географическими полюсами – Западом и Востоком. Герой Дж. Донна, словно разрываясь между веле-

⁴¹³ Donne J. Poems / J. Donne. – L., 1633.

ниями души и разума, вынужденно делает выбор между Востоком и Западом:

Hence is't, that I am carryed towards the West
This day, when my Soules forme bends toward the East.
There I should see a Sunne, by rising set,
And by that setting endlesse day beget...⁴¹⁴

В такой ситуации религиозные мотивы в тексте Дж. Донна начинают доминировать⁴¹⁵. Возникает традиционный для протестантизма образ распятого Иисуса Христа, принесшего себя в жертву ради спасения всего человечества. Подобная роль религиозных образов подчеркивает принадлежность текста Донна к эпохе доминирования библейской культуры в Англии:

But that Christ on this Crosse, did rise and fall,
Sinne had eternally benighted all.
Yet dare I almost be glad, I do not see
That spectacle of too much weight for mee.
Who sees Gods face, that is selfe life, must dye;
What a death were it then to see God dye?...⁴¹⁶

В проведенном фрагменте возникает образ Моисея, ибо Господь предупредил пророка, что человеку не дано увидеть его Лица⁴¹⁷. Кроме этого возможна параллель с английским текстом Первого Послания Павла коринфянам, где, в частности, сказано: «...for now we see in a mirror dimly, but then face to face. Now I know in part; then I shall understand fully, even as I have been fully understood...»⁴¹⁸. В дальнейшем мы находим и другие библейские образы, а именно:

Could I behold those hands which span the Poles,
And tune all spheares at once peirc'd with those holes?
Could I behold that endlesse height which is

⁴¹⁴ Donne J. Poems...

⁴¹⁵ Это не удивительно, если принять во внимания, что Джон Донн, оставив карьеру юриста, сделал выбор в пользу религиозной проповеди, став придворным проповедником.

⁴¹⁶ Donne J. Poems...

⁴¹⁷ Исход, 33:20

⁴¹⁸ 1 Corinthians 13:12

В самом начале этого фрагмента (Could I behold those hands which span the Poles) Дж. Донн использует образы из Пророчества Захарии: «...and I will pour out on the house of David and the inhabitants of Jerusalem a spirit of compassion and supplication, so that, when they look on him whom they have pierced, they shall mourn for him, as one mourns for an only child, and weep bitterly over him, as one weeps over a new-born...»⁴²⁰.

Примечательна история самого появления текста, о котором мы говорили выше. Текст наполнен библейскими образами, но был написан в Англии, более того – создан во время поездки Джона Донна на Запад, из Лондона в Экстэр. Очевидно, что во время поездки Донн наблюдал английский ландшафт, но образы, созданные им, являются в значительной степени библейского происхождения, имея библейский бэк-граунд. Вероятно, проецирование библейских мотивов на английскую реальность, на английский ландшафт было неслучайным, а имело не только литературное, но и политическое предназначение. Сравнивая себя, как английский автор, с библейскими персонажами, Джон Донн словно уподоблял англичан евреям, стремясь подчеркнуть тем самым статус английской нации как богоизбранной.

Более поздняя английская литературная традиция нередко уделяла пристальный анализ географии и ландшафту, а не религиозным аспектам, что свидетельствует о постепенной секуляризации литературной традиции в XVIII веке. В этом контексте показательным стихотворением Томаса Грэя (1716-1771) «Elegy Written in a Country Churchyard», которое находится на границе светского и религиозного дискурсов. Сам текст открывается пограничным фрагментом, где мы видим образ пахаря, который, вероятно, призван подчеркнуть архаичность и традиционность:

The curfew tolls the knell of parting day,
The lowing herd wind slowly o'er the lea,
The plowman homeward plods his weary way,
And leaves the world to darkness and to me...⁴²¹

⁴¹⁹ Donne J. Poems...

⁴²⁰ Zechariah, 12:10

⁴²¹ Gray Th. Elegy Written in a Country Churchyard / Th. Gray // Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского. – М., 1985. – Т. 1. – Р. 326. Существует две версии перевода этого текста, вы-

Далее мы сталкиваемся уже с собственно ландшафтом, идиллической сельской географией:

Now fades the glimm'ring landscape on the sight,
And all the air a solemn stillness holds,
Save where the beetle wheels his droning flight,
And drowsy tinklings lull the distant folds...⁴²²

В отличие от Джона Донна Томас Грэй идет гораздо дальше в описании локального английского ландшафта. Нарратив Дж. Донна – это исключительно авторский нарратив, его собственная перцепция ландшафта, который является исключительно территорией, неживым ландшафтом, лишенным обитателей. В отличие от Дж. Донна английский ландшафт Томаса Грэя обретает и человеческое измерение, хотя и весьма своеобразное. Обитатели этого ландшафта – покойники, похороненные на сельском кладбище все герои мертвы:

Some village-Hampden, that with dauntless breast
The little tyrant of his fields withstood;
Some mute inglorious Milton here may rest,
Some Cromwell guiltless of his country's blood...⁴²³

Сравнивая своих покойников с историческими деятелями, уподобляя их тем, кто жил во времена английской революции, Томас Грэй историзирует ландшафт. В этом контексте показательна и сама авторская перцепция упомянутого Джона Милтона как «бесславного» поэта, а Оливера Кромвэлла, как политика, которые невиновны во вспышке насилия, имевшей место в период революции. Сельское кладбище не просто навивает воспоминания, являясь причиной исторической рефлексии, оно становится своеобразным «местом памяти». Сельское кладбище – это и повод заявить о своих политических предпочтениях.

Литературные наследники Джона Донна и Томаса Грэя стремились отойти от этой религиозной и библейской направленно-

полненные В.А. Жуковским. См. подробнее: // Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского. – М., 1985. – Т. 1. – С. 327 – 335, 576 – 579.

⁴²² Gray Th. Elegy Written in a Country Churchyard. – P. 326.

⁴²³ Gray Th. Elegy Written in a Country Churchyard. – P. 330.

сти текста. С другой стороны, своеобразная дихотомия «Запад – Восток» сохранялась. В этом контексте показательное стихотворение Перси Шэлли (1792-1822)⁴²⁴ «Ode to the West Wind»⁴²⁵. Несмотря на то, что оно было написано в Италии, текст все же содержит некоторые английские образы

O wild West Wind, thou breath of Autumn's being,
Thou, from whose unseen presence the leaves dead
Are driven, like ghosts from an enchanter fleeing...⁴²⁶

которые сосуществуют с итальянскими, что весьма показательное на фоне интереса носителей «высокой культуры» в Англии к античности, хотя Англия нередко оставалась для П. Шэлли только «my cold home»⁴²⁷. При этом следует признать, что воображаемая английская география П. Шэлли отличается некой хаотичностью и неустроенностью

...he wanders, like a day-appearing dream,
Through the din wildernesses of the mind;
Through desert woods and tracts, which seem
Like ocean, homeless, boundless, unconfined...⁴²⁸

⁴²⁴ О Перси Шэлли см.: Chernaik J. The Lyrics of Shelley / J. Chernaik. – Cleveland, 1972.

⁴²⁵ Это произведение вызывает значительный интерес у исследователей творчества поэта, хотя попыток его идентичностной интерпретации почти нет. См. подробнее: Anderson Ph. B. Shelley's "Ode to the West Wind" and Hardy's "The Darkling Thrush" / Ph. Anderson // Publications of the Arkansas Philological Association. – 1982. – Vol. 8. – No 1. – P. 10 – 14; Blank G.K. Shelley's Wind of Influence / G.K. Blank // Philological Quarterly. 1985. – Vol. 64. – No 4. – P. 475 – 491; Duffy E. Where Shelley Wrote and What He Wrote For: The Example of "The Ode to the West Wind" / E. Duffy // Studies in Romanticism. – 1984. – Vol. 23. – No 3. – P. 351 – 377; Leyda S.D. Windows of Meaning in "Ode to the West Wind" / S.D. Leyda // Approaches to Teaching Shelley's Poetry / ed. S. Hall. – NY., 1990. – P. 79 – 82.

⁴²⁶ Shelley P.B. Prometheus Unbound / P.B. Shelley. – L., 1820.

⁴²⁷ Shelley P.B. To Edward Williams / P.B. Shelley // Shelley P.B. Poems / P.B. Shelley. – SPb., 2001. – P. 18.

⁴²⁸ Shelley P.B. A Wanderer / P.B. Shelley // Shelley P.B. Poems... – P. 22.

что, вероятно, свидетельствует о том, что его идентичность развивалась как приграничная, связанная с дискурсами как «высокой культуры», носителем которой Перси Шэлли являлся и вызовами новой эпохи с ее тенденциями к массовости и серийности.

Если для Донна английская воображаемая география развивалась как продолжение библейской, то для Перси Шэлли английская воображаемая география - география, в первую очередь, европейская, связанная с истоками самой европейской культуры и цивилизации, с античностью. Это свидетельствует о том, что литературный дискурс, к которому принадлежат тексты Перси Шэлли, стал более светским и секулярным по сравнению с текстами Джона Донна, написанными в условиях доминирования англиканской религиозности и библейской культуры. У Перси Шэлли, как и Дж. Донна, фигурируют некоторые географически детерминированные образы, в частности – Восток. Восток предстает как проявление упадка, деградации, умирающей культуры:

And like a dying lady, lean and pale...
The moon arose up in the murky East,
A white and shapeless mass...⁴²⁹

Тексты другого английского поэта Мэттью Арнолда (1822 – 1888)⁴³⁰, подобно произведениям Перси Шэлли так же развиваются в рамках светского дискурса. Арнолд географически противопоставляет Англию как англо-саксонский мир и романскую Францию. В стихотворении «Dover Beach»⁴³¹ Ла-Манш играет роль естественной границы между двумя мирами, двумя идентичностями:

The sea is calm to-night.

⁴²⁹ Shelley P.B. The Waning Moon / P.B. Shelley // Shelley P.B. Poems... – P. 14.

⁴³⁰ О Мэттью Арнолде см.: Holland N.N. The Dynamics of Literary Response / N.N. Holland. – NY., 1968.

⁴³¹ Это произведение вызывает значительный интерес у исследователей творчества поэта, хотя попыток его идентичностной интерпретации почти нет. См.: Joseph G. The Dover Bitch: Victorian Duck or Modernist Duck/Rabbit? / G. Joseph // Victorian Newsletter. – 1988. – Vol. 73. – P. 8 – 10; Schneider M.W. The Lucretian Background of "Dover Beach" // Victorian Poetry. – 1982. – Vol. 19. – No 2. – P. 190 – 195.

The tide is full, the moon lies fair
Upon the straits;--on the French coast the light
Gleams and is gone; the cliffs of England stand...⁴³²

Подобное отношение к ландшафту свидетельствует, что в английской литературной традиции он подвергся значительной национализации, будучи интегрированным в национальную идентичность в контексте «мест памяти».

XVI век был временем появления английской воображаемой географии, XVII столетие отмечено преобладанием преимущественно религиозных образов, связанных с доминированием библейской политической культуры, а XVIII век стал временем постепенной секуляризации воображаемой географии, английского ландшафта. Само возникновение воображаемой / воображенной географии стало возможно в силу тех политических процессов, Реформации и Революции, которые были неразрывно связаны с формированием английской политической нации.

Английские идентичности, которые существовали и развивались на протяжении трех столетий, были разнообразными и многоуровневыми идентичностными проектами, которые нередко нуждались в некоем интеллектуальном и пространственном выражении. Возникновение английской литературной географии стало выражением и проявлением этих тенденций. Сама английская воображаемая культурная и политическая география развивалась вокруг нескольких образов, среди которых была собственно Англия, со стоящим за ней концептом *Englishness*, а так же – Восток и Запад.

На протяжении XVIII столетия в Англии умирала библейская политическая культура, на смену ей приходили новые светские течения, носители которых больше не проецировали на Англию библейские географические образы. Проблемы Запада и Востока, особой островной политической и культурной географии Британских Островов, отношения с остальной Европой и романским миром были для них более интересны и актуальны, чем религиозно маркированные искания и географические интеллектуальные конструкты авторов XVIII века.

Светская, подвергнутая секуляризации, воображаемая география была преимущественно политическим или политизированным проектом, что позволило трансформировать английский ландшафт в совокупность «мест памяти». Развиваясь именно на

⁴³² Matthew A. *New Poems* / A. Matthew. – L., 1867.

секулярной основе, обращаясь к политической и исторической рефлексии английская воображенная география перешла в XIX столетие – время умирания высокой культуры, триумфа массовых идентичностей, изобретения новых традиций.

ПАДЕНИЕ И ЧУЖИЕ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ РЕФЛЕКСИИ НОСИТЕЛЕЙ «ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII СТОЛЕТИЯ

Вероятно, носители «высокой культуры» в большей степени склонны к различного рода рефлексиям и размышлениям нежели носители «низкой культуры», хотя скудость источников и письменных сведений об угнетенных классах прошлого все же не дает нам возможности однозначно утверждать, что носители «низких» культурных идентичностей были в меньшей степени склонны к рефлексии. Но, принимая во внимание достаточно скудные размеры корпуса источников, которые своим появлением обязаны простолюдинам, исследователи интеллектуальной истории нередко вынуждены обращаться к сочинениям носителей «высокой культуры».

Интеллектуальная история Англии не является исключением. Прежде, чем непосредственно обратиться к особенностям интеллектуальной рефлексии английских интеллектуалов, следует сделать несколько вводных замечаний.

Первое, причины рефлексии. Каковы были причины, которые толкали носителей высокой культуры на рефлексию и размышление о прошлом, что нередко приводило к появлению наукообразных или научных трудов?

Причин, вероятно, могло быть несколько, но важнейшие из них связаны с углублением процессов модернизации, который толкал носителей высокой культуры на поиск новых социальных ролей. Аристократический статус нередко не соответствовал с материальным положением, и аристократия постепенно начинает уступать свои позиции, тем, к кому она некогда относилась с пренебрежением. Простолюдины отличались гораздо более зна-

чительными потенциями в деле социальной трансформации и занятии новых экономических ниш.

С другой стороны, политические события XVIII века словно подчеркивали то, что эпоха безраздельного доминирования представителей «высокой культуры» заканчивается. Если более ранние политические события носители высокой культурной традиции в Англии были склонны интерпретировать как предупреждения о грядущем апокалипсисе, что было вызвано тем, что они думали почти исключительно религиозными категориями, то интеллектуалы XVIII столетия, хотя и не были религиозными фанатиками, как их предшественники, тем не менее, политические события той эпохи излишнего оптимизма в них не вселяли.

Не исключено, что некоторые события они могли оценивать почти как Апокалипсис, но не религиозный, а государственно-политический. В частности, упомянем потерю Англией ее колоний в Северной Америке, что было воспринято носителями «высокой культуры» крайне болезненно, а после американской Войны за независимость в душевном здоровье короля Джорджа стали более заметны тревожные тенденции, хотя некоторые их проявления стали очевидны еще раньше.

Второе, распространение трудов рефлексирующих интеллектуалов. Вероятно, они редко выходили за границы того общественного и политического дискурса, границы которого были очерчены и определены носителями «высокой культуры». Число потребителей подобной книжной продукции в Англии было крайне незначительно.

Третье, интеллектуальный и политический контекст эпохи нередко стимулировал интеллектуалов к постоянной рефлексии, которая нередко была далека от оптимизма. 1770-е годы начались как время крушения старых государств. В 1772 году, в частности, состоялся первый раздел Речи Посполитой, хотя об отношении к этому событию носителей «высокой культуры» в Англии судить не так просто. В 1775 году в североамериканских колониях Англии начинается война за независимость, которая привела к Декларации независимости, поражении англичан под Саратогой и в 1783 году – признанию независимости.

Многим могло показаться, что лучшие времена Англии остались позади. Политические перемены стали действенным стимулом для интеллектуальной рефлексии носителей «высокой культуры» и некоторым новым тенденциям, которые возникли в развитии английской и английской политической идентичности. В

XVIII веке в Англии постепенно начал складываться новый образ «чужого». Этот процесс стимулировался политическими неудачами английской политики, политическими и территориальными потерями в Северной Америке.

Политические потери стимулировали не только историческую рефлексию английских интеллектуалов относительно прошлого империй и причин их гибели. Потеря колоний в Северной Америке стала одним из стимулов переориентации английского интеллектуального воображения на Восток. О формировании восточных нарративов в рамках английской «высокой культуры» речь пойдет несколько ниже. Одним из важнейших источников по истории интеллектуальной рефлексии английской аристократии является многотомное сочинение Эдварда Гиббона, написанное в период между 1776 и 1788 годами.

Речь идет о книге, которая в России известна в нескольких переводах и под разными названиями – «История упадка и разрушения Римской Империи»⁴³³, «Упадок и разрушение Римской Империи»⁴³⁴... Этот многотомный труд традиционно привлекает внимание исследователей Английского Просвещения или тех, кто занимается изучением истории исторической науки в Англии в контексте развития антиковедения⁴³⁵. В настоящем разделе перед автором не стоит задачи полного и всестороннего анализа этого многотомного сочинения – нас интересует только то, как в этом тексте отразились процессы трансформации английской «высокой культуры» и политической идентичности в контексте столь негативных для Англии политических процессов как, например, отделение колоний в Северной Америке.

Текст труда Э. Гиббона подчеркивает, что автор был носителем вероятно особой политической идентичности: «...во втором столетии нашей эры владычество христианского Рима обнимало лучшую часть земного шара и самую цивилизованную часть человеческого рода. Границы этой обширной монархии охранялись

⁴³³ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской Империи / Э. Гиббон / пер. с англ. В.Н. Неведомского. – М., 2002. – 704 с.

⁴³⁴ Гиббон Э. Упадок и разрушение Римской Империи / Э. Гиббон / пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М., 2005. – 959 с.

⁴³⁵ Об интересе английских интеллектуалов, носителей «высокой культуры» к античным традициям речь идет в разделе «Дискурсы идентичности и поэтический нарратив: на пути к рождению национальных мифов» настоящей книги.

старинной славой и дисциплинированной храбростью...»⁴³⁶. В приведенном выше фрагменте Э. Гиббон не был чужд проведения аналогии между политической стабильностью некогда существовавшей Римской Империи и Англии, которая утратила свои заморские владения, в частности – в религиозной и политической сферах.

Значительное внимание в проведении аналогий между Римской Империей и Англией Э. Гиббон уделял фактору христианства: «...чистая и смиренная религия тихо закралась в человеческую душу, выросла в тиши и неизвестности, почерпнула свежие силы из встреченного ею сопротивления и, наконец, водрузила свое победоносное знамя...»⁴³⁷. Не исключено, что, описывая христианизацию Рима, Э. Гиббон руководствовался английским национальным опытом проведения религиозной Реформации, религиозного возрождения, борьбы английских протестантов против католиков.

С другой стороны, Э. Гиббон подчеркивал немалое сходство в сфере внешней политики Англии и Римской Империи, указывая на то, что в лучшие периоды своей истории эти державы существовали в условиях «спокойного и цветущего положения империи»⁴³⁸ и «всеобщего мира»⁴³⁹. Подобно тому, как Римская Империя контактировала с «самыми надменными варварами»⁴⁴⁰, Англия так же несла свет цивилизации другим народам до тех пор, пока она не потеряла свои колонии в Северной Америке. Выше мы констатировали, что потеря американских территорий привела к интеллектуальной переориентации носителей «высокой культуры» на Восток.

Поэтому, в труде Э. Гиббона немалую роль играют нарративы, связанные с формированием образом Ориента и восточных народов. Восток для Э. Гиббона – это, как правило, исламский мир, хотя Э. Гиббон был не первым англичанином, поднимавшим в своих работах проблемы, связанные и исламом как чуждой Европе и христианству религией. Иными словами, исламская тема активно использовалась Э. Гиббоном в интеллектуальной рефлекс-

⁴³⁶ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской Империи. – С. 10.

⁴³⁷ Там же. – С. 98.

⁴³⁸ Там же. – С. 11.

⁴³⁹ Там же. – С. 10.

⁴⁴⁰ Там же. – С. 10.

сии для формирования образа чужого и другого⁴⁴¹. По мнению Гиббона, полагавшего, что Византийская Империя является непосредственным наследником Римской Империи, ислам исторически возникал и развивался как враждебная римской политической традиции религия.

Э. Гиббон подчеркивал, что Мухаммед⁴⁴² «держал в одной руке меч, а в другой Коран воздвиг свой престол на обломках греческой монархии»⁴⁴³. Относительно создателя ислама Э. Гиббон полагал, что тот «...не имел нужных способностей, чтобы создать моральную систему и политическое устройство для своих земляков...»⁴⁴⁴. Продолжая развивать европейские, точнее – христианские, представления о создателе ислама, Э. Гиббон способствовал появлению новых стереотипов относительно Востока в целом. Арабский Восток, жители которого «отличались изощренной злобой»⁴⁴⁵, для Э. Гиббона был синонимом отсутствия культуры, элементарного порядка.

Аравия для английского интеллектуала XVIII века представлялась землей всеобщей анархии – всепроникающего насилия и такой же, ничем не контролируемой свободы. «Аравия, свободная сама и грозная для других»⁴⁴⁶, – таким словами характеризовал Э. Гиббон арабский мир. Арабский мир был для Э. Гиббона своеобразным топосом дикости: «...арабы лошадей выращивают в шатрах вместе с детьми... жизнь араба-кочевника опасна и полна бедствий... путем грабежа он может приобрести изделия ремесел... каждый араб может безнаказанно направить копье на своего земляка...»⁴⁴⁷.

Поэтому, по мнению Э. Гиббона, важнейшим качеством арабов была «кроважность, не знающая ни жалости, ни прощения».

⁴⁴¹ Формирование восточных образов в английской культуре началось задолго до Э. Гиббона. Об этом речь, в частности, идет в разделе «Английская пьеса елизаветинской эпохи в контексте развития национализма и идентичности» настоящей книги.

⁴⁴² О восприятии Э. Гиббоном Мухаммеда см.: Луис Б. Гиббон о Мухаммеде / Б. Луис // Луис Б. Ислам и Запад / Э. Гиббон. – М., 2003. – С. 137 – 159.

⁴⁴³ Гиббон Э. Упадок и разрушение Римской Империи. – С. 678.

⁴⁴⁴ Там же. – С. 726.

⁴⁴⁵ Там же. – С. 686.

⁴⁴⁶ Там же. – С. 727.

⁴⁴⁷ Там же. – С. 680, 681, 685.

ния»⁴⁴⁸, а ислам в такой ситуации позиционировался как стимул, который способствовал «разжиганию алчности»⁴⁴⁹. Культивируя подобные нарративы, Э. Гиббон способствовал формированию стереотипов о Востоке как преимущественно диком регионе, с которым сложно иметь нормальные контакты, но который нуждается в европейской колонизации и привнесении европейской, более правильной и развитой, культуры.

Помимо арабов для формирования восточных образов Э. Гиббон активно использовал и турецкие мотивы. Сознание Э. Гиббона было, вероятно, европоцентричным и, подобно арабам, в отношении турок английский автор почти не находил добрых слов. Относительно миграции турок Э. Гиббон полагал, что их передвижения стали «самой горестной потерей христианской церкви»⁴⁵⁰, а турок стал жестоким завоевателем и разрушителем христианских церквей и храмов. Особую неприязнь у Э. Гиббона вызывает принудительная исламизация христиан, в рамках которой «тысячи детей были отмечены ножом обрезания»⁴⁵¹.

Вероятно, в этом случае устами Э. Гиббона говорит не христианин, а носитель западной культуры, которая во второй половине XVIII века существенно пересмотрела свое отношение к насилию, почти возведя в ранг идеала политические свободы. Чем следует объяснять антитурецкие настроения Э. Гиббона? Англия, которая, в отличие от других европейских регионов, не подверглась турецкому завоеванию, тем не менее, была достаточно активной в восприятии и дальнейшем развитии и культивировании антитурецких идей, которые естественным образом возникали на фоне тех преследований, которым на Балканах подвергались местные христиане. Кроме этого, англичане-протестанты, вероятно, были знакомы с некоторыми «турецкими» работами Мартина Лютера, где сам основоположник протестантизма создает далеко не самый благоприятный образ турка – нехристианина, мусульманина и завоевателя христианских народов.

Подводя итоги этого небольшого раздела, остановимся на некоторых особенностях интеллектуальной рефлексии в Англии во второй половине XVIII столетия, представленной в текстах Э. Гиббона. Идентичность Э. Гиббона имела, безусловно, светский характер, что было, вероятно, вызвано его принадлежностью к

⁴⁴⁸ Там же. – С. 686.

⁴⁴⁹ Там же. – С. 717.

⁴⁵⁰ Там же. – С. 777.

⁴⁵¹ Там же. – С. 777.

«высокой культуре». Религиозные мотивы, скорее всего, не сближают Э. Гиббона с более ранней интеллектуальной традицией, а, вероятно, наоборот, отдаляют его от нее. Если для его интеллектуальных предшественников религия и библейская культура могли быть основой самой интеллектуальной рефлексии или очень значимым фактором, то для Э. Гиббона религиозные мотивы никогда не имели определяющего характера. Более того, его основной текст, посвященный некоторым проблемам политической истории Рима, имел сугубо светский, секулярный характер.

Религиозные мотивы в этом случае возникали исключительно в качестве составных элементов широкой интеллектуальной политической светски ориентированной рефлексии. Вероятно, религия, принадлежность к Церкви играли некоторую роль в формировании образов «чужого», но и в этом случае их значение не было определяющим. Формирование комплекса нарративов, призванных описать и проиллюстрировать существование и функционирование Ориента-Востока, как топоса чуждости, было, скорее всего, подчинено политической задачи – показать и доказать, что разрушение империи пришло извне, с Востока и, поэтому, в дихотомии «Запад – Восток» не может быть компромиссов.

Восток для Э. Гиббона – зона интеллектуальной рефлексии и ментальной колонизации. С появлением книги о Риме Европа смогла более отчетливо осознать себя именно как Европа, понять себя в качестве наследниц Римской Империи, противопоставив при этом неевропейскому Востоку. Текст Э. Гиббона – один из первых элементов формировавшегося тогда английского колониального дискурса, один из первых текстов в корпусе сочинений, где Запад и Восток фигурируют как антиподы, противостояние которых вызвано не просто политическими, но более глубокими – историческими, религиозными, культурными – причинами.

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ НАЦИЯ: МАРГИНАЛЬНЫЕ ДИСКУРСЫ АНГЛИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКОВ

В одном из предыдущих разделов мы высказали предположение, что процессы секуляризации оказали существенное влияние на развитие английской нации, на проявления ее политической и культурной идентичности в различных дискурсах. Для XVI и XVII столетий важнейшим каналом, который широко и активно использовался для подчеркивания своей идентичности, как правило, оппозиционной и ее транслирования, была протестантская религиозность. XVIII век был отмечен усилением секулярных тенденций, что постепенно вело к все более глубокой и ярко выраженной политизации английского общества.

В такой ситуации религия оказалась чрезвычайно узкой сферой для культивирования новых идентичностей. На смену религии приходят светские политические дискурсы, представленные, в первую очередь, в английской литературе. С другой стороны, между двумя этими тенденциями, между идеей протестантской английской нации и идеей английской нации, как светского политического проекта, существовала непосредственная связь. Возникновение английской светской литературы было немыслимо без Реформации, которая превратила до этого преимущественно разговорный английский язык в язык написания литературных и политических текстов.

Литература и политика в этом контексте развивались по принципу почти неразрывной и неразделимой дихотомии, поддерживая и взаимодополняя друг друга. Тенденция к смыканию литературы и политики существовала в Англии уже в XVII столетии, но тогда доминировала религия, а политические и литературные дискурсы нередко играли подчиненную роль, будучи глубоко интегрированными в религиозный контекст. В XVIII веке

литература в значительной степени освободилась от этого влияния религии, своеобразного религиозного диктата, превратившись в канал для транслирования и популяризации идентичностных проектов среди различных слоев английского общества.

Английские политики, писатели и предприниматели в то время нещадно эксплуатировали печатный станок, внеся в него некоторые технологические изменения, что привело к нескольким важным результатам. Скорость выхода печатной продукции увеличилась, ее тиражи росли, а цены на нее, наоборот, падали. В такой ситуации происходят значительные перемены в контексте развития английской идентичности. Если на более ранних этапах, идентичность нередко была связана с отдельными сообществами, а различные интеллектуальные группы и стоящие за ними культурные и идентичностные тренды отличались и варьировались, то на протяжении XVIII века идентичность вместо плюральной (множественно разнообразной) постепенно становится серийной и сингулярной.

Проявлением исторического триумфа серийности и сингулярности в Англии конца XVIII – начала XIX веков стала массовая поэтическая литература, на феномене которой в контексте развития различных политических идентичностей, мы остановимся в этом разделе. До этого в Англии существовала только одна массовая (вероятно, можно утверждать серийная) книга – Библия. Но Библия была системообразующим элементом и основой другой, религиозной, идентичности и культурной традиции. На фоне политических перемен, имевших место в XVIII веке Библия казалась книгой безнадежно и совершенно устаревшей.

Такой переоценке взгляда на Библию и ментальной и интеллектуальной гибели пуританской нации способствовали отделение колоний Англии в Северной Америке (не исключено, что некоторые английские современники на события в североамериканских колониях проецировали события эпохи «Великого Мятежа», полагая, что и там будет нечто похожее, но американское движение вылилось в новый проект с доминирующими светскими тенденциями в политической жизни) и революция во Франции, которая протекала не редко под совершенно светскими и антицерковными лозунгами. Кроме этого, в самой Англии активно протекала модернизация, как политическая, так и экономическая.

Англия становилась одной из индустриально развитых стран⁴⁵², что было ознаменовано отмиранием старых традиционных, в первую очередь аграрных крестьянских⁴⁵³, идентичностей. Трудно понять, что в наибольшей степени повлияло на английских политиков, потеря колоний или серийность террора, ознаменованного «мадам гильотиной», но они больше не пытались искать спасения в Библии. На смену библейской предрасположенности пришел преимущественно секулярный характер новых политических идентичностей, что выразилось в массовой английской поэзии конца XVIII – начала XIX веков.

Обратимся непосредственно к некоторым, принадлежащим ей, текстам и попытаемся проанализировать представленные в них идентичностные дискурсы. Массовая поэзия имеет почти исключительно светский характер, а особые идентичностные дискурсы, для не характерные, социально маркированы. Подобная социальная направленность проявилась, например, в песне, написанной ножовщиком из Шэффилда, Вилльямом Мэтэром. Тексты В. Мэтэра лишены малейшего налета религиозности и в этом отношении совершенно не похожи на более ранние тексты:

that monster Oppression –
behold how he stalks!
Keeps picking the bones
of the poor as he walks.
There's not a mechanic throughout
this whole land
but what more or less feels
the weight of his hand.
That offspring of tyranny,
baseness, and pride.
Our rights hath invaded
and almost destroyed...⁴⁵⁴

⁴⁵² См. об этом подробнее: Ефимов А.В. Промышленный переворот в Англии / А.В. Ефимов. – М., 1941; Захер Я.М. Промышленный переворот в Англии и его последствия / Я.М. Захер. – Л., 1928.

⁴⁵³ См.: Лавровский В.М. Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII – начала XIX века / В.М. Лавровский. – М.-Л., 1940.

⁴⁵⁴ Lloyd G. The Cutlery Trades / G. Lloyd. – L., 1913. – P. 241.

...это чудовищное Притеснение –
заметь, как он гордо выступает!
Береги кости, беднота, когда оно идет.
Нет *механика* во всей этой земле,
который не испытал тяжесть его руки.
Выродок произвола, низости и гордости
вторгся в наши права,
почти их уничтожив...⁴⁵⁵

Нередко героем произведения В. Мэтэра оказывался маргинал, потерявший связи со своей социальной средой в результате модернизации.

...ordained I was a beggar,
and have no cause to swagger;
it pierces like a dagger to think
I'm thus forlorn.
My trade and occupation
was ground for lamentation
which makes me curse
my station and wish
I'd ne'er been born...⁴⁵⁶

...замечено, что я был голодранцем,
и не имею никакой причины важничать;
это режет меня подобно кинжалу...
думаю насколько я несчастен.
Моя торговля и занятие
были темами для плача,
который вынуждает меня
проклясть мое место [в жизни]
и желать, что я когда-то родился...»⁴⁵⁷

⁴⁵⁵ Существует и другая версия перевода, выполненная исследователем английской литературы А.Н. Николюкиным: «...это чудовищное Угнетение – смотри, как оно надменно выступает, как оно высасывает из бедноты кровь. Во всей стране не найдется рабочего, который не испытал бы всю тяжесть его гнета, этот отпрыск тирании, низости и спеси посягнул на наши права и почти уничтожил их...». См.: Николюкин А.Н. Массовая поэзия в Англии конца XVIII – начала XIX веков / А.Н. Николюкин. – М., 1961. – С. 10.

⁴⁵⁶ Lloyd G. The Cutlery Trades. – P. 166.

Некоторые анонимные тексты так же представляют собой рефлексии по временам доминирования традиционного общества:

...But ah! Oppression forc'd me from my cot;
my cattle seiz'd, as also was my corn...⁴⁵⁸

...Но ах! Гнет изгнал меня из моей лачуги,
я лишился своей коровы, равно как и своего хлеба...

Большинство подобных текстов развиваются вокруг идеи прошлого как лучшего времени, как «золотого века» доминирования традиционного общества:

...in days of yore rich and poor agreed,
poor served the rich and rich the poor relieved...
no despots and tyrants then womb
produced but mutual all,
each loved, and none abused...⁴⁵⁹

Рефлексия по уходящему и умирающему традиционному обществу была в одинаковой степени и политической, и собственно – традиционалистской. Этот традиционализм лежал в сфере старых социальных отношений, которые казались более справедливыми, чем новые экономические порядки, возникшие в результате модернизации. В народном мировоззрении модернизация предстает как зло, как разрушение старых, в первую очередь – крестьянских, традиционных идентичностей и ценностей. Некоторые тексты несут в себе элементы постоянно слабеющей религиозности (например, иногда упоминается слово «Lord», но дос-

⁴⁵⁷ А.Н. Николюкин предлагал следующее прочтение: «...мой удел быть нищим, у меня нет причины задирать нос, как кинжал меня режет мысль о том, какой я несчастный. Мое ремесло достойно жалобы, и это заставляет меня проклинать свою долю и жалеть, что я родился на свет...». См.: Николюкин А.Н. Массовая поэзия в Англии конца XVIII – начала XIX веков. – С. 11.

⁴⁵⁸ Цит. по: Николюкин А.Н. Массовая поэзия в Англии... – С. 35.

⁴⁵⁹ Gill C. The Naval Mutinies of 1797 / C. Gill. – Manchester, 1913. – P. 387.

таточно сложно определить в каком значении – «Бог» или «господин») в виду того, что интересы авторов были сосредоточены на других, преимущественно – социальных проблемах.

...our tyrant Lord commands us from our home;
and arm'd with cruel law coercive power bids
me and mine o'er barren mountain roam...⁴⁶⁰

...наш лорд-тиран изгоняет нас из нашего дома
и вооружившись жестокими законами и властью
заставляет меня с семьею бродить по бесплодным горам...

С другой стороны, христианские образы нередко имеют негативный характер (в частности, в стихах Джэймза Монтгомери присутствует образ «Christian broker in the trade of blood»⁴⁶¹), возникая дабы подчеркнуть несправедливость модернизации в сравнении со старыми временами доминирования безусловной традиционности. Экономический рост и благополучие одних оборачивалось разрушением традиционных связей и отношений в других социальных группах и сообществах. Творческое наследие В. Мэтэра и других анонимных авторов принадлежит к светскому дискурсу. В приведенных выше небольших текстах можно рассмотреть не социальную сознательность, которую там искали советские исследователи, а протест традиционной культуры против модернизации.

Борьба старого традиционного уклада против модернизации нередко вела к росту радикализма среди подвергшихся маргинализации крестьян. В первой половине 1790-х годов анонимный автор писал:

...to rid the world of beasts of prey
the sc'ff'd and the g'l't'ne
will do the work complete,
I weene, will rid the world
of all these devils and cure
*a hundred thousand evil...*⁴⁶²

⁴⁶⁰ Цит. по: Николукин А.Н. Массовая поэзия в Англии... – С. 35.

⁴⁶¹ См. подробнее: Montgomery J. The Poetical Works / J. Montgomery. – Boston, 1879. – Vol. 1. – P. 161.

⁴⁶² Politics for the People. – No 7. – P. II. (курсив мой – Авт.)

Примечательно, что, протестуя против нового, авторы этих текстов невольно апеллируют к одному из самых «удачных» и «востребованных» проектов и достижений модернизации того времени — гильотине:

...long live great Guillotine,
who shaves the Head so clean,
of Queen and King;
whose power is so great,
that ev'ry Tool of State
dreadeth his mighty weight,
Wonderful Thing!!!...⁴⁶³

Каков был характер протеста, затронутого и отраженного в выше процитированном тексте? Вероятно, это не была социальная или классовая борьба, хотя социально-экономические мотивы были среди тех, которые побуждали вчерашних крестьян к действию. Важнейшим побудительным фактором в этой ситуации могло быть желание сохранить традиционный уклад и в значительной мере архаичные традиции, противопоставив их в качестве альтернативы политическим и экономическим новациям и изменениям. Для вчерашних относительно благополучных крестьян и горожан усиление английского влияния в мире за счет роста и развития внутренней промышленности обернулось разрушением традиционного уклада жизни.

Протест традиционного общества, которое в лице «Великого исполнителя приговора» («the grand Executioner»⁴⁶⁴), вынесенного современности крестьянами и частично горожанами, вооруженными «hatchet, pike and gun»⁴⁶⁵, «hoes and plows»⁴⁶⁶, не имело ни малейшего желания уступать свое место обществу современному

⁴⁶³ Цит. по: Николукин А.Н. Массовая поэзия в Англии... — С. 35.

⁴⁶⁴ Hammond J., Hammond B. The Skilled Labourer. 1760 — 1832 / J. Hammond, B. Hammond. — L., 1920. — P. 260.

⁴⁶⁵ Peel F. The Rising of the Luddites, Chartists and Plug-Drawers / F. Peel. — Brighouse, 1895. — P. 47.

⁴⁶⁶ Peel F. The Rising of the Luddites, Chartists and Plug-Drawers. — P. 49.

проявился в луддитском движении⁴⁶⁷. Само движение осознавалось его участниками как «the great work»⁴⁶⁸, призванная построить новый мир, новую политическую культуру и идентичность. В одной из песен луддитов мы находим такую строфу:

...around and around we all will stand,
and sternly swear to will,
we'll break the shears and windows too,
and set fire to tazzling mill...⁴⁶⁹

Тексты луддитских песен представляют собой уникальный дискурс альтернативной идентичности. Луддиты, отстаивая некоторые традиционные отношения, пытались разрушить и уничтожить фабрику с ее «wide frames» и «Engines of mischief»⁴⁷⁰ как социальный и экономический институт⁴⁷¹.

В этом противостоянии модернизации и новых идентичностных проектов со старыми традиционными идентичностями проявился, вероятно, не классовый и не социальный конфликт, а конфликт между различными конкурирующими трендами в рам-

⁴⁶⁷ См. одну из ранних работ классика британской исторической науки Эрика Хобсбаума, посвященную движению луддитов: Hobsbawm E. The Machine Breakers / E. Hobsbawm // Past and Present. – 1952. – No 1,

⁴⁶⁸ Wearmouth R.F. Some Working-Class Movements of the Nineteenth Century / R.F. Wearmouth. – L., 1948. – P. 9.

⁴⁶⁹ Peel F. The Rising of the Luddites, Chartists and Plug-Drawers. – P. 120. В. Рогов предложил перевод, который передает смысл песни и от части луддитского движения в целом, особенно – в выделенном фрагменте: ...

в кругу едином мы стоим,

и все клянемся в том,

что высадим окна,

сломаем станки и

фабрику подожжем... См.: Николюкин А.Н. Массовая поэзия в Англии... – С. 111.

⁴⁷⁰ Hammond J., Hammond B. The Skilled Labourer. 1760 – 1832. – P. 259.

⁴⁷¹ В.А. Васютинский в 1929 году полагал, что рабочие не боялись машины как конкурента, а их «страшила возможность попасть на фабрику». Васютинский В.А. Разрушители машин в Англии (очерки истории луддитского движения) / В.А. Васютинский. – М.–Л., 1929. – С. 80

ках английской политической нации, которая к тому времени сложилась, но границы и критерии принадлежности к которой не были сформулированы окончательно. В подобной поэзии примечательно, что ее авторы нередко в своих произведениях обращались к Франции, как более справедливой с социальной точки зрения страны. Один из авторов того времени, Томас Рикмэн, в частности, писал:

...Hail Briton's land! Hail freedom's shore!
Far happier then of old for in thy blessed
realms no more the Rights of Man are sold...⁴⁷²

...Привет тебе, земля Бретани!
Приветствую берег свободы!
ы стала счастливее, чем была раньше,
ибо в твоём благословенном крае
перестали продавать Права Человека...⁴⁷³

Достаточно трудно определить, чем было вызвано именно такое отношение. Кроме этого, нам неизвестно насколько авторы массовой поэзии были знакомы с последствиями политического террора во Франции. Кроме этого, показательно изменение отношения к Франции и французам⁴⁷⁴, которые, в отличие от более раннего периода перестали быть объектами для религиозно основанной и подкрепленной критики. На стыке XVIII и XIX столе-

⁴⁷² Conway M. The Life of Thomas Paine / M. Conway. – L., 1909. – P. 167.

⁴⁷³ По мнению А.И. Николюкина этот фрагмент следует перевести так: «...Привет тебе, Британии земля! Привет тебе свободный брег! Ты стала счастливее, чем прежде, ибо в твоём благословенном краю больше не торгуют Правами Человека...». См.: Николюкин А.Н. Массовая поэзия в Англии... – С. 21. В этот перевод вкралась неточность: «Briton's land» – это, вероятно, «земля бретонцев» или Бретань – один из французских регионов.

⁴⁷⁴ Об отношении англичан к Французской революции см.: Alger J. Englishmen in the French Revolution / J. Alger. – L., 1889; Laprade W. England and the French Revolution. 1789 – 1797 / W. Laprade // Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science. – 1909. – Vol. XXVII. – No 8 – 12.

тий⁴⁷⁵ в Англии появились тексты, характер которых можно определить как внедискурсные. Это были в значительной степени маргинальные произведения в силу двух причин: в то время, когда Великобритания находилась в состоянии острейшей политической, военной и экономической конфронтации с Францией, авторы этих текстов, наоборот, воспевали потенциальную победу французских войск в войне:

...Europe's fate on the contests's decision depends,
most important its issue will be;
for should France be subdued, Europe's liberty ends,
if she triumphs the world will be free...⁴⁷⁶

Восприятие Франции как политической нации, более того – свободной политической нации, подчеркивает то, что в начале XIX века в Англии развивался альтернативный тип политической идентичности, основанный на континентальных европейских ценностях прав и свобод человека. Этот идентичностный тип находился в состоянии конкуренции с магистральными, англоцентричными, политическими трендами и течениями. От нарратива XVII века была унаследована политическая, нередко – антимонархическая, направленность. Вилльям Джонс, например, в одном из текстов писал:

...Men, who their duties know,
but know their rights,
and, knowing, dare maintain prevent
the long-aim'd blow,
and crush the tyrant while
they rend the chain...

...мужчины, которые знают
свои обязанности,
но знают и свои права,
которые они могут

⁴⁷⁵ Об этом периоде см.: Ashton J. Old Times. A Picture of Social Life at the End of the 18th Century / J. Ashton. – L., 1885; Bowden W. Industrial Society in England towards the End of the 18th Century / W. Bowden. – NY., 1925.

⁴⁷⁶ См. подробнее: The Trial of James Montgomery for a Libel on the War. – Sheffield, 1795. – P. 5.

защитить и поддержать...
и сокрушают тирана,
одновременно разрывая цепи...⁴⁷⁷

Иногда антимонархические нарративы сочетались с французскими. В частности Джон Тэлволл (John Thelwall) писал о возможности переноса французского опыта на английскую почву

...but cease ye fleecing senators
your country to undo –
or know we British Sans Cullottes
hereafter may fleece you...⁴⁷⁸

что свидетельствует о наличии мощных тенденций к радикализации в рамках маргинального политического дискурса. Этот нарратив, как правило, сочетался и с определенной антимонархической риторикой. С другой стороны, если в более ранний период монархия – воспринималась как препятствие для политического развития, то в конце XVIII века именно с монархией ассоциировалось большинство социальных проблем, возникших в результате модернизации.

В такой ситуации, традиционалистский нарратив сочетался с политическим. Поэтому, некоторые английские радикалы снова поднимают проблемы возможного развития Англии как республики. В частности анонимный автор в 1819 году писал:

...we've fought for our freedom,
our freedom we've won;
no longer we pay for the light of the sun...
in Albion's Republic, the isle of the brave...⁴⁷⁹

Новый республиканизм в Англии в корне отличался от того республиканского проекта, который имел место в период Англий-

⁴⁷⁷ Перевод А.И. Николюкина: «...люди, знающие свои обязанности, знают и свои права, которые они могут защищать, предотвратить грозящую опасность, сокрушить тирана и разорвать цепи...». См.: Николюкин А.Н. Массовая поэзия в Англии конца XVIII – начала XIX веков. – С. 30.

⁴⁷⁸ Цит. по: Николюкин А.Н. Массовая поэзия в Англии... – С. 77.

⁴⁷⁹ The Republican. – 1819. – Vol. 1. – No 8.

ской революции, что выражалось в уверенности республиканцев в светском характере будущей Английской Республики

...all true honest hearts
must detest a religion
that serves to enslave both
the body and mind...⁴⁸⁰

Новый английский республиканизм от своего исторического предшественника отличался большим радикализмом и более светским политическим языком. Если английские республиканцы XVII века говорили языком молитвы, то республиканцы начала XIX столетия использовали политический язык, в котором значительную роль играли национально маркированные английские образы, среди которых – «Old England»⁴⁸¹, «British Spirit»⁴⁸².

Этот радикализм, вероятно, стал результатом попыток английских радикалов соединить местные, английские, политические тренды с континентальным европейский, французским, опытом, в частности – в виде массового террора⁴⁸³ ради достижения политических целей предоставления широких прав сторонникам республики. Очевидно, что радикальный дискурс развивался вокруг концепта навой идентичности, которая должна была быть преимущественно политической. Политическая направленность альтернативного идентичностного проекта состояла в том, что его сторонники полемизировали с носителями мейнстримовых идей, отвергая официальную лояльность монархии.

Подводя итоги этого экскурса в коллизии развития английской идентичности на стыке двух столетий, XVIII и XIX веков, укажем на важнейшие особенности идентичностных процессов в Англии. Идентичность, представленная в проанализированных выше текстах, была преимущественно светским, секулярным, проектом. С другой стороны, ее характер был маргинальным, альтернативным, ее носители не могли интегрироваться в доминирующий политический контекст. Появление этих новых дискурсов в развитии идентичности было вызвано политической и

⁴⁸⁰ The Republican. – 1826. – Vol. XIII. – No 8.

⁴⁸¹ The Medusa. – 1819. – No 4.

⁴⁸² The Medusa. – 1819. – No 32.

⁴⁸³ Один из анонимных авторов уверял, что «every honest man's his rights, and every rogue a halter». The Medusa. – 1819. – No 8.

экономической модернизацией, кризисом и распадом традиционного общества.

В виду того, что успех модернизации был далеко неполным, а в некоторых социальных областях ее воздействие было поверхностным и незначительным, возникали различные маргинальные идентичностные тренды. Такими были, в частности, движение луддитов, возрождение республиканской идеи. Но политический мейн-стрим в Англии отличался значительной устойчивостью, и вызов со стороны маргинальных трендов был успешно преодолен. Эволюция английской национальной идентичности в целом, а так же других политических и культурных идентичностей развивалось в рамках официального политического дискурса, проявляясь в различных политических концепциях лояльности и английского нации, а так же британского имперского дискурса.

НА ОКРАИНАХ ИМПЕРИИ: ДИСКУРСЫ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВИЛЛЬЯМА СОМЭРСЭТА МОЭМА

В некоторых разделах этой монографии автор неоднократно констатировал, что литература играет важную роль в развитии национализма, сохранении и воспроизведении национальной идентичности, транслировании национальных нарративов и культивировании национальных мифов. Не желая повторяться, отмечу, что английская литература была важным каналом для развития идентичности. Литературные тексты – источник, который демонстрирует не только состояние интеллектуального сообщества, но и отражает динамику развития и изменения идентичности, отмирания старых идентичностей и появления новых идентичностных проектов.

Английская литература XX века стала своеобразным полигоном для национального воображения английских интеллектуалов. В России существуют устойчивые традиции изучения английской литературы, в ряде университетов возникли научные школы. С другой стороны, диапазон интерпретаций текстов традиционно развивается в русле литературоведческих исследований. Иными словами, в распоряжении исследователя немалое количество работ о литературных школах и направлениях, истории литературы, творчестве отдельных писателей.

В то же время проблема «английский национализм – английская литература» остается почти неизученной в отечественном литературоведческом дискурсе. Что касается историков и политологов, то они, к сожалению, не так часто привлекают в качестве источников литературные тексты. Между тем, литературные произведения отражают важные процессы развития и изменения идентичности. Не следует забывать и о том, что представляла из себя английская литература XIX – первой половины XX веков.

Это была литература страны, бывшей крупнейшей колониальной империей, страны с развитыми традициями политического и культурного национализма. Чувство осознания принадлежности к английской политической нации, своей причастности к Британской Империи оказало немалое влияние на развитие английской литературы. Не утверждая, что каждый английский писатель был английским националистом, автор в данной части монографии проанализирует некоторые националистические дискурсы, проявившиеся в английской литературе. Последующие разделы не претендуют на всеохватность, это – не история английской литературы.

Автор проанализирует различные литературные идентичности, проявления английской идентичности в произведениях английских писателей. Выбор текстов в значительной степени субъективен и продиктован личными интересами и литературными предпочтениями автора. Начнем с Вильяма Сомэрсэта Моэма (1874 – 1965)⁴⁸⁴.

Активная литературная деятельность Сомэрсэта Моэма совпала с важными политическими процессами и событиями в Англии. Моэм успел побывать и свидетелем британского колониального могущества, застав времена и заката, кризиса Британской Империи. Тексты Моэма⁴⁸⁵ содержат несколько дискурсов, связанных с развитием английской идентичности. Важнейших из них – колониальный.

Моэм, подобно некоторым другим английским писателям, культивировал свой образ Ориента, Востока. Но в то время, если Киплинг приобрел репутацию певца английского колониализма, то Моэм – рассказчик о личных трагедиях и судьбах британцев в английских колониях. В некоторых текстах Моэма видна колониальная экзотика, в ряде произведений фигурируют герои, действующие и живущие в британских владениях в Юго-Восточной Азии или англичане, путешествующие по миру, британцы, вынужденно констатирующие, что границы между Востоком и Западом постепенно размываются и разрушаются.

⁴⁸⁴ О С. Моэме см. подробнее: Морган Т. Сомерсет Моэм. Биография / Т. Морган. – М., 2002.

⁴⁸⁵ Моэм неоднократно издавался на русском языке. См. например: Моэм С. Избранные произведения / С. Моэм. – М., 1985. – Т. 1 – 2; Моэм С. Дождь. Рассказы / С. Моэм. – М., 1961; Моэм С. Полное собрание рассказов / С. Моэм. – М., 1999 – 2001. – Т. 1 – 5.

Мир эпохи существования Британской Империи – это Англия, совокупность английских колоний, и места, где можно увидеть заезжих англичан. Для Сомэрсэта Моэма одним из таких мест было Гонолулу: «...это – место встречи Востока и Запада. Здесь соприкасаются необычайная новизна и невообразимая древность. И если вы не обнаружили ожидаемой романтики, вы все же прикоснулись к чему-то своеобразному и таинственному. Все эти странные люди живут рядом друг с другом, говорят на разных языках, по-разному думают; они верят в разных богов и по-разному оценивают мир...»⁴⁸⁶.

Англичанин в такой ситуации – почти всегда колонизатор, чужак, приезжий. В частности рассказ Сомэрсэта Моэма «На окраине империи» открывается прибытием европейца, англичанина, в одну из британских колоний: «...новый помощник прибыл после полудня. Когда мистеру Уорбертону, резиденту, доложили, что прау уже видна, он надел тропический шлем и спустился к реке. Почетный караул – восемь малорослых солдат-даяков – вытянулся в струнку при его появлении. Резидент с удовольствием отметил про себя, что вид у солдат бравый, мундиры опрятны и впору, а оружие так и сверкает. Да, ему есть, чем гордиться. Стоя на пристани, он не спускал глаз с поворота реки, из-за которого через минуту стремительно вылетит лодка. В белоснежном полотняном костюме, в белых туфлях он выглядел безукоризненно. Под мышкой он держал пальмовую трость с золотым набалдашником - подарок султана, правителя Перака. Он ждал с двойственным чувством...»⁴⁸⁷.

В данном фрагменте заметен контраст между местным Ориентом и его временными европейскими обитателями, колониальными чиновниками и служащими, «белым человеком» и малорослыми местными солдатами, между европейскими и местными патриархальными традициями. Восток – сфера однозначного доминирования традиционности, отношений зависимости и подчинения, насилия и подавления: «...на веслах сидели арестанты-даяки, приговоренные к различным срокам заключения; двое конвойных ждали их на пристани, чтобы опять отвести в тюрьму. Даяки, крепкие молодцы, с детства привычные к реке, размеренно и сильно взмахивали веслами. Когда лодка подошла

⁴⁸⁶ Перевод: О. Тихомиров.

<http://www.lib.ru/INPROZ/MOEM/honolulu.txt>

⁴⁸⁷ Перевод: Нора Галь.

<http://www.lib.ru/INPROZ/MOEM/empire.txt>

к берегу, из-под навеса на корме поднялся человек и шагнул на пристань. Солдаты взяли на караул...»⁴⁸⁸.

Отношения европейца и местных жителей редко выходили за рамки именно отношений подчинения и доминирования, местные даяки были вынуждены повиноваться, а англичане – нести бремя европейской культуры. Однако, героям Моэма это удавалось не всегда, хотя формулы подчинения и иерархии успешно усвоили и европейцы и местные жители: «войдя в дом, он снял шлем и швырнул его слуге»⁴⁸⁹. Англичане принесли в Юго-Восточную Азию не только имперскую администрацию, некоторые новые технологии, европейское оружие, британские порядки в армии, но свои привычки и традиции, от которых они не в состоянии избавиться, даже такие, как ежедневное переодевание к обеду, и эта традиция является для них поводом для рефлексии об Англии: «...в бытность мою в Лондоне я вращался в кругах, где переодеваться к обеду так же естественно, как принимать ванну каждое утро, иначе вас сочтут просто чудаком. И, приехав на Борнео, я не видел причины изменить этому прекрасному обычаю. Во время войны я три года не видел ни одного белого. Но не было случая, чтобы я не переоделся к обеду, - разве что был болен и вообще не обедал. Вы еще новичок в здешних краях; поверьте мне, это наилучший способ сохранить чувство собственного достоинства. Когда белый человек хоть в малой мере поддается влиянию окружающей среды, он быстро теряет уважение к себе, а коль скоро он перестанет сам уважать себя, можете быть уверены, что и туземцы очень быстро перестанут его уважать...»⁴⁹⁰.

Но английские колониальные чиновники – не рефлекслирующие интеллектуалы. И хотя многие о них помнят Англию, Лондон, тем не менее постепенно они словно сливаются с местным ландшафтом: «...и понемногу он искренне привязался к малайцам. Его занимали их нравы и обычаи. Он никогда не уставал их слушать. Он восхищался их достоинствами и, с улыбкой пожимая плечами, прощал их грехи... ему нравились их учтивость и умение себя держать, их кротость и внезапные вспышки страстей. Безошибочное чутье подсказывало ему, как с ними обращаться. Он питал к ним неподдельную нежность...»⁴⁹¹.

⁴⁸⁸ <http://www.lib.ru/INPROZ/MOEM/empire.txt>

⁴⁸⁹ <http://www.lib.ru/INPROZ/MOEM/empire.txt>

⁴⁹⁰ <http://www.lib.ru/INPROZ/MOEM/empire.txt>

⁴⁹¹ <http://www.lib.ru/INPROZ/MOEM/empire.txt>

Нередко разорившиеся в Англии аристократы становились не просто колониальными чиновниками, но исследователями и популяризаторами Востока. Герой рассказа «На окраине империи», хотя и ностальгирует по Англии, но понимает, что той Англии, которую он знал, уже не существует: «...возвращаясь на Борнео из своих поездок в Англию, он испытывал что-то похожее на облегчение. Его друзья, как и сам он, были уже не молоды, а новое поколение видело в нем просто докучливого старика. Нынешняя Англия, казалось ему, утратила многое из того, что было ему дорого в Англии его юности. А вот Борнео не меняется. Здесь теперь его родной дом. Он останется на своем посту как можно дольше. В глубине души он надеялся, что не доживет до того времени, когда придется подать в отставку. В своем завещании он написал, что, где бы ни пришлось ему умереть, он желает, чтобы прах его перевезли в Сембулу и похоронили среди народа, который он полюбил, на берегу, куда доносится мягкий плеск реки...»⁴⁹².

Поэтому Ориент для подобных ему более привлекателен, чем некогда родной Лондон. Англичане покорили Восток как европейцы, как носители новой современной культуры. С другой стороны, Ориент покориł многих из них своей архаичностью и традиционностью, умением сохранять свою уникальность даже в условиях британского доминирования. Постепенно на смену простому доминированию англичан на Востоке приходило знание Ориента, осознание того, что африканские колонии отличаются от азиатских, что и местные туземцы являются носителями своих культур и идентичностей: «...малайцы робки и крайне чувствительны, – сказал ему Уорбертон... старайтесь обходиться с ними всегда вежливо, с терпением и кротостью, и вы скоро увидите, что это наилучший способ чего-либо от них добиться. Купер коротко, резко рассмеялся... Я родился на Барбадосе, воевал в Африке. Надо думать, негров я знаю неплохо... Я их совсем не знаю, – сухо заметил мистер Уорбертон. – Но мы не о неграх говорим. Речь идет о малайцах... Да какая разница!... Вы очень невежественны, – сказал мистер Уорбертон. На том разговор и кончился...»⁴⁹³.

Англичане со свойственной им рациональностью сознательно воображали Ориент как определенный интеллектуальный концепт, четко разграничивая и конструируя его. Литература в

⁴⁹² <http://www.lib.ru/INPROZ/MOEM/empire.txt>

⁴⁹³ <http://www.lib.ru/INPROZ/MOEM/empire.txt>

формировании этой воображаемой имперской географии играла немалую роль. Моэм подчеркивает и различие между европейским и азиатским подчинением, между поведением европейской и азиатской прислуги («...мистер Уорбертон прошел в свою комнату, где все уже было для него приготовлено с такой тщательностью, как будто ему служил лакей-англичанин...»⁴⁹⁴), показывая Ориент как сферу доминирования традиционности в силу чего, Азия явно отстает от Европы, от того, о чем сами колониальные чиновники предпочитали отзываться как о «цивилизованном обществе»⁴⁹⁵.

Поэтому, порядок вещей, при котором Англия как Европа является метрополией, а Восток – колонией, для Моэма совершенно естественен. В текстах Моэма европейское соседствует с азиатским, восточным. В рассказе «На окраине империи» два британских чиновничества, обеда в европейском одиночестве, в окружении малайской прислуги... пользуются меню, написанном на французском языке: «...не хотите ли посмотреть меню? - спросил мистер Уорбертон, передавая листок Куперу. Меню было написано по-французски, у всех блюд - звучные, торжественные названия. За столом прислуживали те же два боя. Два других, стоя в противоположных углах столовой, огромными опахалами приводили в движение знойный воздух...»⁴⁹⁶.

И хотя местные солдаты вооружены европейским оружием, обучены по европейским уставам, англичане в такой обстановке ощущали свою чуждость, искусственную привнесенность европейских, английских, традиций. В этом контексте литература играла роль ретранслятора не только национальных нарративов, но и национальных стереотипов. Жизнь европейца в британской колонии была далека от цивилизаторской миссии «белого человека», нередко превращаясь в монотонное существование, стремление сбежать от своих собственных соотечественников-англичан: «...одному человеку не под силу управляться со всеми делами округа, а всякий раз, когда он совершает очередной объезд вверенного ему края, приходится оставлять резиденцию на попечение служащего-туземца, и это очень неудобно; но он слишком долго был здесь единственным белым, и приезд другого белого пробуждал в его душе невольные опасения. Он привык к одиночеству. Во время войны он три года не видел ни од-

⁴⁹⁴ <http://www.lib.ru/INPROZ/MOEM/empire.txt>

⁴⁹⁵ <http://www.lib.ru/INPROZ/MOEM/empire.txt>

⁴⁹⁶ <http://www.lib.ru/INPROZ/MOEM/empire.txt>

ного соотечественника; однажды его предупредили, что к нему приедет специалист по лесоводству, и предстоящая встреча с чужим человеком напугала его до крайности; он распорядился, чтобы приезжего приняли и устроили наилучшим образом, оставил записку, объясняя, что дела вынуждают его отлучиться, - и сбежал; вернулся он лишь после того, как его известили с нарочным, что гость уехал...»⁴⁹⁷.

Англичане в колониях – носители различных типов идентичностей, здесь – и британские аристократы, и профессиональные колонизаторы, которые родились даже не в Англии, а в метрополии бывают изредка: «...вы меня удивляете, - сказал мистер Уорбертон. - Все молодые люди из его рода учатся в Итоне и Оксфорде уже на протяжении нескольких веков. Я думаю, он не видит в этом ничего необыкновенного... По-моему, он самодовольный болван... А вы какую школу окончили?... Я родился на Барбадосе. Там и учился...»⁴⁹⁸. Такие англичане, будучи в колониях, являются носителями не просто национальной английской, но и социальной идентичности («...я был с этим Хинерли в одном полку, и можете мне поверить, люди его терпеть не могли... Откуда вы знаете?... Я сам был у него под началом... А, так, значит, вы не дослужились до офицера?... Черта с два я мог дослужиться. Я ведь уроженец колоний, так это называется. Я не учился в привилегированной школе, и у меня нет связей...»⁴⁹⁹), подчеркивая свою чуждость традициям «высокой культуры».

Для таких англичан «высокая культура», которые верят в то, что «...в одном отношении война пошла нам на пользу... она сокрушила власть аристократии. Бурская война уложила ее в гроб, а четырнадцатый год заколотил крышку...»⁵⁰⁰, принадлежность к которой подчеркивали колониальные чиновники, выглядит как анахронизм: «...они там, в Куала-Солор, таких обожают. А я лично не вижу в первоклассных спортсменах никакого толку. Играет человек в гольф и в теннис лучше других - а что с того в конечном-то счете? Что за важность, если он ловко разбивает пирамидку на бильярде? В Англии больно много значения придают всей этой чепухе...»⁵⁰¹.

⁴⁹⁷ <http://www.lib.ru/INPROZ/MOEM/empire.txt>

⁴⁹⁸ <http://www.lib.ru/INPROZ/MOEM/empire.txt>

⁴⁹⁹ <http://www.lib.ru/INPROZ/MOEM/empire.txt>

⁵⁰⁰ <http://www.lib.ru/INPROZ/MOEM/empire.txt>

⁵⁰¹ <http://www.lib.ru/INPROZ/MOEM/empire.txt>

Формирование британской колониальной империи, распыление англичан по колониям привело к некоторым кризисным тенденциям в развитии большой британской идентичности, ее расколу на ряд более мелких идентичностных проектов, некоторые из которых, не выдерживая конкуренции с процессами втягивания широких слоев населения в английскую идентичность, постепенно отмирали. Массовость идентичности большинства явно одерживала верх в конкуренции с «высокой культурой» меньшинства. Идентичность стала серийной, а на ее фоне британские аристократы выглядели подобно анахронизму, красивой иллюстрацией на фоне декораций Оrients.

В текстах Моэма мы находим и другие идентичностные английские типы, среди которых встречаются и носители традиционной архаичной английской культуры. Например, в рассказе «Церковный служитель» викарий выясняет, что один из его слуг... не умеет ни читать, ни писать. Этот англичанин уверен, что не нуждается ни в письме, ни в чтении: «...я пошел в услужение, когда мне было двенадцать лет, сэра. На первом месте повар пытался обучить меня, да, видно, у меня нет способностей, а потом уж так получилось, что и времени не было. В общем-то мне это никогда не мешало. Мне думается, множество нынешних молодых людей тратят зря уйму времени на чтение вместо того, чтобы делать что-нибудь полезное...»⁵⁰².

Но и такие англичане, словно последние свидетели уже ушедшей «зеленой» Англии тоже постепенно исчезают под напором модернизации. В этой ситуации английская национальная идентичность становится не только более современной, современной, но и однообразной, серийной. Творческое наследие Вилльяма Сомэрсэта Моэма показательно в контексте развития английской идентичности в первой половине XX века. Следует оговориться, что в его произведениях мы сталкиваемся с несколькими дискурсами этой идентичности, британская идентичность сосуществует и соотносится с английской.

Вероятно, трансформация английской идентичности в британскую была явлением в значительной степени негативным для самой английской идентичности. Формирование Британской Империи привело к тому, что многие англичане были вынуждены покинуть Англию, в результате чего несколько последующих поколений англичан родилось за пределами Англии. Некоторые из

⁵⁰² Перевод: Н. Лосева.

<http://www.lib.ru/INPROZ/MOEM/chrchman.txt>

них даже не бывали на родине предков, или бывали там изредка. Превращение англичанина из фермера, горожанина и джентльмена в колонизатора имело противоречивые результаты. Английская идентичность, которая до этого была множественной, стала более разнообразной.

Носители различных культур и, как результат, разных идентичностей были вынуждены контактировать в колониях гораздо чаще, чем это было возможно, например, в Англии. Добавив к этому модернизацию с ее тенденциями к серийности, массовости и однообразности мы получим процесс, который были вынуждены пережить многие британцы в колониях. Превращение из нации-первооткрывательницы, из народа-колонизатора в гостя, невольного путешественника негативно сказалось на идентичностной динамике. Вероятно, именно поэтому не все герои Сомэрсэта Моэма умирали своей смертью – тут и убийство от руки местного туземца («На окраине империи»), и от руки собственной супруги («За час до файвоклока»).

Колонизатор пал жертвой собственной колонизаторской политики. В противостоянии Окцидента и Ориента первый одержал чисто внешнюю победу, привнеся в Азию некоторые технические достижения в то время, как второй победил в противостоянии идентичностей. Западная светская вне-традиционная, точнее – посттрадиционная, идентичность оказалась не в состоянии преобразовать Ориент под себя и для себя. Воображаемая география Востока, созданная английскими интеллектуалами, в значительной степени была именно воображаемым интеллектуальным конструктом интересным для англичан-европейцев, нежели для местных жителей.

Попытки интеграции имперских периферий в британский политический контекст окончились неудачными в первую очередь для самих англичан. Оторванные от Англии, разбросанные в английских колониях и владениях от Африки до Борнео, англичане постепенно впадают в то состояние, которое в исследовательской литературе нередко определяется как «кризис идентичности». Литература, постоянная рефлексия относительно себя, английскости и бремени белого человека – все эти интеллектуальные поиски и добровольные самоистязания не давали ответов на идентичностные вызовы, порождая новые «воображаемые сообщества», способствуя конструированию и развитию новых идентичностных проектов.

ОРИЕНТАЛИЗМ LIGHT: ДИСКУРСЫ ВОСТОКА В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ

В современной английской истории, вероятно, не было более мощного и действенного средства для развития и поддержания национальной идентичности как английская литература. На протяжении новой и современной истории формы, в которых литература использовалась для развития идентичности, менялись динамично и достаточно быстро. На протяжении пяти столетий английская литература стала сферой создания, развития и культивирования новых идентичностей. Процесс смены и появления новых идентичностных проектов в литературе имеет свою динамику: если в Раннее Новое Время нередко доминировали религиозно ориентированные дискурсы, то под напором модернизации и секуляризации в английской литературе начал доминировать светский политический дискурс в его различных, идеологических и культурных, проявлениях.

Формы проявления этого идентичностного дискурса так же были в значительной степени разнообразны: идентичность, например, могла быть религиозной и проявляться в текстах преимущественно религиозного содержания. С другой стороны, существовали и светские тренды, проявлявшиеся, в частности, в рамках культивирования целого комплекса особых нарративов, связанных с развитием королевской власти. Иными словами литература была сферой развития и сосуществования различных идентичностных проектов. Среди этих разнообразных проектов, вероятно, особое место занимает т.н. имперская идентичность, в рамках которой сочетались собственно английские и колониальные, как правило, восточные, нарративы.

Ориент, который привлекал внимание ни одного поколения английских интеллектуалов, и с которым оказались связаны

судьбы нескольких поколений англичан, которые родились, выросли или служили в колониях, стал своеобразным «местом памяти» для английского интеллектуального сообщества. Восточные мотивы характерны не только для английских писателей прошлого (Редьярд Киплинг, Сомэрсэт Моэм...), но и для некоторых современных авторов. Английская культура, подобно культурам Азии и Африки, так и не смогла изжить свой колониализм и словно индийская или нигерийская культура развивается и как постколониальная культура.

Иными словами, будучи вынужденными во второй половине XX века, расстаться с колониями, англичане не смогли отказаться от собственной культурной традиции связанной с имперским и колониальным опытом. Вероятно, даже если бы политические элиты Англии и поставили бы подобную задачу, то ее реализация оказалась бы невозможной, что связано, с одной стороны, с широким распространением в бывших колониях английского языка, и, с другой, наличием на территории самой Англии крупных сообществ, этнический, религиозный и культурный бэк-граунд которых связан с теми странами, которые некогда являлись британскими колониями.

Отметим и еще одну особенность английской идентичности, которая возникла частично благодаря краху колониальной системы и новым волнам модернизации второй половины XX века. В некоторых разделах этой книги мы уже констатировали, что постепенно на смену плюральности идентичностей приходит серийность идентичностей. Иными словами, на протяжении второй половины XX столетия английская идентичность становилась еще более серийной, немалую роль в чем сыграла и массовая, популярная, женская литература. И хотя феномен женской литературы, вероятно, более интересен для культуролога или социолога в контексте изучения и исследования различных идентичностных типов или путей социализации, в этом разделе автор, тем не менее, попытается остановиться на некоторых идентичностных дискурсах, которые содержат подобные «женские» тексты.

В качестве источника используем роман английской писательницы Розамунды Пилчер «Возвращение домой», вышедший в Англии в середине 1990-х годов. Вероятно, следует сказать несколько слов и об авторе этого двухтомного⁵⁰³ текста. Сведений о Розамунде Пилчер доступно почти столько же, сколько и писате-

⁵⁰³ Русский перевод состоит из двух томов и более чем девятиста страниц.

лях XVI – XVII столетий, хотя их объединяет, вероятно, только английский язык в то время, как англоязычных авторов прошлого можно включать в контекст английской литературы, а тексты Р. Пилчер – следует выставить за пределы литературного дискурса, интерпретируя их не как литературные произведения, а именно как тексты, отражающие те или иные идентичностные тренды. Известно, что в период Второй мировой войны Р. Пилчер была сотрудницей Министерства Иностранных Дел, а позднее находилась во вспомогательной женской службе ВМС. Розамунда Пилчер – автор более десяти книг, рассчитанных на женскую аудиторию.

В этом разделе мы остановимся, как уже отметили выше, на двухтомном тексте романа «Возвращение домой». Русское издание сопровождается аннотацией, рассчитанной на целевую аудиторию книги и которую следует привести почти полностью: «Родители Джудит Данбар уезжают в Сингапур, а она остается в Англии, в пансионе "Школы святой Урсулы", где знакомится с Лавди Кэрри-Льюис. Аристократическое семейство Кэрри-Льюисов становится для Джудит второй семьей. В их доме она переживает первую любовь и первые разочарования. А потом начинается война. Джудит решает идти служить в армию. Однажды в короткие дни отпуска в военном затемненном Лондоне она встречает того, кто станет ее судьбой».

Для нас в данном случае интересен почти изначально восточный тренд этого текста, что позволяет нам предположить, что в книге Р. Пилчер английские нарративы и образы будут соседствовать с восточными, ориентными. И, действительно, одна из героинь книги совершенно четко соотносит и идентифицирует себя с другими англичанами, и английскими семьями, но с одной только оговоркой – «английскими семьями Британской Индии»⁵⁰⁴.

Английские образы в сознании героев книги являются основой для почти постоянной рефлексии, которая географически маркирована и связана с эмоционально значимыми объектами Англии («...они прожили в Корнуолле четыре года. Почти треть ее жизни. И, в общем, это было хорошее время. Дом был удобный, места хватало всем, к нему примыкал большой, довольно запущенный, с яблоневою рощей сад, спускавшийся по склону

⁵⁰⁴ Пилчер Р. Возвращение домой / Р. Пилчер. – М., 2004. – Т. 1. – С. 13.

холма множеством террас, газонов, каменных ступеней...»⁵⁰⁵), которая постепенно из Родины превращается для них в повод для воспоминаний и рефлексии, одно большое и отдаленное «место памяти».

Сама Англия в сознании таких героев предстает как совокупность понятных, но вместе с тем и национально маркированных образов старой, «зеленой», аграрной Англии: «...фермерские земли, похожие на лоскутное одеяло, – то зеленый бархат пастбищ, то коричневый рубчатый вельвет пашни; далекие холмы, на которых тут и там высились древние, сооруженные из камней в незапамятные времена памятники-пирамиды; отражающий небесную синеву морской рукав, похожий на громадное озеро, – сходство мнимое, ибо его воды поднимались и отступали вместе с морскими приливами и отливами, и с морем он соединялся глубоководным протоком, который именовался Каналом...»⁵⁰⁶.

Стремление приблизить английские образы к определенным сложившимся клише, вписать их в рамки созданного ранее стереотипного образа страны, вероятно, свидетельствует о том, что тексты Р. Пилчер принадлежат к дискурсу массовой литературы с ее тенденциями к транслированию и культивированию национальных стереотипов. Герои Р. Пилчер достаточно радикально порвали связи с Англией, и хотя английские образы еще сохраняют для них какое-то значение, их приоритеты находятся далеко за пределами Англии и, поэтому, судьба английских военнопленных в Германии⁵⁰⁷ их, конечно, волнует, но настолько, чтобы отказываться от своих колониальных приоритетов.

Но и такие англичане живут в условиях доминирования национальных стереотипов: они переживают за судьбу доблестного и героического Британского корпуса в Европе, но их переживания связаны не с опасностями, которые грозят англичанам, а с тем, что англичане вынуждены воевать совместно с деморализованными французами⁵⁰⁸. Словно развивая антифранцузские нарративы своих далеких предшественников Р. Пилчер не забывает указать и на то, что именно французы первыми капитулировали перед немцами, склонив тем самым к капитуляции и англичан: «...они дошли до Сен-Валери-ан-Ко, дальше отступить было не-

⁵⁰⁵ Пилчер Р. Возвращение домой. – Т. 1. – С. 13.

⁵⁰⁶ Пилчер Р. Возвращение домой. – Т. 1. – С. 14.

⁵⁰⁷ Пилчер Р. Возвращение домой / Р. Пилчер. – М., 2004. – Т. 2. – С. 66.

⁵⁰⁸ Пилчер Р. Возвращение домой. – Т. 2. – С. 66.

куда. Спасение с моря было невозможно из-за тумана, и измотанные в боях батальоны были окружены — зажаты в тиски немецкими бронетанковыми дивизиями. Десятого июня французский корпус сложил оружие, несколько часов спустя его примеру последовали остатки Горской дивизии. Позже, после того как их разоружили, им было позволено промаршировать под дождем мимо своего генерала, держа равнение направо. Строем они отправились в плен...»⁵⁰⁹.

Для некоторых героев книги Ориент стал почти биографией: «...в двадцать три года Луиза все еще не была помолвлена и ничего такого и не ожидалось, так что родители вынуждены были отправить ее в Индию, в семью одного родственника-военного, служившего в Дели. Когда настала жаркая пора, все семейство перебралось на север, к прохладным холмам Пуны, там-то Луиза и встретила с Джеком Форрестером. Майор Бенгальского стрелкового полка, он только что приехал в отпуск из форта где-то в горах, в этой дыре он проторчал двенадцать месяцев, участвуя время от времени в стычках с воинственными афганцами...»⁵¹⁰.

Для большинства англичан в колониях Восток представлял собой дикий, чуждый и совершенно непонятный мир: «...европейцев среди местных жителей было мало, а единственный туземный поселок представлял попросту несколько грязных улочек, изрытых колесами повозок в воловьих упряжках, с горсткой лачуг, крытых пальмовыми листьями; по понятным причинам, английским матросам запрещено было там показываться. А вдали от берега, за белыми пляжами с островками пальм, начиналась весьма неприветливая местность, кишущая змеями и насекомыми, настроенными по большей части агрессивно...»⁵¹¹.

Это был мир, в котором они были вынуждены ежедневно существовать, с различным успехом пытаясь перенести сюда европейские традиции, сделав его более или менее похожим на Англию. Но и в такой ситуации английские мотивы периодически появлялись, но стимулами к рефлексии об оставленной родине были не случайно заезжие британцы, а местные жители, которые держали ресторан и периодически для английских военных ставили одну и ту же английскую пластинку: «...серенький китайский ресторанчик на Харбор роуд, который держала сингаль-

⁵⁰⁹ Пилчер Р. Возвращение домой. — Т. 2. — С. 66.

⁵¹⁰ Пилчер Р. Возвращение домой. — Т. 1. — С. 18.

⁵¹¹ Пилчер Р. Возвращение домой. — Т. 2. — С. 240.

ская семья. А хозяева ресторанчика могли предложить посетителям лишь одно развлечение – ужасную грампластинку под названием "Воспоминания о милой Англии"...»⁵¹².

Восток для многих англичан в период второй мировой войны оказался почти спасением, о чем некоторые из них сами и признавали. В частности одна из героинь романа Р. Пилчер настаивала на том, что возможность уехать во время войны на Восток была для многих спасением: на Востоке, в английских колониях и военных частях в Азии они могли чувствовать себя в большей безопасности⁵¹³, чем те их соотечественники, которые остались в Англии. Но постепенно ситуация меняется: военные действия в Азии становились все более активными, а успехи японцев – очевидными. Именно поэтому возникают японские нарративы, призванные подчеркнуть противостояние европейской английской культуры и Ориента.

Собственно японских образов в текстах Р. Пилчер нет. Мы встречаемся исключительно с упоминаниями о японцах и японской опасности на страницах газет, но и этого достаточно, чтобы нарушить покой британского колониального рая: «...сильно потесненным защитникам Малайи долго не продержаться. Теперь, когда Куала-Лумпур в руках у японцев и жители покинули город, спасаясь бегством, японские пята и гвардейская дивизии двинулись на юг, к проливу Джохор, где предстоящее сражение должно решить судьбу Сингапура... Индийская бригада разбита на реке Муар... Армия под командованием генерал-лейтенанта Персиваля вынуждена отступить к Сингапуру...»⁵¹⁴.

Именно столкнувшись с японцами, англичане на Востоке, вероятно, задумались о судьбах своей колониальной империи: «...на Востоке японцы приближаются к Джохорскому пути. Сингапур бомбят уже вторые сутки... траншеи и оборонительные укрепления... ожесточенные бои на реке Муар... британская авиация продолжает бомбить и обстреливать пулеметным огнем японские баржи... нанесен удар по австралийской территории, японские войска численностью пять тысяч человек высадились на островах Новая Британия и Новая Ирландия... малочисленный оборонительный гарнизон был вынужден отступить...»⁵¹⁵.

⁵¹² Пилчер Р. Возвращение домой. – Т. 2. – С. 241.

⁵¹³ Пилчер Р. Возвращение домой. – Т. 2. – С. 39.

⁵¹⁴ Пилчер Р. Возвращение домой. – Т. 2. – С. 160.

⁵¹⁵ Пилчер Р. Возвращение домой. – Т. 2. – С. 185.

Если раннее континентальные европейские католики были для англичан олицетворением зла и опасности, то теперь такие ожидания скорой гибели и крушения («...это будет катастрофа. Если мы потеряем Сингапур, мы потеряем всю голландскую Ост-Индию...»⁵¹⁶) оказались связаны почти исключительно с японцами. Япония в культурном дискурсе Англии символизировала не только отдаленный и экзотический Ориент, но и демонстрировала, что азиатские страны, подобно Европе, отличаются значительными модернизационными возможностями. В период войны японцы, вероятно, были наиболее лучшими и удобными (даже чем немцы, которым было многое простительно в виду того, что они являются более понятными и знакомыми европейцами) кандидатами на формирование образа «чужого».

Проникновение англичан на Восток оказалось широким почти исключительно с географической точки зрения в то время, как они оказались не в силах радикально изменить местные восточные, азиатские традиции. Европейская английская культура, ее некоторые проявления приживались на Востоке крайне медленно и мучительно. Подлинная английская культура для англичан на Ориенте осталась далеко в Англии, в то время как на Востоке они сталкивались только с ее имитацией. Социальные и культурные отношения в колониях развивались в условиях строгой иерархичности: социальные роли британцев были доступны только для выходцев из Англии в то, время как отношение к местным жителям было подчиненно миссии белого человека, который стремился «держатъ этих афганцев в ежовых рукавицах, чтобы они не забывали свое место»⁵¹⁷.

Жизнь, проведенная вне пределов Великобритании, в восточных и ориентных декорациях, среди колониальных чиновников и британских офицеров, в окружении неангличан (тут стереотипные образы и индийцев, и афганцев) вероятно, могла в значительной степени изменить и психологию, и идентичностные установки некоторых англичан, что могло, в частности, выражаться в постепенном разрушении границ между такими понятиями как «английскость» и «британскость».

Герои книги, Джудит Данбар, являются носителями, вероятно, не собственно английской, а именно британской идентичности, почти свято веря в «превосходство военно-морского флота и

⁵¹⁶ Пилчер Р. Возвращение домой. – Т. 2. – С. 186.

⁵¹⁷ Пилчер Р. Возвращение домой. – Т. 1. – С. 60.

всемирную мощь Британской империи»⁵¹⁸: «...Джудит родилась в Коломбо и жила там до десяти лет – на два года дольше, чем обыкновенно позволяли оставаться в тропиках детям из британских семей. За все эти годы Данбары лишь однажды ездили домой, в папин "большой отпуск", но Джудит тогда было всего четыре года, и воспоминания об этих каникулах в Англии с течением времени затуманились в ее памяти. Она никогда не ощущала Англию своей родиной, своим домом. Настоящим домом был для нее Коломбо, просторное бунгало с зеленым садом на Галле роуд, отделенное от Индийского океана однопутной железнодорожной линией, идущей к югу до города Галле...»⁵¹⁹. Почти вся жизнь таких героев, героев, которым некуда возвращаться – это колониальный опыт, опыт существования в условиях механически скопированных и перенесенных на Восток английских национальных и британских (вплоть до названия улиц и географических объектов) политических традиций.

Вероятно, современные тексты Р. Пилчер имеют весьма опосредованное отношение к английской литературной традиции, связанной с формированием ориентных образов. И по художественному языку, и по степени раскрытия восточных образов, и по глубине проникновения в восточную специфику тексты Р. Пилчер остаются именно текстами и значительно уступают произведениям, например, Р. Киплинга или С. Моэма. Вероятно, в случае с текстами Р. Пилчер мы имеем дело не с литературными произведениями, а с текстами, которые представляют собой рефлексии о Востоке, рожденную в недрах массовой культуры.

Это – не рефлексия относительно текстов великих предшественников, это – набор образов понятных и доступных для массового читателя. Тексты Р. Пилчер, вероятно, свидетельствуют о том, что лучшие времена для ориентализма в английской литературной традиции остались в прошлом. На смену подлинному интересу к Востоку, даже с позиций английского колонизатора, пришел набор стереотипных знаний и устойчивых представлений английского потребителя массовой культуры (не случайно, многие романы Р. Пилчер послужили основой для английских «мыльных опер») об Оrienте. В английском «культурном» дискурсе возник своеобразный ориентализм light...

⁵¹⁸ Пилчер Р. Возвращение домой. – Т. 1. – С. С. 161.

⁵¹⁹ Пилчер Р. Возвращение домой. – Т. 1. – С. 13.

Итак, позади восемнадцать текстов, посвященных проблемам английского национализма и идентичности.

Это – разные тексты, некоторые из которых почти не связаны между собой. Автор задумывал научную монографию, но вместо нее получился сборник отдельных статей, эссе, объединенных общей темой.

Надеюсь, что те, кто прочитал все эти эссе, уловили, что национализм – это не просто политика, но и культура, и литература, неотъемлемая часть средневековой, но, главным образом, ранней современной и современной политической, религиозной, литературной и интеллектуальной истории Запада.

Недостатки книги очевидны – большой хронологический разрыв между первым текстом и теми проблемами, о которых идет речь в следующих разделах. Кроме этого, в книге преобладают тексты посвященные средневековой и ранней современной истории Англии и только два последних эссе связаны с XX столетием.

О достоинствах книги судить читателю...

Хотел ли автор написать еще несколько разделов?

Да, были планы включить в книгу тексты о различных идентичностных дискурсах англо-саксонской Англии, о долларах и использовании ими английского языка, Британской Империи, о колониализме и ориентализме, искусстве «историописания» и «историоописания», об исторических мифах и «местах памяти», о современной английской литературе в контексте формирования и развития новых идентичностных проектов, о постнационалистическом движении в Англии...

Но рано или поздно приходится ставить точку...

Надеюсь, что отражу эти темы в своих других работах, возможно, что они станут основой для продолжения этой книги, для второй части «Imagining England»...

*Воронеж,
1 – 30 января 2008 года*

Научное издание

Кирчанов Максим Валерьевич

Imagining England:
национализм, идентичность, память

Воронеж
2008

Воронежский государственный университет
Факультет международных отношений
Воронеж, Московский пр-т, 88

Тираж: 100